

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 25, № 4*

Вологда • 2021

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В.

Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина	7
---	---

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Регионально-отраслевые кадровые дисбалансы России: постиндустриальные вызовы	24
---	----

Попов А.В.

Масштабы и особенности распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ	43
---	----

Попова Л.А., Зорина Е.Н., Суховеев Н.Н.

Особенности уровня и структуры смертности по причинам в Республике Коми.....	63
--	----

Белехова Г.В.

Динамика и территориальные особенности экономического поведения населения России в сфере использования вкладов и кредитов	81
--	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Секушина И.А.

Межмуниципальное сотрудничество как инструмент управления социально-экономическим развитием малых и средних городов	100
--	-----

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Белин И.Л.

Оценка влияния нефтегазовых доходов на структуру и динамику инвестиций в основной капитал региона (на примере Приволжского федерального округа).....	119
---	-----

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Лебедева М.А.

Состояние и перспективы развития возобновляемой энергетики в регионах Крайнего Севера России.....	139
--	-----

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: май 2021 года.....	156
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2021 года.....	168

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары.....	177
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН.....	178
Правила для авторов.....	180
Информация о подписке.....	183

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Shabunova A.A., Natsun L.N., Korolenko A.V.

Strengthening Public Health: Balance of Responsibility of the State and a Citizen.....	7
---	---

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Balatskii E.V., Ekimova N.A.

Regional and Sectoral Personnel Imbalances in Russia: Post-Industrial Challenges	24
--	----

Popov A.V.

The Scale and Features of Spreading Various Forms of Non-Standard Employment in Russia's Entities.....	43
---	----

Popova L.A., Zorina E.N., Sukhoveenko N.N.

Features of the Level and Structure of Mortality by Causes in the Komi Republic	63
--	----

Belekhova G.V.

Dynamics and Territorial Features of Russians' Economic Behavior in the Use of Deposits and Loans	81
--	----

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Sekushina I.A.

Inter-Municipal Cooperation as a Tool for Managing Socio-Economic Development of Small and Medium-Sized Cities.....	100
--	-----

TERRITORIAL FINANCE

Beilin I.L.

Impact Assessment of Oil and Gas Revenues on the Structure and Dynamics of Investments in the Regional Fixed Assets (the Case of the Volga Federal District).....	119
--	-----

ECONOMICS OF NATURE

Lebedeva M.A.

The State and Prospects of Renewable Energy Development in the Regions of the Far North of Russia	139
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy in May 2021.....	156
Monitoring of the Vologda Oblast Population's Social Well-being in June 2021.....	168

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars.....	177
New VolRC RAS issues.....	178
Guidelines for the authors.....	180
Subscription information.....	183

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1

УДК 314.44+314.17 | ББК 60.7

© Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В.

УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ: БАЛАНС ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@volnc.ru

ORCID: [0000-0002-3467-0921](#); ResearcherID: [E-5968-2012](#)

ЛЕЙЛА НАТИГОВНА НАЦУН

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-9829-8866](#); ResearcherID: [I-8415-2016](#)

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА КОРОЛЕНКО

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7699-0181](#); ResearcherID: [I-8201-2016](#)

Современные реалии социального, экономического и демографического развития страны предъявляют высокие требования к человеческому потенциалу населения, в частности к состоянию физического здоровья. Укрепление здоровья населения выступает необходимым условием социально-экономического развития территорий и России в целом, поэтому требует пристального внимания со стороны не только общества, но и органов власти всех уровней. Среди широкого перечня факторов, определяющих индивидуальное и общественное здоровье, на первый план в ряду управляемых факторов выходят характеристики образа жизни, в том

Для цитирования: Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1

For citation: Shabunova A.A., Natsun L.N., Korolenko A.V. Strengthening public health: balance of responsibility of the state and a citizen. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1

числе поведение людей в отношении собственного здоровья. В отечественных и зарубежных исследованиях достаточно подробно разработана тематика оценки взаимосвязи поведения людей и рисков развития различных патологий, но недостаточно изученным остается влияние внутренних психологических установок людей в отношении заботы о здоровье на практики заботы о нем, а также потенциала его влияния на общую картину показателей, характеризующих общественное здоровье. Цель настоящего исследования состоит в оценке возможностей и ограничений достижения баланса ответственности за состояние здоровья граждан между ними и государством. Информационной базой исследования послужили данные официальной статистики, а также многолетнего мониторинга здоровья и самосохранительного поведения населения Вологодской области, проводимого Вологодским научным центром. Выполнен анализ оценок состояния здоровья и отдельных параметров самосохранительного поведения у населения Вологодской области, признающего и не признающего личную ответственность за здоровье. Установлено, что респонденты, ответственные за свое здоровье, значительно чаще называют здоровье главной жизненной ценностью, лучше оценивают его состояние, чаще применяют здоровьесберегательные меры, заботятся о нем и в большей степени мотивированы на ведение здорового образа жизни. В то же время показано, что повышение личной ответственности населения за состояние своего здоровья должно сопровождаться улучшением работы первичного звена здравоохранения региона и расширением профилактики поведенческих рисков для здоровья.

Здоровье, здоровый образ жизни, личная ответственность за здоровье, самосохранительное поведение населения региона.

Введение

Ключевыми процессами, определяющими демографическое развитие стран мира в перспективе ближайших десятилетий, выступают увеличение средней продолжительности жизни и старение населения. Основную роль демографического фактора в социально-экономическом развитии территорий неоднократно подчеркивали ведущие российские демографы А.И. Антонов и В.А. Борисов [1], Л.Л. Рыбаковский [2; 3], В.Н. Архангельский [4]. Учитывать особенности демографического развития необходимо, в том числе, в связи с их влиянием на изменение структуры причин смертности населения. На современном этапе демографического развития в мире наибольшее число умерших приходится на неинфекционные хронические заболевания, которые являются причиной 71% всех случаев смерти, включая 15 миллионов ежегодных случаев смерти среди людей в возрасте от 30 до 70 лет¹. Развитие хронических и неинфекционных заболеваний (НИЗ) в определенной

мере предотвратимо при условии своевременной профилактики. Вероятность НИЗ определяет образ жизни людей и их поведение в отношении своего здоровья, следовательно, эти факторы становятся ведущими в сохранении здоровья, особенно в пожилом возрасте². Так, в зарубежных исследованиях была подтверждена положительная прямая взаимосвязь между субъективным благополучием в пожилом возрасте и степенью физической активности в свободное время [5].

Вклад поведенческого фактора, связанного с отношением человека к собственному здоровью и продолжительности жизни, в состояние здоровья оценивается специалистами на уровне 50–55% [6]. В свою очередь, на качество жизни поведение в отношении здоровья влияет независимо от его исходного состояния [7]. В числе главных причин наиболее распространенных неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистых, онкологических, хронических респираторных и сахарного диабета) на сегодняшний день выступают такие предотвратимые поведен-

¹ ВОЗ представила Глобальный план действий по повышению уровня физической активности. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/detail/04-06-2018-who-launches-global-action-plan-on-physical-activity> (дата обращения 09.06.2021).

² Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2010. 60 с.

ческие факторы риска, как употребление табака, отсутствие физической активности, неправильное питание и чрезмерное употребление алкоголя⁵ [8; 9]. По данным аналитиков ВОЗ, «каждый пятый взрослый человек в мире и каждые четыре из пяти подростков (11–17 лет) недостаточно физически активны»⁴.

Наличие установок на ведение здорового образа жизни и применение конкретных здоровьесберегательных практик зависят как от факторов внешней среды (доступности и качества услуг здравоохранения, объектов социальной инфраструктуры, «моды» на ведение ЗОЖ и т. д.), так и от личной ответственности индивида за собственное здоровье. Установки в отношении собственного здоровья – одни из наиболее устойчивых во времени и, как правило, передаются в семье из поколения в поколение. В частности, условия семейного воспитания воздействуют на формирование здорового образа жизни у детей уже в раннем возрасте, а впоследствии определяют готовность детей к школе, влияют на социальное неравенство и благополучие на протяжении всей жизни [10]. Государственная политика в сфере здоровьесбережения населения также оказывает существенное влияние на формирование и закрепление в общественном сознании установок на здоровьесбережение. Преобладание у части населения внешнего локуса контроля над состоянием своего здоровья – наследие советской системы здравоохранения и в целом социалистической политической системы. Сложившееся в советскую эпоху представление о том, что государство является носителем ответственности за здоровье каждого гражданина, способствует тому, что часть населения не принимает на себя инициативу в профилактике предотвратимых заболеваний и обращается

за медицинской помощью только по факту развития заболевания, чтобы получить больничный или рецепт на лекарства. За прошедшие постсоветские годы общественное здравоохранение претерпело ряд кардинальных изменений. Причем они касались сужения области ответственности государства за здоровье населения и сокращения спектра направлений оздоровительной и профилактической работы [11]. На практике это проявилось в свертывании финансирования корпоративных программ здоровьесбережения (отмена полной оплаты путевок в санатории и профилактории, летние детские оздоровительные лагеря, регулярных профосмотров, упразднение спортивных секций на предприятиях и в учреждениях). Эти перемены в сочетании с общим негативным социально-экономическим климатом раннего постсоветского периода (90-е гг.) наряду с другими факторами внесли свой вклад в рост заболеваемости и смертности населения трудоспособного возраста.

Согласно рассчитываемому Всемирным экономическим форумом индексу человеческого капитала⁵, по компоненту «здоровье населения» Россия в 2015 году находилась на 81 месте. А по величине ожидаемой продолжительности здоровой жизни она заметно уступает не только развитым западным европейским странам, но и многим государствам постсоветского пространства (для примера: в 2016 году ОПЗЖ в России составляла 63,5 года, в Германии – 71,6 года, в Беларуси – 65,5 года)⁶.

В настоящее время важной задачей в сфере здоровьесбережения представляется формирование действенного, эффективного баланса ответственности за здоровье индивида между ним и государством. Государство со своей стороны декларирует важность сохранения здоровья и увеличения продол-

⁵ Global status report on non-communicable diseases 2014. Geneva: World Health Organization, 2014. 302 p.

⁴ ВОЗ представила Глобальный план действий по повышению уровня физической активности. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/detail/04-06-2018-who-launches-global-action-plan-on-physical-activity> (дата обращения 09.06.2021).

⁵ Отчет о человеческом капитале – 2015 / Всемирный экономический форум. URL: <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2015> (дата обращения 09.06.2021).

⁶ World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en> (accessed 20.06.2021).

жительности здоровой жизни. В рамках специальных программ предпринимаются отдельные шаги по укреплению материально-технической базы учреждений здравоохранения, решению проблем кадрового дефицита в отрасли, в том числе на региональном уровне. В национальном проекте «Здравоохранение» особое внимание уделяется развитию первичного звена оказания медицинской помощи, детского здравоохранения, борьбе с неинфекционными заболеваниями⁷. В качестве составляющей национального проекта «Демография» реализуется федеральный проект «Укрепление общественного здоровья»⁸, а также федеральный проект по повышению качества жизни пожилого населения⁹.

В 2017 году Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвержден приоритетный проект «Здоровый образ жизни». Его целью является увеличение доли граждан, приверженных здоровому образу жизни, до 50% к 2020 году и до 60% к 2025 году путем формирования ответственного отношения к своему здоровью¹⁰. Однако индикаторы проекта имеют некоторую разбалансированность. Например, значения показателя «распространенность потребления табака среди взрослого населения» планируется достичь на уровне 27% к 2025 году. Согласно последнему замеру ВЦИОМ¹¹, этот показатель уже достиг 29%. В то же время вовлечь в систематические занятия физической культурой и спортом к 2025 году планируется 45% населения. Данные ВЦИОМ свидетельствуют о том, что сегодня доля таких граждан составляет только 25%.

Целевые показатели здоровьесбережения требуют реализации системы профи-

лактических мероприятий среди детского и взрослого населения. Основная нагрузка, связанная с проведением данных мероприятий, приходится на амбулаторно-поликлинические отделения. Вместе с тем именно первичный сегмент системы здравоохранения в настоящее время испытывает хронический дефицит финансирования и наименее укомплектован медицинскими кадрами [12]. Исследователи указывают на существование дисбаланса в структуре финансирования отрасли: на первичное звено здравоохранения, обладающее максимальным охватом населения, расходуется наименьший объем средств, а на стационарную помощь выделяются значительные средства при низких показателях охвата ею населения [13; 14].

Сложность проблемы заключается даже не столько в наличии дисбаланса затрат, сколько в низком уровне государственного финансирования отрасли в целом. Доля государственных расходов на здравоохранение в общем объеме ВВП в России ниже рекомендуемого ВОЗ порога в 5%. По данному показателю Россия уступает не только постиндустриальным странам Европы, но и многим постсоциалистическим странам (рис. 1).

Руководитель Высшей школы организации и управления здравоохранением Г.Э. Улумбекова отмечает, что достижение целевого показателя ОПЖ (78 лет) к 2024 году возможно при условии увеличения финансирования здравоохранения в 1,4–1,5 раза, при правильной расстановке приоритетов в области укрепления общественного здоровья и решении ключевых проблем предоставления медицинской помощи населению [15]. Дефицит финансирования отрасли ведет к тому, что конституционно закрепленное право россиян на получение бесплатной

⁷ Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография». URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie> (дата обращения 01.07.2021).

⁸ Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья». URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/zozh> (дата обращения 01.07.2021).

⁹ Федеральный проект «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение». URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/stranitsa-5729> (дата обращения 01.07.2021).

¹⁰ Ключевая цель проекта – увеличить долю граждан, приверженных здоровому образу жизни, до 50% к 2020 году и до 60% к 2025 году. URL: <http://government.ru/news/28745> (дата обращения 09.06.2021).

¹¹ Здоровый образ жизни: пресс-выпуск // ВЦИОМ. 2018. 21 марта (№ 3611). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9001> (дата обращения 13.06.2021).

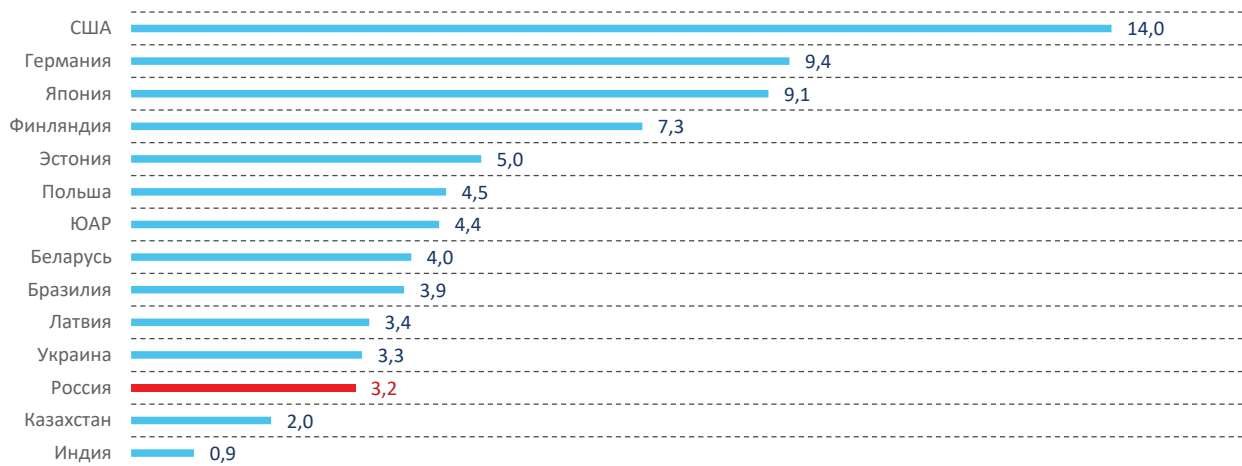

Рис. 1. Государственные расходы на здравоохранение по странам мира, 2018 год, % к ВВП

медицинской помощи по месту жительства не реализуется в полном и желаемом объеме. Это приводит к снижению доступности бесплатной медицинской помощи и вынужденному обращению населения в частные медицинские клиники [16].

Под влиянием перечисленных факторов баланс ответственности и заботы о здоровье все больше смещается от государства к населению. В то же время профилактика основных рисков развития хронических неинфекционных заболеваний требует решения ключевых вопросов с недофинансированием направления, обеспечением кадрами, устранения территориальной дифференциации в доступности медицинской помощи. О неравенстве в доступе к медицинской помощи в разрезе территории проживания свидетельствуют, в том числе, данные опросов населения Вологодской области. В 2020 году на низкую доступность услуг здравоохранения указали 27% опрошенных, проживающих в сельской местности, и только 18% горожан¹². Одной из главных проблем здравоохранения в сельской местности остается дефицит врачей. Согласно данным Росстата, в 2018 году именно отсутствие нужного специалиста возглавило перечень причин неполучения медпомощи при обращении в организации

здравоохранения: 40,5% случаев в городской и 48,6% в сельской местности¹³.

Очевидно, что достижение амбициозных целей в области укрепления здоровья населения требует определенных усилий и со стороны самих граждан. В силах каждого человека пересмотреть некоторые аспекты своего образа жизни, чтобы снизить риск неинфекционных заболеваний. Пандемия новой коронавирусной инфекции преподала миру несколько важных уроков, в т. ч. научила тому, что каждый человек несет ответственность не только за собственное здоровье, но и за здоровье окружающих. Картина распространения заболевания и результаты последующих мер по борьбе с ним показали, что в ответственных сообществах преодоление кризисной ситуации протекало быстрее и с меньшими потерями. По данным российских региональных исследований, в этот период население под влиянием контента, транслируемого через СМИ, стало более внимательно относиться к мерам профилактики, больше времени уделять занятиям спортом и физкультурой [17]. Однако пока неясно, закрепятся ли эти навыки надолго или это явление имеет краткосрочный характер.

Получило эмпирическое подтверждение влияние трудовой нагрузки и графика рабо-

¹² Данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, 2020 год.

¹³ Причины неполучения лицами в возрасте 15 лет и более амбулаторно-поликлинической помощи в 2018 году // Здравоохранение в России – 2019 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/03-24.doc

ты на здоровьесберегательные практики работающих граждан, имеющих в семье несовершеннолетних детей. В условиях дефицита свободного времени на заботу о здоровье, гибкие формы труда приобретают ключевое значение, особенно для работающих матерей [18].

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это основа качественной жизни и увеличения количества прожитых здоровых лет. Он подразумевает отказ от «вредных привычек», полноценное питание, физическую активность, соблюдение гигиены, режима труда и отдыха, психологическое благополучие индивида [19].

Понятие «здоровый образ жизни» исследователи раскрывают с учетом отраслевой специфики научного знания (философско-социологический, медико-биологический, психолого-педагогический, социологический подходы). Наиболее обоснованным и проработанным подходом к исследованию самосохранительного поведения и здорового образа жизни является социологический, который получил развитие, в частности, в трудах И.Б. Назаровой [20; 21], И.В. Журавлевой [22] и др.

Все подходы к определению ЗОЖ объединены общим пониманием того, что здоровье человека детерминируется комплексом условий и факторов, решающим среди которых является позиция самого человека, его отношение к собственному здоровью и продолжительности жизни.

Материалы и методы

Информационной базой исследования выступили данные социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проводимого ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Обследование проходило ежегодно в период с 1999 по 2020 год в форме раздаточного анкетирования в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах Вологодской области. Объем ежегодной выборки – 1500 респондентов. Тип выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения, квотная по полу и возрасту в соответствии с генеральной совокупностью. Репрезентативность выборки обеспечива-

лась соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Величина случайной ошибки выборки составляет 3% при доверительном интервале 4–5%. Техническая обработка информации осуществлялась в программах IBM SPSS Statistics 22 и MS Excel 2010.

Анализ влияния личной ответственности за здоровье на самооценку его состояния и отдельные параметры самосохранительного поведения (ценность здоровья, практикуемые здоровьесберегательные меры, характер и мотивы заботы о здоровье) выполнялся с помощью группировки респондентов на тех, кто считает себя ответственным за собственное здоровье, и тех, кто не считает себя таковым. Группировка была проведена на основании ответов на вопрос «Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?».

Исследование также опиралось на данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала ФГБУН ВолНИЦ РАН и результаты всероссийских опросов Росстата, Института социологии РАН, посвященных тематике здорового образа жизни населения.

Результаты и их обсуждение

В России широко распространены факторы, ограничивающие или снижающие здоровье населения. На основе данных многолетнего мониторинга здоровья и самосохранительного поведения населения Вологодской области нами выделены три группы факторов риска, воздействующих на здоровье.

1. *Социально-экономические* – факторы, определяющие материальное благополучие и социальный статус населения: низкий уровень образования (ниже среднего специального), некомфортность жилья, неудовлетворительные оценки питания. В 2018 году действие факторов данной группы отмечались для 64,1% населения (70,9% в 2014 году; 66,1% в 2000 году). Снижение негативного воздействия данных факторов возможно

при условии принятия эффективных мер социальной политики по повышению уровня жизни населения.

2. *Поведенческие* – факторы, объединяющие негативные характеристики образа жизни населения: курение, употребление алкогольных напитков, низкая физическая активность, отсутствие профилактики основных болезней. Эти факторы наиболее широко распространены в популяции. В 2018 году в той или иной мере они были присущи 86,2% опрошенных (90,1% в 2014 году; 91,1% в 2000 году). Сократить нагрузку на здоровье со стороны поведенческих факторов возможно только через изменение отношения населения к своему здоровью и осознанную мотивацию на изменение образа жизни, а также активизацию регулирующих воздействий со стороны государства и общества.

3. *Медико-демографические* – характеристики населения, ассоциированные с повышенным риском потери здоровья: возраст более 50 лет, наличие хронических заболеваний. Представительность группы носителей данных факторов среди населения в 2018 году составила 54,6% (55,5% в 2014 году, 57% в 2000 году). Снижение вероятности реализации рисков для здоровья, обусловленных данными факторами, требует поддержания высокого качества и доступности медицинской помощи, отлаженной работы служб социальной поддержки населения.

Накопление числа факторов риска закономерно сопровождается снижением вероятности позитивной самооценки здоровья. Сравнение групп населения, различающихся по количеству действующих факторов риска для здоровья, показывает обратное соотношение между долей людей, высказывающих хорошие самооценки здоровья, и числом отмеченных в группе факторов риска. Среди тех, у кого рассматриваемые факторы риска отсутствуют, регистрируется 20,3% позитивных самооценок здоровья, а среди тех, у кого отмечены 5 и более факторов риска, доля таких оценок падает до 13,8%. И если

для первой группы достаточно проведения информационно-профилактической работы и повышения физической активности (первичная профилактика болезней), то для тех, кто демонстрирует наличие вредных привычек, но пока не ощущает значимых изменений в здоровье, нужны не только доступные медицинские услуги, но и возможность социальной реабилитации, мероприятия, мотивирующие вести здоровый образ жизни.

Самооценка здоровья является достаточно чувствительным индикатором общественного здоровья, динамика которого свидетельствует о его улучшении на уровне страны и отдельных регионов. По данным РМЭЗ, значительно снизилась доля россиян, оценивающих свое здоровье как «плохое и очень плохое»: с 27% в 1998 году до 10,1% в 2018 году, причем 47% россиян в 2018 году дали положительную оценку своему здоровью¹⁴. В то же время согласно данным ВОЗ, Россия по доле позитивных самооценок здоровья по-прежнему значительно отстает от стран ЕС, где 68% населения оценивает свое здоровье как «хорошее».

По данным социологических опросов ФГБУН ВолНИЦ РАН, большая часть респондентов признают личную ответственность за собственное здоровье (86% в 2020 году; *рис. 2*). Полученные результаты согласуются с данными выборочного обследования поведенческих факторов здоровья Росстата, согласно которому 83% россиян считают себя ответственными за здоровье¹⁵. Для сравнения: в 2016 году в регионе доля таких ответов составляла 91%, а в 2018 году – 87%. То есть понимание личной ответственности за собственное здоровье осталось высоким даже в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Вместе с тем в 2020 году респонденты несколько чаще стали возлагать ответственность за свое здоровье на медицинских работников (прирост – 3 п. п.) и государство (прирост – 5 п. п.).

Как отмечает доктор социологических наук И.В. Журавлева, «сегодня можно го-

¹⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). URL: <http://www.hse.ru/rlms> <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения 29.03.2019).

¹⁵ Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения – 2013 // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Sdp2013.Bfs.Publisher/index.html (дата обращения 13.06.2018).

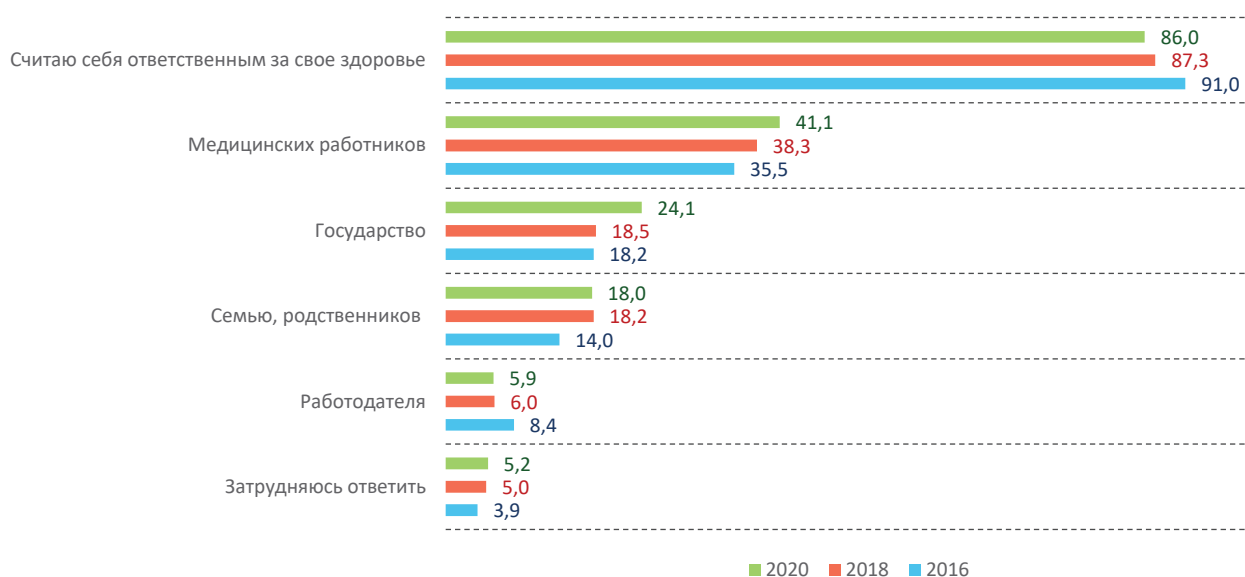

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?»*, 2018 и 2020 гг., % от числа ответивших

* Вопрос подразумевал выбор нескольких (не более 3) вариантов ответа, поэтому сумма ответов не равна 100%.
Источник (здесь и далее, если не указано иное): данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, 2016, 2018 и 2020 гг.

Таблица 1. Главные жизненные ценности в зависимости от признания личной ответственности за здоровье*, % от числа опрошенных

Ценность	Не считают себя ответственными за собственное здоровье			Считают себя ответственными за собственное здоровье		
	2016 год	2018 год	2020 год	2016 год	2018 год	2020 год
Здоровье	52,6	46,6	55,7	80,7	74,4	74,0
Счастливая и дружная семья	50,4	23,0	31,9	75,7	33,7	46,0
Материальное благополучие	49,6	63,4	67,1	52,7	80,5	82,2
Материнство/отцовство	28,1	42,4	41,9	43,1	51,9	46,1
Любимая работа	21,5	12,0	16,7	21,0	19,8	17,7
Образование	18,5	6,8	17,1	9,1	11,3	10,9
Общественное признание, популярность	10,4	4,2	2,9	5,6	2,5	4,1
Другое	0,0	10,5	8,1	0,2	2,1	2,2
Затрудняюсь ответить	11,1	0,5	0,0	1,6	1,4	0,2

* Вопрос «Что для Вас является главной ценностью?» подразумевал выбор нескольких (не более 3) вариантов ответа, поэтому сумма ответов в столбце не равна 100%.

ворить о существовании двух типов ответственности за здоровье. Первый ориентирован, прежде всего, на усилия самого человека при заботе о здоровье, второй – преимущественно на условия жизни, когда усилиям человека отводится второстепенная роль» [23].

Несмотря на преобладание среди опрошенных мнения о личной ответственности за свое здоровье (более 80%), трудоспособное население не стремится заботиться о нем. Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области, проводимый ФГБУН ВолНЦ РАН на протяжении

двадцати последних лет, показывает, что реальные планы по сохранению здоровья и его поддержанию в хорошем состоянии имеют только 40–45% работающего населения региона [24].

Хотя ценность здоровья присуща обеим рассматриваемым группам населения, в группе с четко выраженной позицией личной ответственности за свое здоровье значительно больше число тех, для кого оно является главной жизненной ценностью, причем данная закономерность устойчива во времени (табл. 1).

Среди респондентов в целом преобладают положительные (45,8%) и нейтральные (46%) самооценки состояния индивидуального здоровья. Личная ответственность за здоровье не показала существенных различий в ответах о наличии у людей хронических заболеваний. Хронические недуги встречались в обеих группах (33 и 31% соответственно).

В группе тех, кто признает личную ответственность за свое здоровье, доля негативных самооценок здоровья (8%) ниже, чем в противоположной группе (11%; *рис. 3а*). По данным общероссийских социологических исследований Института социологии РАН (И.В. Журавлева), здоровье лучше у тех, кто чаще указывал на значимость «собственных усилий человека» для его поддержания [25; 26]. В то же время позитивная самооценка здоровья чаще сочетается с признанием личной ответственности за здоровье, тогда как при крайне негативной оценке значительно возрастает неприятие такой ответственности (40%). Смещение в сторону крайне положительных самооценок здоровья также сопровождается ростом доли респондентов, не считающих

себя лично ответственными за состояние своего здоровья. Вероятно, часть из них полагают, что хорошее здоровье не является их личным достижением (19%; *рис. 3б*). Эти распределения свидетельствуют, с одной стороны, о том, что при наличии серьезных проблем со здоровьем люди склонны искать их причины не в собственном образе жизни, а во внешних воздействиях, а с другой – о том, что признание личной ответственности за свое здоровье в целом более характерно для респондентов с нейтральной самооценкой.

Ценность здоровья, установки на долготелетие в значительной степени определяют наличие у населения здоровьесберегающих практик [19]. Люди, считающие себя ответственными за здоровье, чаще прибегают к самосохранительным мерам по здоровьесбережению. Наиболее распространенными среди них являются (*табл. 2*):

- отказ от курения (42%);
- своевременное обращение за медицинской помощью (34%);
- посещение бани, сауны (27%);

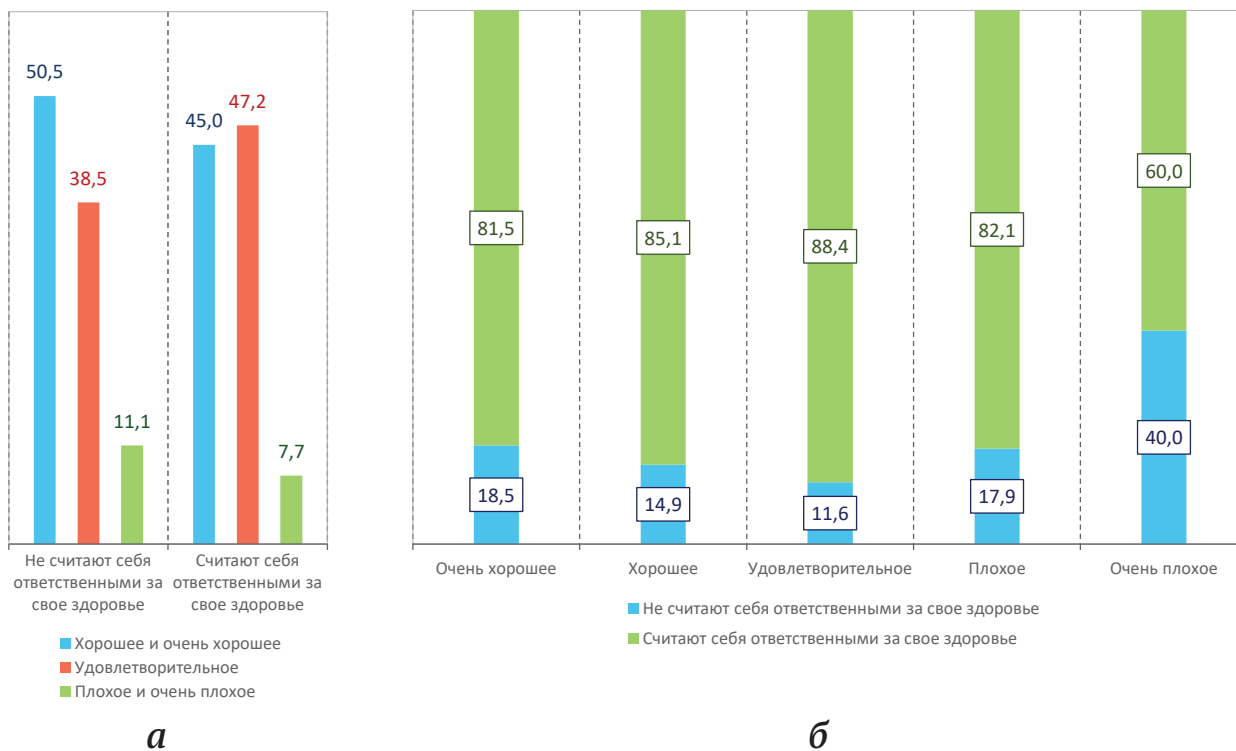

Рис. 3. Самооценка состояния здоровья в зависимости от признания личной ответственности за него (а) и признание личной ответственности за здоровье в группах респондентов с разной самооценкой здоровья (б), % от числа опрошенных соответствующих групп

Таблица 2. Практикуемые здоровьесберегательные меры в зависимости от признания личной ответственности за здоровье, % от числа опрошенных

Здоровьесберегательные меры*	Не считают себя ответственными за собственное здоровье			Считают себя ответственными за собственное здоровье		
	2016 год	2018 год	2020 год	2016 год	2018 год	2020 год
Не курю	23,0	28,8	27,1	47,8	42,1	38,7
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	17,8	18,8	24,3	24,3	33,6	33,8
Посещаю баню, сауну	19,3	23,0	22,4	32,0	27,4	26,0
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	13,3	12,0	15,7	27,9	23,8	24,0
Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников (родников, колодцев)	12,6	17,8	20,0	30,8	21,7	22,9
Соблюдаю режим питания, стараюсь, чтобы рацион был сбалансированным**	20,0	20,4	14,8	24,5	25,8	22,5
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	14,8	12,0	11,9	31,6	26,3	18,5
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	8,1	16,2	16,2	21,2	17,9	17,7
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	8,9	13,1	13,3	22,6	19,9	15,7
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	9,6	12,0	15,2	16,8	17,3	13,5
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	6,7	12,6	10,0	16,0	12,4	12,6
По возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т. п.	6,7	6,8	9,0	10,2	14,1	9,1
Ничего специально не предпринимаю	45,9	37,7	41,0	27,3	27,6	28,3

* Вопрос «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?» подразумевал выбор нескольких (всех подходящих) вариантов ответа, поэтому сумма ответов в столбце не равна 100%.

** В 2016 года вместо данного варианта ответа предлагалась формулировка «контролирую свой вес».

- соблюдение умеренности в потреблении алкоголя (26%);
- соблюдение режима и рациона питания (26%);
- ходьба пешком (24%);
- использование очистительных приборов для воды (22%);
- соблюдение оптимального сочетания трудовых нагрузок и отдыха (20%);
- контроль психического состояния (14%).

Среди респондентов, не признающих личную ответственность за свое здоровье, доля здоровьесохранительных практик заметно ниже (в 1,5–2 раза), чем у признающих ответственность. Следует также отметить, что в обеих группах есть слой граждан, ниче-

го не предпринимающих для поддержания своего здоровья (28% среди ответственных групп против 41% среди неответственных). Причем данная закономерность наблюдалась и в 2016, и 2018 гг., что свидетельствует о существовании устойчивого разрыва между знанием и поведением, а также о невысокой культуре здоровьесбережения.

Респонденты, признающие личную ответственность за здоровье, при ответе на вопрос «В какой мере Вы заботитесь о своем здоровье?» чаще выбирали вариант «в основном забочусь» (46%; рис. 4). В противоположной группе доля таких ответов почти в 2 раза ниже (24%). Кроме того, каждый пятый респондент данной

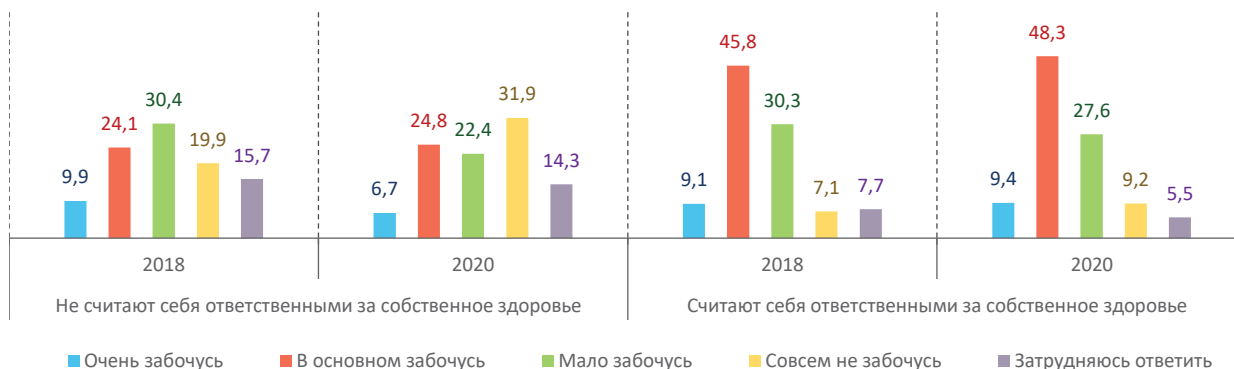

Рис. 4. Характер заботы о здоровье в зависимости от признания личной ответственности за него, %

Таблица 3. Здоровьесберегательные мотивы в зависимости от признания личной ответственности за здоровье, % от числа опрошенных

Здоровьесберегательные мотивы	Не считают себя ответственными за собственное здоровье			Считают себя ответственными за собственное здоровье		
	2016 год	2018 год	2020 год	2016 год	2018 год	2020 год
Потребность в хорошем самочувствии	20,0	31,4	30,0	48,8	42,2	46,6
Нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким	12,6	23,0	24,8	34,1	39,4	39,5
Желание повысить (сохранить) работоспособность	11,9	9,4	23,8	29,4	28,3	30,8
Страх заболеть	9,6	22,5	21,0	20,5	29,0	30,5
Нежелание сталкиваться с медициной	11,9	22,5	17,6	29,0	29,6	29,1
Стремление хорошо выглядеть, нравиться	9,6	19,9	5,7	34,5	20,8	23,3
Желание иметь здоровых детей	9,6	9,9	12,9	19,6	16,6	19,8
Стремление к долголетию	7,4	11,0	11,9	21,1	20,2	16,7
Стремление быть примером для своих детей, близких	10,4	9,9	9,0	19,5	19,0	16,6
Ухудшение здоровья, болезнь	14,1	16,2	6,7	16,3	11,0	11,0
Стремление достичь значимых целей в жизни (в работе, учебе)	1,5	5,2	5,2	9,7	9,3	9,8
Другое	0,7	0,0	0,5	0,1	3,4	0,1

* Вопрос «Если Вы заботитесь о своем здоровье, то что побуждает Вас это делать?» подразумевал выбор нескольких (всех подходящих) вариантов ответа, поэтому сумма ответов в столбце не равна 100%.

категории отмечал, что вовсе не заботится о здоровье (20%).

В 2016 и 2018 гг. основными мотивами здоровьесбережения среди респондентов, признающих личную ответственность за свое здоровье, выступали потребность в хорошем самочувствии (49 и 42%, соответственно), нежелание доставлять хлопоты близким (34 и 39%), сталкиваться с медициной (29 и 30%), желание повысить (сохранить) работоспособность (29 и 28%), страх заболеть (21 и 29%; табл. 3). В 2020 году ситуация в целом не изменилась.

Заключение

Как демонстрирует проведенный нами анализ, для современной России характерно смещение баланса ответственности за здоровье от государства к гражданину. Поэтому на первый план в сохранении общественного здоровья выходит осознание людьми новой реальности, принятие и выполнение обязательств по заботе о своем здоровье. В этой связи вызывает настороженность заметный разрыв между признанием большинством населения личной ответственности за здоровье (ее декларированием) и невысокими

показателями распространенности применения здоровьесберегательных мер на практике. Дополнительным компонентом проблемы становится присутствие среди населения тех, кто не признает личную ответственность за здоровье (14%). Среди них доля не предпринимающих никаких мер по сохранению и укреплению здоровья достигает 41%, а доля тех, кто совсем не заботится о здоровье, – 32%. Эта группа фактически не адаптирована к новой социально-экономической реальности и несет определенный риск ухудшения показателей общественного здоровья.

Выявленные проблемы сохранения и укрепления общественного здоровья имеют два основных источника: низкую активность населения в сфере здоровьесбережения и недофинансирование здравоохранения со стороны государства в условиях постоянно растущей нагрузки на отрасль, снижающее доступность медицинской помощи для населения. Представляется, что решение обозначенной в начале статьи проблемы поиска баланса ответственности государства и гражданина за общественное здоровье кроется прежде всего в развитии первичного сегмента здравоохранения, расширении его укомплектованности кадрами и оборудованием. Необходимо также вести работу по возрождению советской традиции реализации программ здоровьесбережения на рабочих местах, восстановлению медицинских служб при крупных предприятиях. Перечисленные меры позволят расширить охват населения просветительской работой, ориентированной на воспитание у него потребности в здоровье, повышение востребо-

ванности профилактических медицинских услуг, снижение приверженности саморазрушительным поведенческим практикам (чрезмерному потреблению алкоголя, табакокурению, переяданию). Соответственно, ожидаемыми результатами данных мероприятий станет снижение распространенности поведенческих рисков неинфекционных заболеваний, повышение выявляемости нарушений здоровья на ранних стадиях, улучшение объективных показателей здоровья и его субъективных оценок на индивидуальном уровне.

Укрепление здоровья населения выступает необходимым условием социально-экономического развития России и требует пристального внимания со стороны государства и общества. Особенно важно в этом контексте понимать, что наряду с традиционными факторами риска для здоровья появляется ряд новых, современных вызовов, игнорирование которых может уже в перспективе привести к резкому снижению общественного здоровья и человеческого потенциала. Признание личной ответственности за свое здоровье и расширение здоровьесберегающих практик служат ориентирами управленческого воздействия с целью формирования более высокого уровня культуры самосохранительного поведения и улучшения здоровья россиян. В свою очередь, материальной основой управления показателями общественного здоровья должно стать существенное увеличение финансирования здравоохранения и поэтапное доведение этого показателя до стандарта, рекомендованного на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. 191 с.
2. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8 (340). С. 49–60.
3. Рыбаковский Л.Л. Динамика населения России и ее компоненты в 2001–2025 гг. // Социологические исследования. 2011. № 12 (332). С. 43–49.
4. Перспективы демографического развития России до середины века / В.Н. Архангельский [и др.] // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 24–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-2

5. Ku P.W., Fox K.R., Chen L.J. Leisure-time physical activity, sedentary behaviors and subjective well-being in older adults: An eight-year longitudinal research. *Social Indicators Research*, 2016, vol. 127, iss. 3, pp. 1349–1361. DOI: 10.1007/s11205-015-1005-7
6. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2002. 520 с.
7. Woodruff S.I., Conway T.L. Impact of health and fitness-related behavior on quality of life. *Social Indicators Research*, 1992, vol. 26, iss. 4, pp. 391–405. DOI: 10.1007/BF00347897
8. Sommer I., Griebler U., Mahlknecht P. [et al.]. Socioeconomic inequalities in non-communicable diseases and their risk factors: an overview of systematic reviews. *BMC Public Health*, 2015, vol. 15, no. 914. Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s12889-015-2227-y.pdf>. DOI: 10.1186/s12889-015-2227-y
9. Wu F., Guo Y., Chatterji S. [et al.]. Common risk factors for chronic non-communicable diseases among older adults in China, Ghana, Mexico, India, Russia and South Africa: The study on global ageing and adult health (SAGE) wave 1. *BMC Public Health*, 2015, vol. 15. Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-015-1407-0>
10. Mollborn S., Lawrence E., Krueger P.M. Developing health lifestyle pathways and social inequalities across early childhood. *Population Research and Policy Review*, 26 September 2020. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11113-020-09615-6.pdf>. DOI: 10.1007/s11113-020-09615-6
11. Федотова Л.С. Здравоохранение как общественное благо и национальные модели организации системы медицинских услуг // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2017. Т. 27. № 4. С. 54–63.
12. Обеспечение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи / Н.Ф. Прохоренко [и др.] // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-dostupnosti-i-kachestva-pervichnoy-mediko-sanitarnoy-pomoschi> (дата обращения 01.07.2021).
13. Калашников К.Н., Шабунова А.А., Дуганов М.Д. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 153 с.
14. Александрова О.А. Кризис российского здравоохранения: «эксцесс исполнителя» или запрограммированный результат? // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 63–71. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-63-71
15. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2018. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdravoohranenie-rossii-2018-2024-gg-chnado-delat> (дата обращения 05.07.2021).
16. Калашников К.Н., Дуганов М.Д. Платные медицинские услуги: бремя или альтернатива? // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/2239/full> (дата обращения 02.07.2021).
17. Pedersen D.E. Work characteristics and the preventive health behaviors and subjective health of married parents with preschool age children. *Journal of Family and Economic Issues*, 2015, vol. 36, pp. 48–63. DOI: 10.1007/s10834-014-9433-0
18. Шабунова А.А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28613/full>. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.1
19. Шабунова А.А., Короленко А.В. Современная модель здорового образа жизни: место профилактики в повседневных практиках населения региона // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демогр. форума / отв. ред. А.И. Кузьмин. Т. II. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2017. С. 489–497.

20. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения / ГУ ВШЭ. М.: МАКС Пресс, 2007. 526 с.
21. Назарова И.Б. Доступность системы здравоохранения (медицинской помощи) и само-сохранительная активность граждан // Социология медицины. 2006. № 2 (9). С. 43–54.
22. Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 132–152. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6414
23. Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестн. Ин-та социологии. 2013. № 6. URL: http://www.vestnik-isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_6.pdf (дата обращения 13.06.2018).
24. Чекмарева Е.А., Леонидова Г.В. Региональные измерения трудового потенциала // Народно-население. 2016. № 1. С. 54–66.
25. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006. 238 с.
26. Здоровье студентов: социологический анализ / отв. ред. И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. М., 2012. 252 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александра Анатольевна Шабунова – директор, доктор экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@volnc.ru

Лейла Натиговна Нацун – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru

Shabunova A.A., Natsun L.N., Korolenko A.V.

STRENGTHENING PUBLIC HEALTH: BALANCE OF RESPONSIBILITY OF THE STATE AND A CITIZEN

The modern realities of social, economic and demographic development of the country place high demands on human potential of population, in particular, on physical state. Strengthening population health is a necessary condition for socio-economic development of the territories and Russia as a whole, therefore it requires close attention from not only society, but also authorities at all levels. Among a wide list of factors that determine individual and public health, lifestyle characteristics including people's behavior in relation to their own health, come to the fore in a number of controlled factors. Domestic and foreign studies have sufficiently detailed developed the topic of assessing the relationship between people's behavior and the risks of developing various pathologies, but the influence of people's internal psychological attitudes regarding health care on the practice of taking care of it, as well as the potential of its influence on the overall picture of indicators characterizing public health, remains insufficiently studied. The purpose of this research is to assess the possibilities and limitations of achieving responsibility balance for the

citizens' health state between them and the state. The information base of the work is the data of official statistics, as well as the long-term monitoring of health and self-preservation behavior of the Vologda Oblast population, conducted by the Vologda Research Center. The authors have carry out the analysis of assessments of the health state and individual parameters of self-preserving behavior among the Vologda Oblast population, who recognize and do not recognize personal responsibility for health. The article finds that respondents, responsible for their health, are much more likely to call health the main value of life, better assess its condition, more often apply health-saving measures, take care of it and are more motivated to lead a healthy lifestyle. At the same time, the paper shows that increasing the personal responsibility of population for their health should be accompanied by improving the work of the primary health care system in the region and expanding the prevention of behavioral health risks.

Health, healthy lifestyle, personal responsibility for health, self-preserving behavior, of the region's population.

REFERENCES

1. Antonov A.I., Borisov V.A. *Dinamika naseleniya Rossii v XXI veke i priority demograficheskoi politiki* [The Dynamics of the Russian Population in the 21st Century and the Priorities of Demographic Policy]. Moscow: Klyuch-S, 2006. 191 p.
2. Rybakovskii L.L. Demographic challenges: what awaits Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Reviews*, 2012, no. 8 (340), pp. 49–60 (in Russian).
3. Rybakovskii L.L. Dynamics of the Russian population and its components in 2001–2025. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Reviews*, 2011, no. 12 (332), pp. 43–49 (in Russian).
4. Arkhangelsky V.N. et al. Prospects of the demographic development of Russian until the mid-century. *Narodonaselenie=Population*, 2017, no. 3 (77), pp. 24–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-2 (in Russian).
5. Ku P.W., Fox K.R., Chen L.J. Leisure-time physical activity, sedentary behaviors and subjective well-being in older adults: An eight-year longitudinal research. *Social Indicators Research*, 2016, vol. 127, iss. 3, pp. 1349–1361. DOI: 10.1007/s11205-015-1005-7
6. Lisitsyn Yu.P. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie* [Public Health and Health Care]. Moscow: GEOTAR-MED, 2002. 520 p.
7. Woodruff S.I., Conway T.L. Impact of health and fitness-related behavior on quality of life. *Social Indicators Research*, 1992, vol. 26, iss. 4, pp. 391–405. DOI: 10.1007/BF00347897
8. Sommer I., Griebler U., Mahlknecht P. [et al.]. Socioeconomic inequalities in non-communicable diseases and their risk factors: an overview of systematic reviews. *BMC Public Health*, 2015, vol. 15, no. 914. Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s12889-015-2227-y.pdf>. DOI: 10.1186/s12889-015-2227-y
9. Wu F., Guo Y., Chatterji S. [et al.]. Common risk factors for chronic non-communicable diseases among older adults in China, Ghana, Mexico, India, Russia and South Africa: The study on global ageing and adult health (SAGE) wave 1. *BMC Public Health*, 2015, vol. 15. Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-015-1407-0>
10. Mollborn S., Lawrence E., Krueger P.M. Developing health lifestyle pathways and social inequalities across early childhood. *Population Research and Policy Review*, 26 September 2020. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11113-020-09615-6.pdf>. DOI: 10.1007/s11113-020-09615-6
11. Fedotova L.S. Healthcare as a public benefit and national models of organization of the medical services system. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i parvo=Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2017, vol. 27, no. 4, pp. 54–63 (in Russian).

12. Prokhorenko N.F. et al. Ensuring the availability and quality of primary health care. *ORGZDRAV: Novosti. Mneniya. Obuchenie. Vestnik VShOUZ=GORZDRAV: News. Opinions. Training. Herald of the Higher School of Healthcare Organization and Management*, 2019, no. 4 (18). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-dostupnosti-i-kachestva-pervichnoy-mediko-sanitarnoy-pomoschi> (accessed: July 1, 2021; in Russian).
13. Kalashnikov K.N., Shabunova A.A., Duganov M.D. *Organizatsionno-ekonomicheskie faktory upravleniya regional'noi sistemoi zdravookhraneniya* [Organizational and Economic Factors of Regional Health System Management]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 153 p.
14. Aleksandrova O.A. The crisis of the Russian healthcare system: an “excess of the performer” or a programmed result? *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*, 2021, no. 1 (67), pp. 63–71. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-63-71 (in Russian).
15. Ulumbekova G.E. Russian Healthcare: 2018–2024 What should we do? *ORGZDRAV: Novosti. Mneniya. Obuchenie. Vestnik VShOUZ=GORZDRAV: News. Opinions. Training. Herald of the Higher School of Healthcare Organization and Management*, 2018, no. 1 (11). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdravookhraneniye-rossii-2018-2024-gg-chto-nado-delat> (accessed: July 5, 2021; in Russian).
16. Kalashnikov K.N., Duganov M.D. What is paid medical service: a burden or an alternative? *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2017, no. 3 (89). Available at: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/2239/full> (accessed: July 2, 2021; in Russian).
17. Pedersen D.E. Work characteristics and the preventive health behaviors and subjective health of married parents with preschool age children. *Journal of Family and Economic Issues*, 2015, vol. 36, pp. 48–63. DOI: 10.1007/s10834-014-9433-0
18. Shabunova A.A. Population's health and self-preservation behavior within the context of COVID-19. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2020, vol. 6, no. 3. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28613/full>. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.1 (in Russian).
19. Shabunova A.A., Korolenko A.V. Contemporary model of healthy lifestyle: prophylaxis in the daily routines of the region's population. In: *Demograficheskii potentsial stran EAES: sbornik statei VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Demographic Potential of the EAEU Countries: Stat. Coll. of the 8th Ural Demographic Forum]. Ed. by Kuz'min A.I., vol. 2. Ekaterinburg: IE UrB RAS, 2017, pp. 489–497 (in Russian).
20. Nazarova I.B. *Zdorov'e zanyatogo naseleniya* [Health of the Employed Population]. Moscow: MAKS Press, SU HSE, 2007. 526 p.
21. Nazarova I.B. Accessibility of the health care system (medical care) and self-preservation activity of citizens. *Sotsiologiya meditsiny=The Sociology of Medicine*, 2006, no. 2 (9), pp. 43–54 (in Russian).
22. Zhuravleva I.V., Lakomova N.V. Social conditionality of adolescent health in a temporary aspect. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika=Sociological science and social practice*, 2019, vol. 7, no. 2 (26), pp. 132–152. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6414 (in Russian).
23. Zhuravleva I.V. Why not improve the health of Russians? *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 2013, no. 6. Available at: http://www.vestnik-isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_6.pdf (accessed: June 13, 2018; in Russian).
24. Chekmareva E.A., Leonidova G.V. Regional dimensions of labor potential. *Narodonaselenie=Population*, 2016, no. 1, pp. 54–66 (in Russian).
25. Zhuravleva I.V. *Otnosheniye k zdorov'yu individa i obshchestva* [Attitude to the Health of Individual and Society]. Moscow: Nauka, Institute of Sociology of RAS, 2006. 238 p.
26. Ed. by Zhuravleva I.V. *Zdorov'e studentov: sotsiologicheskii analiz* [Students' Health: a Sociological Analysis]. Moscow: Institute of Sociology of RAS, 2012. 252 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Shabunova – Director, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@volnc.ru

Leila N. Natsun – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.2

УДК 331.5; 378 | ББК 65.24

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

РЕГИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫЕ КАДРОВЫЕ ДИСБАЛАНСЫ РОССИИ: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ¹

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: n.ekimova@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

В статье обсуждаются предпосылки перехода России к постиндустриальному обществу, для которого характерна совершенно иная структура занятости, нежели сложившаяся к настоящему моменту. Актуальность проблемы связана с рисками возникновения масштабной технологической безработицы на стадии реструктуризации национальной экономики. Способом смягчения возможных социальных проблем является своевременная модернизация системы высшего образования, включая ее отраслевые приоритеты в подготовке кадров и регионы размещения вузов. Для идентификации несоответствия системы подготовки кадров и реальной экономики регионов предложена система региональной диагностики на основе двух построенных

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Регионально-отраслевые кадровые дисбалансы России: постиндустриальные вызовы // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 24–42. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.2

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Regional and sectoral personnel imbalances in Russia: post-industrial challenges. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 24–42. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.2

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2021 год по теме «Направления модернизации российской университетской системы с учетом запросов реального сектора экономики и мировых технологических трендов». Авторы выражают глубокую признательность анонимному рецензенту за ценные замечания.

эконометрических зависимостей. Первая задает связь между численностью студентов и валовым региональным продуктом и тем самым определяет границу экономической эффективности: регионы, лежащие выше нее, обладают избыточным потенциалом системы высшего образования. Вторая зависимость задает связь между численностью безработных и числом студентов и тем самым определяет границу социальной эффективности: регионы, лежащие выше нее, неэффективно интегрируют выпускников вузов в потребности местного рынка труда. Прикладные расчеты позволили идентифицировать две группы проблемных регионов с разной направленностью проблем. Последующая регионально-отраслевая диагностика показала, что даже в рамках такой традиционной отрасли-драйвера, как аграрный сектор, имеются локальные кадровые дисбалансы в спросе и предложении кадров различных субъектов Федерации. Примерно такая же ситуация характерна для здравоохранения, тогда как для одной из постиндустриальных отраслей – туризма – имеет место принципиальное расхождение приоритетов регулятора системы высшего образования и потребностей регионов. Полученные результаты позволили сформулировать предложения для системы региональных вузов.

Занятость, экономика досуга, университеты, кадровые дисбалансы, регион.

Введение: к постиндустриальному обществу на гигантской территории

Сегодня мир переходит к новой технологической парадигме или, как часто об этом говорят, новому технологическому укладу. Речь идет о постиндустриальном обществе, где подавляющая часть занятых будет сконцентрирована в сфере услуг, в том числе в творческих видах деятельности. При этом аграрный, индустриальный и информационный секторы никто не отменяет, но они перестают быть главными поставщиками рабочих мест, оставаясь главной движущей силой развития экономики. Следовательно, правомерно поставить вопрос о том, как должна меняться модель организации экономического пространства страны в новых условиях. Когда говорят о России, всегда на первый план выходят ее размеры, что в случае сбалансированного развития территории предполагает и сбалансированное снабжение кадрами всех ее отраслей и регионов. В связи с этим возникает традиционная и давно известная, но в условиях нового технологического уклада еще более актуальная проблема рационального размещения производств и специализированных вузов в регионах России.

Указанная проблема усугубляется меняющейся ролью вузов, которые больше не могут выступать монополистами каких-либо знаний, а все больше должны подстраиваться под нужды экономики, в том числе

региональной. При этом в умах молодежи постепенно начинает происходить пересмотр ценности высшего образования в пользу ее если и не полного отрицания, то, по крайней мере, уменьшения [1]. Учитывая, что даже в предыдущие периоды времени экономическое развитие территории России не отличалось правильностью и сбалансированностью – как по субъективным, так и по объективным причинам – правомерно предположить, что в условиях новой технологической доктрины ситуация может еще больше ухудшиться. В связи с этим цель нашего исследования состоит в развитии аналитических подходов к идентификации дефицита/избытка студентов по трем выделенным пилотным направлениям подготовки («Агросектор», «Здравоохранение» и «Туризм») в субъектах РФ, а также в предложениях по рациональному реформированию нынешней системы подготовки кадров в регионах. Новизна методического подхода заключается в совмещении профессиональной структуры регионального рынка и региональной системы подготовки кадров, определении величины дефицита молодежи по соответствующим видам деятельности в субъектах РФ; в отличие от подавляющего большинства работ по данной тематике в статье рассматривается зависимость числа студентов от численности регионального рынка труда. Сделан акцент на развитии отраслей, характерных для постиндустриаль-

ного общества с явно выраженной социальной направленностью процесса вовлечения в них рабочей силы.

Методология определения регионально-отраслевых диспропорций в распределении кадров

Старая система высшего образования (СВО), ориентированная на предоставление студентам общих и зачастую весьма абстрактных знаний с последующей их конкретизацией на непосредственном рабочем месте, становится неэффективной, а адаптация общих знаний к реальным проблемам оказывается все более сложной, а подчас и невозможной. Все это ведет к тому, что вузы должны все более активно интегрироваться в региональную экономику, обеспечивая ее действительно необходимыми и квалифицированными специалистами. Такой подход к обучению в наши дни получает все большее распространение как в России, так и за рубежом [2–4].

Пересмотр традиционных подходов к обучению произошел в конце прошлого века, когда в обиход вошло понятие «академический капитализм», обозначающее переход результата труда преподавателя и ученого от общественного знания к коммерциализируемому [5]. Это положило начало трансформации университетов и их встраиванию в национальные инновационные системы. Сегодня наиболее распространена концепция «тройной спирали» (Triple helix model), предполагающая сотрудничество государства, бизнеса и научного (университетского) сектора [6; 7]. Ее практическое воплощение заключается в создании взаимовыгодного партнерства, когда научный сектор, генерирующий новые знания, получает реального заказчика, бизнес – новые идеи и технологии, государство – экономический рост. Результатом подобного сотрудничества стало формирование таких новых образцов СВО, как предпринимательские университеты, способствующие трансферу научных технологий в промышленную среду [8; 9], исследовательские университеты

с приоритетом научной деятельности [10], и других организационных моделей (подробнее см. [11]).

Взаимодействие университетов, бизнеса и власти породило различные механизмы и формы сотрудничества. В зарубежной литературе имеется множество статей, посвященных изучению подобного рода механизмов, в основе которых лежит модель «тройной спирали» (напр., [12; 13]). Обобщая, можно отметить, что за рубежом широкое распространение получили инфраструктурные подходы (строительство на базе университетов технопарков и исследовательских центров), институциональные механизмы (выделение государственных средств на осуществление вузами научно-исследовательской деятельности, система институциональных грантов, разделение университетов на прикладные и фундаментальные), коллаборативные инструменты (получение практического опыта на предприятиях в процессе реализации образовательных программ, написание выпускных квалификационных работ, ориентированных на решение конкретной бизнес-задачи, предложенной студентам представителями бизнес-структур) и другие подходы (подробнее см. [14]).

Российская практика внедрения тройной спирали представлена такими инструментами консолидации, как инновационная инфраструктура университетов (технопарки, бизнес-инкубаторы и т. п.), опорные вузы [15], базовые кафедры [16] и научно-образовательные центры [17], национальная система квалификаций [18], целевое обучение и другие механизмы, анализу и оценке которых посвящено достаточно много работ [11; 19; 20].

Для изучения регионально-отраслевых диспропорций в распределении кадров в России рассмотрим три отраслевых сегмента экономики субъектов РФ. Выбор первого связан с тем фактом, что каждый регион в силу своей природно-географической специфики вовлечен в макроэкономический процесс разделения труда и имеет вполне определенный отраслевой драйвер эконо-

мического развития: для одних территорий это аграрный сектор, для других – нефтедобыча, для третьих – автомобилестроение и т. д. Указанные сегменты будем называть отраслями-драйверами регионов: в них сконцентрированы соответствующие кадры, тогда как на остальной территории государства они присутствуют в незначительных масштабах.

Второй сегмент национальной экономики охватывает витальные (жизнеобеспечивающие и инфраструктурные) отрасли, без которых полноценное существование людей в регионах невозможно. Это здравоохранение, образование, энергетика, транспорт и т. п. При этом кадры витальных отраслей уже не подчиняются логике регионального разделения труда и не обладают свойством сгущения в определенных участках территории России, а наоборот, относительно равномерно рассредоточены по всей стране в зависимости от плотности населения соответствующих регионов. Иными словами, если активность отраслей-драйверов привязана к земле и ее ресурсам, то витальных отраслей – к населению и его потребностям.

Третий сегмент только начинает формироваться в своей зрелой форме и включает в себя постиндустриальные отрасли, для которых характерна работа с досугом населения на основе креативных решений. Развитие данного сегмента является одним из ключевых трендов мировой экономики в наше время. Он обусловлен стремительным развитием технологий и переходом к автоматизированному производству. Фактически, если страна хочет быть технологическим лидером, она непременно столкнется с проблемой технологической безработицы, игнорировать которую не получится [21; 22]. В связи с этим уже сегодня необходимо прорабатывать возможные варианты перераспределения трудовых ресурсов. Экономика досуга является одной из перспектив в данном направлении. Стоит отметить, что по оценкам консалтинговой компании

McKinsey в ближайшее десятилетие произойдет перераспределение спроса на профессии в сторону досугоемких и витальных отраслей².

В разряд досугоемких отраслей попадают туризм, гостиничный бизнес, общественное питание, киноиндустрия, музеи, театры и различные спортивно-развлекательные структуры, т. е. все то, что по классификации ОКВЭД относится к категориям «Деятельность в области культуры, спорта, организаций досуга и развлечений», «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания». Отчасти в этой же группе присутствуют сегменты информационной экономики (категория «Деятельность в области информации и связи»): программное обеспечение автоматических производств, производство кинофильмов и сериалов, компьютерных игр, разнообразных квестов и т. п. Важная характеристика новых отраслей состоит в креативности их персонала, который в рамках традиционных услуг способен найти что-то оригинальное, что будет привлекать потребителя, в том числе и из других регионов.

Сказанное предполагает в недалеком будущем переформатирование национальной экономики России в направлении обеспечения ее регионов кадрами для трех функционально различных отраслевых сегментов.

Данный факт требует, чтобы центр подготовки специалистов и центр предоставления им рабочих мест находились недалеко друг от друга. В противном случае возникает необходимость возмещения нехватки кадров за счет миграции специалистов из других регионов, что в условиях недостаточно развитого рынка жилья и огромных размеров страны представляет самостоятельную проблему. При этом близость центров занятости и подготовки кадров важна даже на стадии обучения, так как уже в этот период студентам нужно проходить практические занятия на реальных рабочих местах для обеспечения будущей профессиональной дееспособности.

² <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages>

Для выявления кадровых дисбалансов между реальной экономикой и СВО в дальнейшем будем придерживаться двушаговой аналитической процедуры – региональной и регионально-отраслевой диагностики.

На первом шаге следует определить наиболее проблемные регионы, в которых система подготовки кадров так или иначе не соответствует местной экономике. Для этого нами будут установлены две статистические зависимости – числа студентов от объема валового регионального продукта (ВРП) и численности безработных от числа студентов. Они станут использоваться в качестве границ эффективности региональной кадровой политики, в связи с чем регионы, лежащие за пределами этих границ, будут считаться проблемными.

На втором шаге анализа следует произвести наложение реальной карты отраслевой активности регионов на карту наличия специализированных (отраслевых) вузов (численности их студентов). Расхождения в указанных географических картах призваны диагностировать имеющиеся территориально-отраслевые дисбалансы в СВО, с тем чтобы впоследствии их можно было устранить или ослабить.

Для удобства сравнения карт экономической активности разделим все регионы на две зоны – повышенной и пониженной активности рассматриваемой отрасли. В дальнейшем будем называть их соответственно – активная и пассивная зоны. Такой подход позволит определить дисбаланс между активностью двух указанных зон.

Для максимальной наглядности проблем занятости и подготовки кадров рассмотрим три отраслевых сегмента – аграрный, здравоохранение и туризм, которые характеризуют три разноплановых отраслевых сектора экономики.

Эффективность системы подготовки кадров в регионах России: эмпирические оценки

В настоящее время среди экономистов доминирует мнение о том, что вузы могут

выступать в качестве драйверов экономического развития регионов. Однако есть и иная точка зрения. Согласно ей вузы, их масштаб и успех зависят от уровня экономического развития среды, в которой они функционируют. Так, в исследовании [23] было проанализировано влияние затрат на НИР и числа высших образовательных и научных организаций на экономическое развитие региона. В результате показано, что полученная зависимость в состоянии описать менее 10% регионов, для остальных территорий данная модель не является определяющей. Придерживаясь второй позиции, оценим степень активности СВО регионов и их экономической активности. Для этого рассмотрим зависимость между двумя показателями – численностью студентов (N) и уровнем ВРП (GRP). При этом первая переменная включает только бюджетные места в региональных вузах, что позволяет учесть федеральную и региональную кадровую политику, т. е. государственные вложения в подготовку кадров. Дополнением к указанной зависимости должна стать другая закономерность – между численностью безработных (U) и числом студентов (N). В этом случае можно непосредственно оценить социальную эффективность региональной кадровой политики в отношении подготавливаемых молодых специалистов.

Исходный массив данных включает 85 регионов, которые характеризуются вполне ожидаемой неоднородностью. В частности, в пяти субъектах страны – Чукотском и Ямало-Ненецком АО, республиках Тыва, Ингушетия и Чечня – нарушается правило, действующее для остальных 80 субъектов Федерации: $N > U$. Так как на этих территориях происходит инверсия общего правила, то в модельных расчетах численность студентов для них фигурирует со знаком минус.

Эксперименты с зависимостью активности СВО и региональной экономики позволили получить следующую эконометрическую зависимость:

$$N = 8,849 + 3,4 * 10^{-5} GRP, \quad (1)$$

(3,979) (1,5*10⁻⁶)

$R^2 = 0,849$;
 $N = 85$;
 $F = 465,9$;
 $A = 47,3\%$

где:

N – число студентов;
 GRP – валовый региональный продукт;
 R^2 – коэффициент детерминации;
 N – число наблюдений (регионов);
 F – значение F-критерия;
 A – среднее относительное отклонение фактического значения от модельного; в скобках под коэффициентами регрессии указаны значения их t-статистик.

Зависимость (1) проходит все статистические тесты и является достаточно устойчивой. Вместе с тем ошибка аппроксимации данной модели весьма значительна, что делает ее непригодной для прикладных прогнозных расчетов. Однако в нашей схеме полученная прямая линия (1) используется в иных целях, а именно для определения общенационального тренда в подготовке кадров СВО в зависимости от ВРП. В этом

случае сильно рассредоточенное облако фактических значений исключает высокую точность модели, но дает возможность определить направление и величину отклонения каждого региона от сложившегося глобального тренда. В этом и состоит суть предлагаемого подхода. Регионы, находящиеся выше линии тренда (1), которую дальше будем условно называть границей экономической эффективности, демонстрируют чрезмерную образовательную активность, ниже – недостаточную активность. Для нас особый интерес представляет первая группа территорий, т. к. они получают государственную поддержку на СВО, не имея на то экономических оснований, что чревато холостыми тратами на подготовку специалистов. В такой ситуации более рациональным представляется перераспределение ресурсов в пользу регионов, экономическое развитие которых требует более интенсивной подготовки кадров. Дихотомия регионов России относительно линии тренда представлена на рис. 1.

Отметим, что само построение модели (1) подтверждает нашу исходную гипотезу о том, что экономическая активность является первичным феноменом, а подготовка кад-

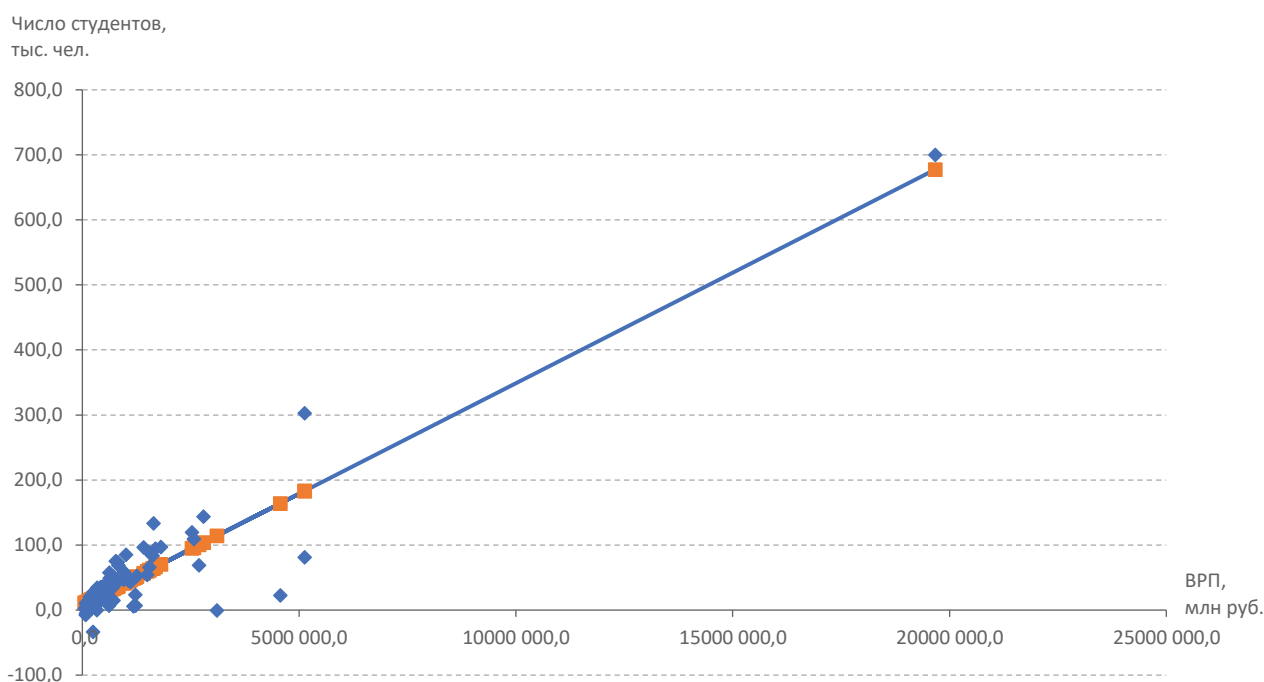

Рис. 1. Дихотомия субъектов РФ относительно линии тренда (1)

Источник: составлено авторами.

ров СВО – вторичным; попытка построить обратную зависимость приводит к потере значимости модельной константы.

Относительно второй границы эффективности возникает больше технических трудностей из-за значительной разницы на рынках труда регионов. Избежать этой проблемы можно за счет введения фиктивной переменной, учитывающей специфику региона. Расчеты позволили установить следующую зависимость:

$$U = 8.774 + 0.031 N - 5.477D, \quad (2)$$

(0,680) (0,007) (0,635)

$R^2 = 0,587;$
 $N = 85;$
 $F = 58,2;$
 $A = 35.3\%$

где:

U – численность безработных;
 N – численность студентов;
 D – дамми-переменная, принимающая три значения в зависимости от типа региона: 1, 0 и -1.

Зависимость (2) также проходит все статистические тесты и может использоваться в качестве границы социальной эффективности: регионы, находящиеся выше нее, демонстрируют крайне низкую вовлеченность студентов на местном рынке труда, ниже – высокую вовлеченность. Как и ранее,

особый интерес представляет первая группа, т. к. ее регионы имеют явные признаки социального неблагополучия. Графически данный эффект будет выглядеть так же, как на рис. 1.

Чтобы идентифицировать регионы с наиболее ярко выраженными кадровыми дисбалансами, воспользуемся следующим алгоритмом. На первом шаге отберем все регионы, находящиеся выше границ экономической и социальной эффективности. Для первой таких регионов 50, для второй – 37. На втором шаге воспользуемся диапазоном допустимых значений, в качестве которого возьмем относительное отклонение от границ не более 15%. Столь незначительное превышение линии тренда может считаться вполне допустимым, и не имеет смысла включать соответствующие регионы в список проблемных. Результаты такой калибровки дают для границ экономической и социальной эффективности 31 и 25 регионов соответственно. На третьем шаге мы выявляем регионы, одновременно входящие в оба списка неблагополучных субъектов Федерации. Окончательный результат дает 9 регионов (табл. 1). Именно в них имеет место наиболее явный дисбаланс между системой подготовки кадров и потребностями реальной экономики.

К девяти регионам необходимо добавить пять ранее отмеченных субъектов, в которых сложились крайне специфичные условия на

Таблица 1. Субъекты РФ с наибольшими кадровыми дисбалансами, 2019 год

Регион	Относительное отклонение от границы социальной эффективности	Относительное отклонение от границы экономической эффективности
Республика Северная Осетия – Алания	49,4	41,8
Пензенская область	31,1	34,7
Республика Крым	27,1	47,5
Хабаровский край	33,1	17,8
Республика Дагестан	25,8	55,0
Томская область	26,4	91,8
Нижегородская область	26,1	30,5
Челябинская область	23,2	44,6
Свердловская область	20,6	25,9
Источник: данные Росстата.		

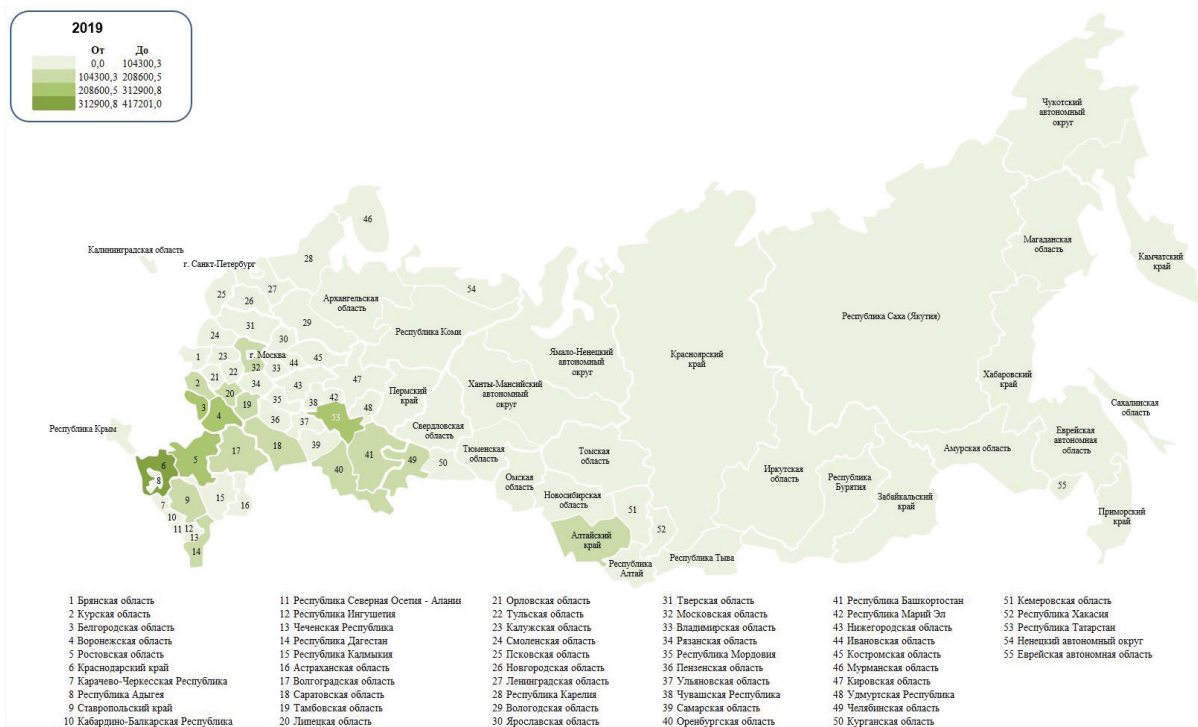

Рис. 2. Аграрная активность регионов России по объему производства, 2019 год

рынке труда: Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, республики Тыва, Ингушетия и Чечня.

Основной результат, полученный нами с помощью эконометрических зависимостей (1) и (2), состоит в том, что в стране существуют локальные территориальные зоны, в которых имеет место качественное несоответствие подготавливаемых кадров и потребностей экономики. Это проявляется, во-первых, в относительном избытке студентов на указанных территориях, во-вторых, в слабой интеграции студентов в региональный рынок труда и пополнении ими рядов безработных. В Чукотском и Ямало-Ненецком АО, республиках Тыва, Ингушетия и Чечня ситуация обстоит с точностью до наоборот – в них наблюдается явная нехватка студентов на фоне высокой безработицы. Причем экономическое развитие этих регионов, как это ни парадоксально, ведет к оттоку студентов. Хотя такая ситуация очень специфична, однако и здесь налицо явное качественное несоответствие подготавливаемых кадров тем требованиям, которые предъявляет к ним региональная экономика.

Рассмотренная проблема имеет два измерения – количественное и качественное.

Первое предполагает корректировку региональных квот бюджетных мест, второе – изменение набора профессий, по которым выделяются указанные бюджетные квоты. Для оценки степени соответствия экономики регионов некоторым кадровым категориям рассмотрим три наиболее репрезентативные отрасли.

Регионально-отраслевые диспропорции: аграрный сектор

В качестве первого отраслевого драйвера развития региональной экономики возьмем аграрный сектор. Для этого построим карту аграрной активности регионов России по объему производства (рис. 2) и сравним ее с картой распределения аграрных вузов страны по регионам (рис. 3). В качестве источника данных об аграрных вузах России использованы сайты некоммерческой организации «Ассоциация образовательных учреждений АПК и рыболовства»³, единого портала аграрных вузов России⁴, «Универ-эксперт и академический критик»⁵.

³ <https://agroob.ru>

⁴ <http://agrovuz.ru/vuzi>

⁵ <https://univer.expert>

Рис. 3. Распределение аграрных вузов по регионам страны, 2021 год

Таблица 2. Относительные показатели активной аграрной зоны

Показатель концентрации активной зоны	Доля, %	Год
Объем аграрной продукции	54,5	2019
Численность аграрной занятости	46,1	2019
Число аграрных вузов	32,2	2021
Число выпускаемых студентов-аграриев	47,3	2020
Площадь территории	7,65	2021
Число регионов	21,2	2019
Отношение производительности труда активной и пассивной зон	1,4	2019
Коэффициент региональной поляризации производительности труда аграрного сектора	19,0	2019

Источник: данные Росстата.

Рассмотрим более подробно активную и пассивную зоны аграрной деятельности. Несложно увидеть, что площадь активной зоны на двух картах различна, а ее контуры не совпадают. Тем самым можно констатировать наличие определенных перекосов в аграрной деятельности регионов и подготовке кадров для данного сектора. Так как полной конгруэнтности двух карт в реальности не может быть, то для уяснения масштаба имеющихся дисбалансов рассмотрим коэффициенты концентрации территории, кадров, продукции и выпускников вузов в ак-

тивной зоне, которая включает 17 регионов. Поясним, что регионы отобраны по простому алгоритму: среди субъектов Федерации, проранжированных по объему производства аграрной продукции, берутся первые территории, которые в сумме дают более 50% всей сельскохозяйственной продукции страны. На следующем этапе выясняется численность занятых, количество вузов, число регионов и площадь территории активной зоны для определения соответствующих долевых коэффициентов. Результаты описанных расчетов приведены в табл. 2.

Из данных, представленных в табл. 2, вытекают следующие выводы.

Во-первых, для России характерна умеренная, но явно выраженная концентрация аграрного сектора в активной зоне. Так, на 1/5 часть всех регионов страны, занимающих 1/13 часть всей ее территории, приходится более половины производимой аграрной продукции, немного меньше половины всех занятых отрасли, треть всех аграрных вузов и почти половина подготавливаемых студентов. При этом активная зона, помимо всего прочего, характеризуется более высокой продуктивностью расположенных на ней аграрных хозяйств: их производительность труда более чем на треть выше, чем в пассивной зоне. В связи с этим можно утверждать, что географическая концентрация производства наряду с наличием специализированных вузов по подготовке аграрных кадров способствует не только более быстрому росту производства, но и опережающему росту его эффективности.

Во-вторых, географическое распределение аграрных университетов страны является более равномерным, чем это необходимо отрасли сельского хозяйства. Здесь имеет место не вполне обоснованный дисбаланс: в пассивной зоне, в которой производится 45,5% отраслевой продукции, сосредоточено 67,8% вузов аграрного профиля. Такое распределение образовательного ресурса отчасти объяснимо, однако при возможности открытия в пассивной зоне филиалов аграрных вузов из регионов активной зоны, учитывая современные возможности онлайн-образования, с подобным явлением уже нельзя мириться. Следовательно, в пространственной архитектуре аграрных вузов необходима определенная коррекция.

В-третьих, студенческий потенциал аграрных вузов активной зоны гораздо выше, чем вузов пассивной зоны. Расчеты показывают, что размер вузов активной зоны на 88,5% больше, чем вузов пассивной зоны. Кроме того, доля выпускаемых студентов-аграриев вузами активной зоны на 1,2 процентных пункта (п. п.) выше, чем в пассивной зоне, что говорит об ускоренном воспроизводстве

кадров на территории активной зоны по сравнению с небольшой заторможенностью СВО пассивной зоны.

В-четвертых, помимо общего пространственного дисбаланса в распределении аграрных вузов России имеет место множество локальных дисбалансов, которые по своей природе являются более болезненными. Для иллюстрации имеющихся проблем приведем несколько наиболее ярких примеров. Так, в Чеченской Республике, республиках Мордовия, Калмыкия, Алтай и Ингушетия доля населения в аграрном секторе составляет, соответственно, 20,3, 20,0, 18,1, 17,6 и 16,0%. Таким образом, в названных регионах от 1/6 до 1/5 населения занято в сельском хозяйстве, но при этом ни в одном из них нет «своего» аграрного университета. Похожая ситуация характерна для Карачаево-Черкесской Республики, Астраханской области, Красноярского края, республик Крым и Адыгея. Отсутствие своего вуза сельскохозяйственного профиля не явно, но все-таки сказывается на продуктивности аграрного сектора региона. Например, если взять в качестве эталона Краснодарский край, который дает стране 7,2% всей аграрной продукции, то его отраслевая производительность труда в 6,0 раза выше, чем в Чечне, в 1,9 раза – в Мордовии, в 1,2 раза – в Калмыкии, в 2,4 раза – на Алтае, в 5,0 раза – в Ингушетии, в 1,4 раза – в Карачаево-Черкессии, в 2,2 раза – в Астраханской области, в 3,8 раза – в Красноярском крае, в 3,2 раза – в Крыму и в 1,1 раза – в Адыгее. Все это убедительно говорит о том, что отраслевой драйвер региональной экономики требует наличия в регионе собственного вуза соответствующего профиля. Как было показано выше, в России имеется достаточное количество подобных региональных образовательных лакун.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что, хотя в стране не наблюдается катастрофического дисбаланса в подготовке специалистов для аграрного сектора регионов, можно констатировать наличие локальных проблем, которые нуждаются в системном решении и несут в себе значительный потенциал повышения эффективности российской экономики.

Регионально-отраслевые диспропорции: сфера здравоохранения

В качестве второго отраслевого сегмента развития региональной экономики рассмотрим сферу здравоохранения.

Как и ранее, сопоставим две карты: активности сферы здравоохранения субъектов России по показателю обеспеченности населения врачебным персоналом (рис. 4) и карту распределения медицинских вузов страны и университетов с медицинскими факультетами по регионам (рис. 5).

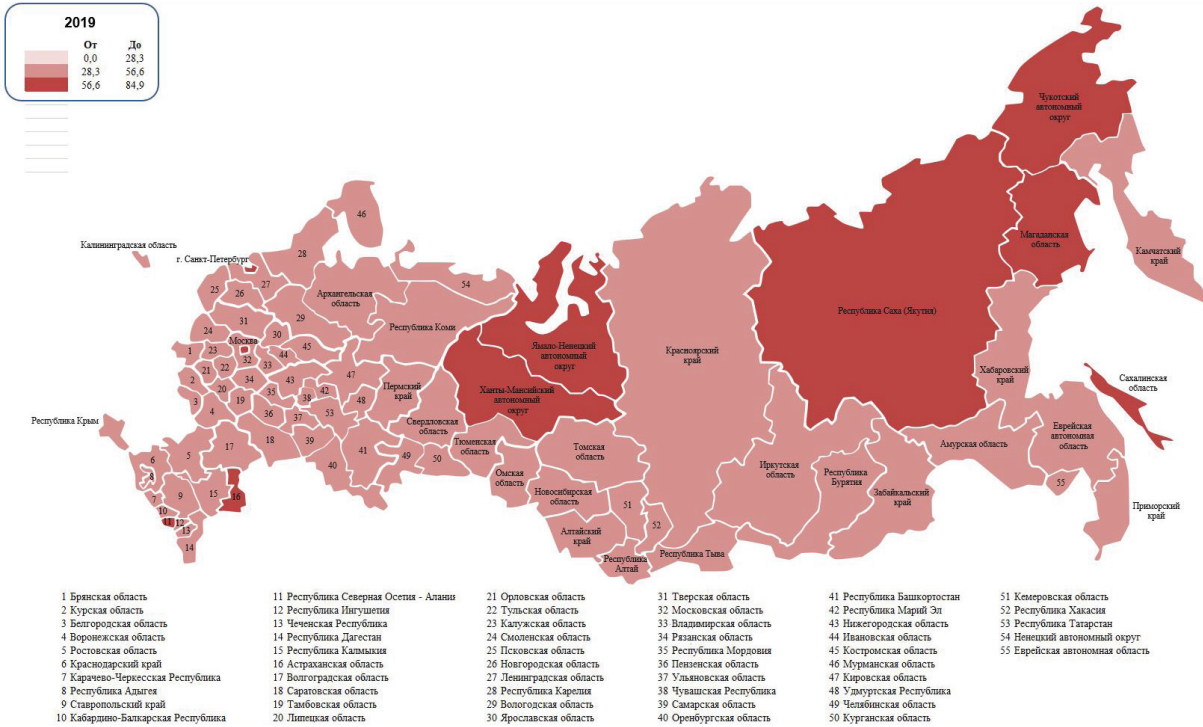

Рис. 4. Обеспечение населения регионов России врачебным персоналом в 2019 году, врачей на 10 тыс. чел.

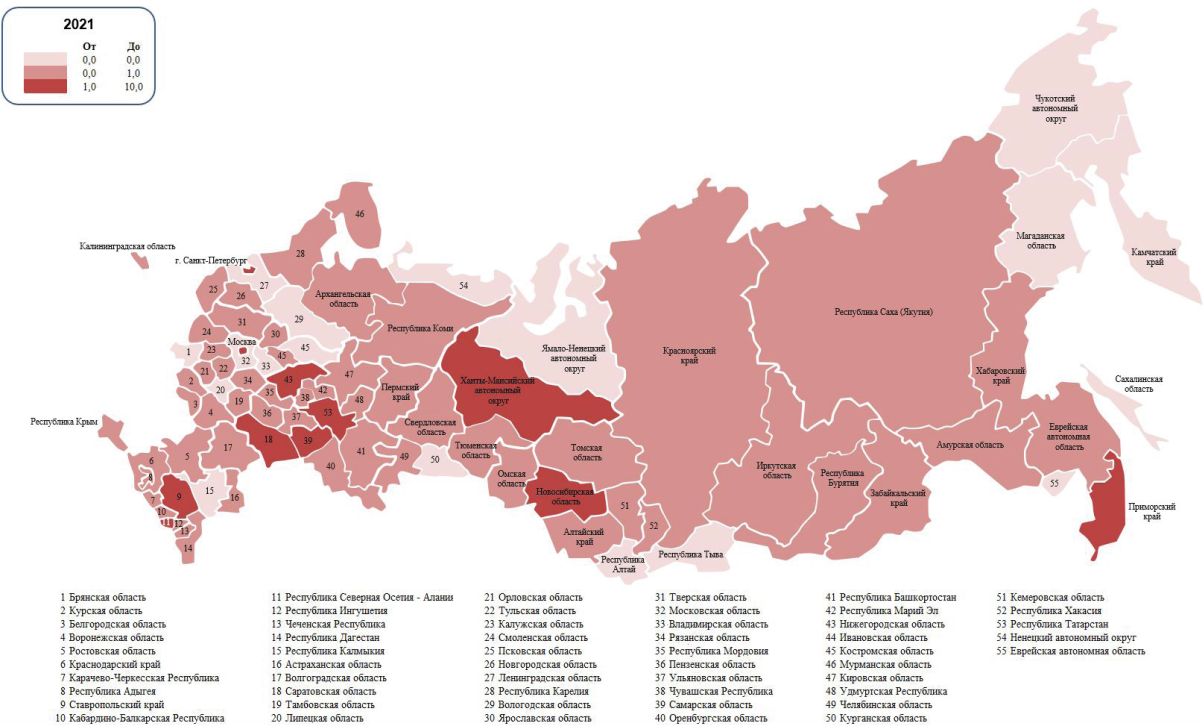

Рис. 5. Распределение медицинских вузов по регионам страны, 2021 год

Таблица 3. Относительные показатели активной зоны сферы здравоохранения

Показатель концентрации активной зоны	Доля, %	Год
Численность занятых в сфере здравоохранения	45,8	2019
Число медицинских вузов	39,8	2021
Доля студентов	34,5	2020
Площадь территории	16,8	2021
Число регионов	51,8	2019
Соотношение обеспеченности населения медицинским персоналом в активной и пассивной зонах	1,3	2019
Коэффициент региональной поляризации обеспеченности населения медицинским персоналом	2,9	2019
Источник: данные Росстата.		

В качестве источника данных использована информация с сайта Русского образовательного центра⁶, справочно-информационного сетевого издания Ucheba.RU⁷, портала Вузотека.ру⁸.

Как и в предыдущем разделе, рассмотрим более подробно активную и пассивную зоны здравоохранения. Несложно увидеть, что карты на рис. 4 и 5 не столь разительно различаются, как карты на рис. 2 и 3. Следовательно, региональные распределения медицинского персонала и студентов-медиков гораздо ближе, нежели для работников-аграриев и студентов-аграриев. Для лучшего уяснения масштаба имеющихся дисбалансов приведем соответствующие коэффициенты концентрации (табл. 3).

Обращает на себя внимание то, что более 50% аграрной продукции производится в 17 регионах России, тогда как почти половина всего медицинского персонала страны распределена в половине ее субъектов. Аналогичным образом, разрыв между активной и пассивной зонами для сферы здравоохранения ниже, чем для аграрного сектора. Однако сравнение по укрупненным зонам снижает наглядность разницы, которая имеет место между двумя отраслями. Например, коэффициент поляризации производительности аграрного сектора (отношение максимального значения из всех регионов к минимальному) составляет

почти 20 раз (см. табл. 2), а для обеспеченности медицинским персоналом – почти 3 раза (см. табл. 3). Данный факт наиболее ярко демонстрирует разницу в территориальной организации отрасли-драйвера и витальной отрасли.

Несмотря на то что оставшееся России в наследие от СССР территориальное распределение медицинских кадров и вузов является вполне приемлемым, локальные кадровые диспропорции все-таки имеются. Например, если в качестве эталона обеспеченности населения медицинским персоналом взять Санкт-Петербург (84,9 чел. на 100000 жителей), а качественным различием считать уровень обеспеченности, более чем в два раза меньший, чем эталонный (29,3–42,3 чел.), то в неудовлетворительном состоянии находится 20 субъектов Федерации, т. е. почти четверть всех регионов России: Липецкая область, Республика Хакасия, Челябинская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Белгородская область, Тамбовская область, Брянская область, Республика Адыгея, Тульская область, Костромская область, Еврейская автономная область, Ленинградская область, Ростовская область, Республика Марий Эл, Вологодская область, Владимирская область, Псковская область, Чеченская Республика и Курганская область. Причем в 12 из названных субъек-

⁶ <https://eduinrus.ru/ru/list-of-all-universities-ru/984-medical-universities-ru>

⁷ <https://www.ucheba.ru/for-abiturients/vuz/rossiya/medicine>

⁸ <https://vuzoteka.ru/вузы/медицинские>

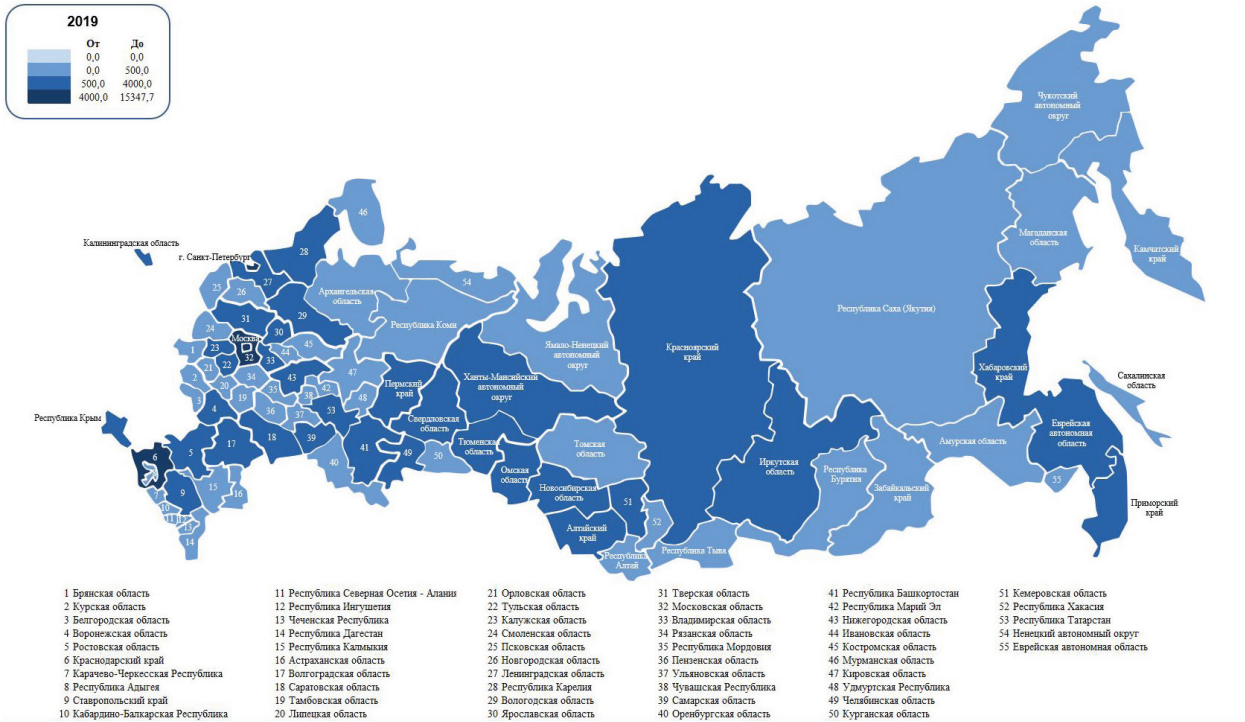

Рис. 6. Суммарные туристические потоки в регионах в 2019 году, тыс. чел.

тов есть либо медицинские вузы, либо медицинские факультеты в университетах. Совершенно очевидно, что такое положение дел является нерациональным и подлежит исправлению.

Для этого, на наш взгляд, можно осуществить ряд мер. Во-первых, увеличить квоты бюджетных мест на студентов-медиков в региональных учебных заведениях 12 регионов, что при наличии учебной базы не приведет к существенным дополнительным инвестициям. В остальных 8 регионах можно либо основать хотя бы филиалы медицинских вузов, либо оформить целевой заказ для вузов соседних регионов с последующим возвращением выпускников на место проживания. Первый путь целесообразен при наличии большого дефицита и может быть реализован в долгосрочном периоде, второй – при несущественном дефиците и необходимости оперативно-го решения проблемы. Со временем можно от тактических мер перейти к стратегическим.

Регионально-отраслевые диспропорции: сфера туризма

В качестве третьего и наиболее интересного отраслевого сегмента развития региональной экономики более пристально рассмотрим сферу туризма.

Как и в предыдущих разделах, сопоставим две карты: активности сферы туризма, оцениваемой по потоку туристов (рис. 6), и обеспеченности туристов студентами соответствующей специализации, оцениваемой как отношение числа студентов⁹ на 100 тыс. чел. туристов (рис. 7). При этом в качестве информационной базы использовались данные порталов Вузотека.ру¹⁰, Vuzopedia¹¹, Поступи Онлайн¹². Для более полного учета туристической активности региона суммировались въездные и выездные потоки, данные о которых представлены на сайтах Росстата и Федерального агентства по туризму.

Расчеты показывают, что активная зона отечественного туризма включает всего лишь

⁹ Учитывались бюджетные места по направлению подготовки «Туризм» 43.03.02 (бакалавриат) и 43.04.02 (магистратура) всех форм обучения.

¹⁰ <https://vuzoteka.ru/вузы/Туризм-43-03-02?page=15>

¹¹ <https://vuzopedia.ru/spec/415/vuzy>

¹² <https://postupi.online/specialnost-magistr/43.04.02/vuzi>

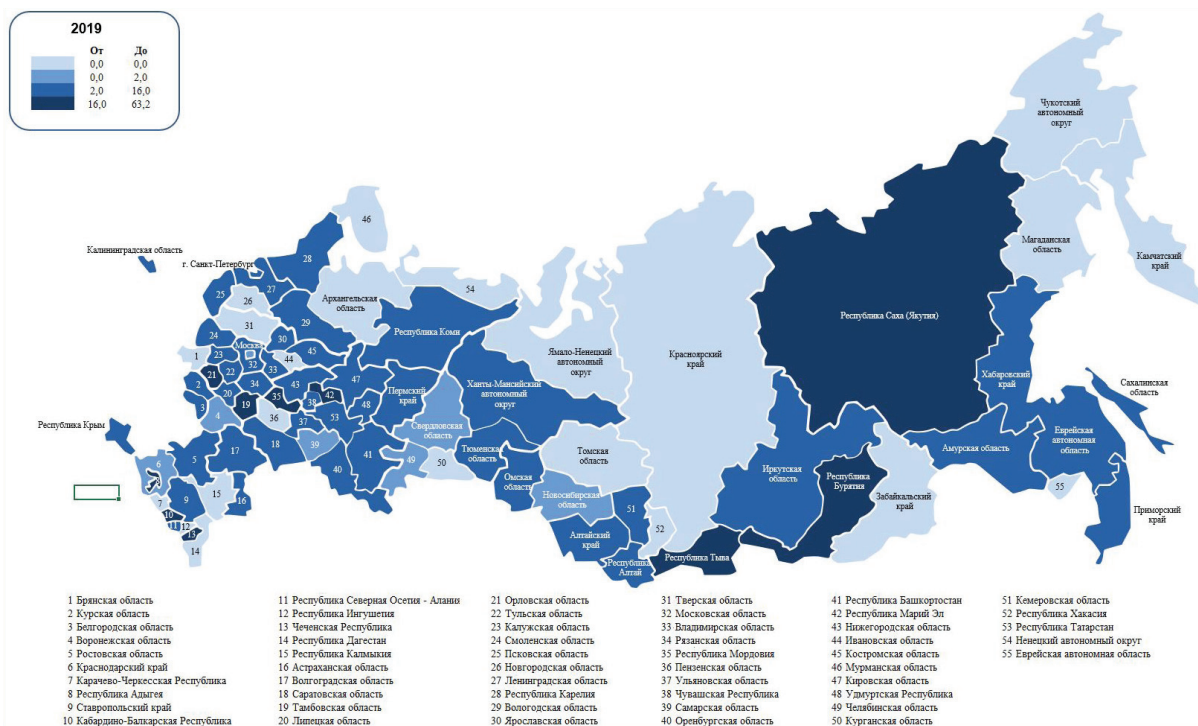

Рис. 7. Обеспеченность туристов студентами соответствующей специальности в 2021 году, студентов на 100 тыс. чел. туристов

Таблица 4. Относительные показатели активной зоны сферы туризма

Показатель концентрации активной зоны	Доля, %	Год
Поток туристов	49,7	2019
Доля студентов	34,3	2021
Доля вузов	21,6	2021
Площадь территории	1,3	2021
Число регионов	7,1	2021
Соотношение средней обеспеченности туристов студентами в активной и пассивной зонах	0,5	2021
Коэффициент региональной поляризации обеспеченности туристов студентами сферы туризма	47,2	2021

Источник: данные Росстата.

6 регионов: Москву, Краснодарский край, Московскую область, Санкт-Петербург, Республику Татарстан, Республику Крым. При этом в отличие от предыдущих отраслей можно видеть любопытное соотношение двух карт: более активные туристические регионы обладают меньшей обеспеченностью студентами сферы туризма. Об этом же говорит соотношение средней обеспеченности туристов студентами в активной и пассивной зонах – в первой зоне обеспеченность составляет только половину от

аналогичного показателя второй (табл. 4). Еще более разительный контраст просматривается при сравнении отдельных регионов. Например, если отбросить незначимые показатели обеспеченности (нули и значения меньше 1), то минимальная обеспеченность будет характерна для Москвы, а максимальная – для Чеченской Республики. При этом коэффициент региональной поляризации в 2,5 раза превосходит аналогичный показатель для аграрного сектора.

Полученный результат означает, что СВО не просто отстает от потребностей отрасли туризма, но, можно сказать, вообще никак не связана с ней. Этот момент приобретает особую важность в связи с тем, что сложившиеся кадровые регионально-отраслевые диспропорции в сфере туризма продуцируются неверной государственной политикой. Речь идет о том, что регулятор не видит перспектив по подготовке специалистов сферы туризма и не выделяет на нее достаточно средств, а если и делает это, то без учета сложившихся на рынке реалий. Более того, проведенные расчеты основаны на учете всех обучающихся по специальности «Туризм», однако среди таковых почти нет бюджетников, а большая часть контингента представлена заочной внебюджетной формой обучения. Таким образом, государство де-факто устранилось от поддержки данной сферы деятельности.

На наш взгляд, наличие в России большого числа территорий, которые выступают в роли активных доноров и реципиентов туристов, предполагает подготовку специалистов в сфере туризма для последующего их вовлечения на растущий региональный рынок труда отрасли. В противном случае развитие туризма, представляющего собой пример постиндустриальной отрасли, будет тормозиться нехваткой подготовленных кадров.

Обсуждение результатов

Построение постиндустриального общества предполагает существенное сокращение доли занятых в аграрном и промышленном секторах с одновременным переливом кадров в информационную сферу и сферу услуг. Результаты экспериментальных расчетов для трех отраслей показали, что в традиционных, «старых» отраслях-драйверах региональной экономики и витальных отраслях до сих пор имеются локальные регионально-отраслевые диспропорции, которые следует ликвидировать более активной политикой подготовки соответствующих кадров СВО. Одновременно с этим на примере туризма просматривается без-

участное отношение регулятора к будущему постиндустриальных отраслей. Такая политика чревата большими социальными проблемами, т. к. растущая армия безработных в условиях технологического прогресса должна быть распределена в другие – постиндустриальные – сектора экономики, которые к моменту неизбежного кризиса занятости должны быть заранее сформированы.

И наоборот, проактивная образовательная политика позволяет не только подготовить кадры для постиндустриальных отраслей, но за счет быстрого развития последних осуществить интеграцию трех типов отраслей, когда, например, сфера туризма превращается в новую отрасль-драйвер экономики региона и параллельно, решая проблему трудоустройства местного населения, в витальную отрасль, без которой социальный кризис неизбежен.

Заключение

В настоящее время кадровые дисбалансы между СВО и реальной экономикой в России существуют, но не фатальны. Перенастройка кадровых и образовательных приоритетов государства позволяет устранить имеющиеся диспропорции и дать новый импульс как региональным экономикам, так и университетскому сектору. Для этого необходимо, прежде всего, переосмыслить роль и значимость досуговых отраслей в экономике будущего, поскольку, по всей видимости, именно они должны стать основной сферой, куда будут перенаправлены потоки высвобождающихся в результате технологического прогресса занятых в индустриальных отраслях. Очевидно, что уже сегодня следует формировать новое поколение занятых, и происходить это должно при непосредственном участии как СВО, так и бизнеса и региональных властей.

Если же нынешние кадровые дисбалансы проигнорировать, то в условиях повсеместного роста производительности труда и вытеснения работников может возникнуть масштабная технологическая безработица, которая неизбежно перерастет в социальный кризис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. 2012. № 8 (340). С. 103–111.
2. Caraca J., Lundvall B.A., Mendonca S. The changing role of science in the innovation process: From Queen to Cinderella? *Technological Forecasting and Social Change*, 2009, vol. 76, no. 6, pp. 861–867. DOI: 10.1016/j.techfore.2008.08.003
3. Ильин А.Б., Леонтьева Л.С. Актуальные инструменты формирования предпринимательских компетенций в сфере высшего образования // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2015. № 4. С. 66–71.
4. Vlasova V. Industry-science cooperation and public policy instruments utilization in the private sector. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 124, pp. 519–528. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.072
5. Slaughter Sh., Leslie L.L. *Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 276 p.
6. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The endless transition: A “Triple helix” of university – industry – government relations. *Minerva*, 1998, no. 36, pp. 203–208. DOI: 10.1023/A:1017159001649
7. Баймуратов У.Б., Жанбаев Р.А., Сагинтаева С.С. Модель тройной спирали в формировании концептуального механизма взаимодействия высшего образования и бизнеса: региональный аспект // Экономика региона. 2020. № 16 (4). С. 1046–1060. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-3
8. Etzkowitz H., Webster A., Gebhardt C., Terra B.R.C. The future of the university and the university of the future: Evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm. *Research Policy*, 2000, vol. 29, no. 2, pp. 313–330. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00069-4
9. Андрюшкевич О.А., Денисова И.М. Формирование предпринимательских университетов в инновационной экономике // Экономическая наука современной России. 2014. № 3 (66). С. 87–104.
10. Павельева Т., Крючкова С. Модель исследовательского университета в России: плюсы и минусы // Станкоинструмент. 2016. № 4 (5). С. 92–96.
11. Соловей О.В. Интеграция образования, бизнеса и государства в условиях инновационной экономики // Экономика образования. 2021. № 2. С. 4–14.
12. Basso F.G., Pereira C.G., Porto G.S. Cooperation and technological areas in the state universities of São Paulo: An analysis from the perspective of the triple helix model. *Technology in Society*, 2021, vol. 65, art. 101566. DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101566
13. Liu Y., Huang Q. University capability as a micro-foundation for the Triple Helix model: The case of China. *Technovation*, 2018, vol. 76–77, pp. 40–50. DOI: 10.1016/j.technovation.2018.02.013
14. Сагинова О.В., Максимова С.М. Опыт взаимодействия вузов и предпринимательских структур // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 3. С. 377–387. DOI: 10.18334/rp.18.3.37304
15. Ильина Л.А. Опорный университет как драйвер инновационной научно-образовательной среды региона // Вестн. Алт. акад. экономики и права. 2020. № 5-1. С. 76–85. DOI: 10.17513/vaael.1114
16. Базовая кафедра предприятия в структуре высшего учебного заведения / В.А. Бородавкин [и др.] // Инновации. 2015. № 9. С. 93–97.
17. Печаткин В.В. Формирование научно-образовательных центров мирового уровня в регионах России как инструмент повышения конкурентоустойчивости территорий // Экономические отношения. 2019. № 4. С. 3075–3086. DOI: 10.18334/eo.9.4.41267
18. Миронова Т.Н., Алексеенко Л.Ф. Национальная система квалификаций как механизм регулирования взаимодействия рынка труда и системы образования // Экон. вестн. ун-та. 2019. № 40-2. С. 28–33.

19. Ольховая Т.А., Зинюхина Н.А., Никулина Ю.Н. Сотрудничество университета и бизнес-сообщества: опыт и приоритеты развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 7. С. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-139-149>
20. Zagoruyko T., Marenkov K. The current world practice of forming research and educational centers. *Proceeding of the Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture*, 2019, no. 4 (138), pp. 133–136.
21. Корнилов А.М. Дилеммы цифровой революции: технологическая безработица и научный краудсорсинг // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 90–102. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.5
22. Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей // Форсайт. 2017. Т. 11. № 3. С. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48
23. Кочетков Н.Д. Моделирование зависимости валового регионального продукта от затрат на НИР и числа высших образовательных и научных организаций в РФ // Вектор экономики. 2021. № 1 (55). С. 6–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru

Balatskii E.V., Ekimova N.A.

REGIONAL AND SECTORAL PERSONNEL IMBALANCES IN RUSSIA: POST-INDUSTRIAL CHALLENGES

The article discusses the prerequisites for Russia's transition to post-industrial society which is characterized by a completely different employment structure than the one that has developed to date. The urgency of the problem is associated with the risks of large-scale technological unemployment at the stage of restructuring of the national economy. The way to mitigate possible social problems is the timely modernization of the higher education system including its sectoral priorities in personnel training and the regions where universities are located. To identify the discrepancy between the personnel training system and the real economy of the regions, a system of regional diagnostics based on two constructed econometric dependencies is proposed. The first one sets the relationship between the number of students and gross regional product and thereby determines the boundary of economic efficiency: the regions lying above it have an excess potential of the higher education system. The second dependence sets the relationship between the number of unemployed and the number of students and thereby determines the boundary of social efficiency: the regions lying above it ineffectively integrate university graduates into the needs of the local labor market. Applied calculations made it possible to identify two groups of problem regions with different directions of problems. Subsequent regional and sectoral diagnostics showed that even within such a traditional

driver industry as the agricultural sector, there are local personnel imbalances in the supply and demand of personnel from various subjects of the Federation. Approximately the same situation is typical for healthcare, while for one of the post – industrial sectors-tourism-there is a fundamental discrepancy between the priorities of the regulator of the higher education system and the needs of the regions. The obtained results allowed formulating proposals for the system of regional universities.

Employment, leisure economy, universities, personnel imbalance, region.

REFERENCES

1. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. The attitude of young people to education as a factor of increasing the effectiveness of training highly qualified personnel *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*, 2012, no. 8 (340), pp. 103–111 (in Russian).
2. Caraca J., Lundvall B.A., Mendonca S. The changing role of science in the innovation process: From Queen to Cinderella? *Technological Forecasting and Social Change*, 2009, vol. 76, no. 6, pp. 861–867. DOI: 10.1016/j.techfore.2008.08.003
3. Ilyin A.B., Leonteva L.S. Actual tools of forming of entrepreneurial competences in the higher education industry. *Chelovecheskii kapital i professional'noe obrazovanie=Human Capital and Professional Education*, 2015, no. 4, pp. 66–71 (in Russian).
4. Vlasova V. Industry-science cooperation and public policy instruments utilization in the private sector. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 124, pp. 519–528. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.072
5. Slaughter Sh., Leslie L.L. *Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 276 p.
6. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The endless transition: A “Triple helix” of university – industry – government relations. *Minerva*, 1998, no. 36, pp. 203–208. DOI: 10.1023/A:1017159001649
7. Baimuratov U.B., Zhanbaev R.A., Sagintayeva S.S. The triple helix model for the conceptual mechanism of cooperation between higher education and business: the regional aspect. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2020, no. 16 (4), pp. 1046–1060. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-3 (in Russian).
8. Etzkowitz H., Webster A., Gebhardt C., Terra B.R.C. The future of the university and the university of the future: Evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm. *Research Policy*, 2000, vol. 29, no. 2, pp. 313–330. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00069-4
9. Andryushkevich O.A., Denisova I.M. Formation of entrepreneurial universities in the innovative economy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii=Economics of Contemporary Russia*, 2014, no. 3 (66), pp. 87–104 (in Russian).
10. Pavelyeva T., Kryuchkova S. The model of research university in Russian: the pros and cons. *Stankoinstrument=The Stankoinstrument Journal*, 2016, no. 4 (5), pp. 92–96 (in Russian).
11. Solovey O.V. Integration of education, business and government in an innovative economy. *Ekonomika obrazovaniya=Economics of Education*, 2021, no. 2, pp. 4–14 (in Russian).
12. Basso F.G., Pereira C.G., Porto G.S. Cooperation and technological areas in the state universities of São Paulo: An analysis from the perspective of the triple helix model. *Technology in Society*, 2021, vol. 65, art. 101566. DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101566
13. Liu Y., Huang Q. University capability as a micro-foundation for the Triple Helix model: The case of China. *Technovation*, 2018, vol. 76–77, pp. 40–50. DOI: 10.1016/j.technovation.2018.02.013
14. Saginova O.V., Maksimova S.M. Experience of collaboration between universities and business organizations. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo=Russian Journal of Entrepreneurship*, 2017, vol. 18, no. 3, pp. 377–387. DOI: 10.18334/rp.18.3.37304 (in Russian).

15. Il'ina L.A. Reference University as a driver of the innovative scientific and educational environment of the region. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava=Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2020, no. 5-1, pp. 76–85. DOI: 10.17513/vaael.1114 (in Russian).
16. Borodavkin V.A. et al. The enterprise base department in the structure of higher education institution. *Innovatsii=Innovations*, 2015, no. 9, pp. 93–97 (in Russian).
17. Pechatkin V.V. Formation of world-class scientific and educational centers in Russian regions as a tool to improve the competitive sustainability of territories. *Ekonomicheskie otnosheniya=Economic Relations*, 2019, no. 4, pp. 3075–3086. DOI: 10.18334/eo.9.4.41267 (in Russian).
18. Mironova T.N., Alekseenko L.F. National qualifications system as a mechanism for regulating interaction of labor market and education system. *Ekonomicheskii vestnik universiteta=Economic University Bulletin*, 2019, no. 40-2, pp. 28–33 (in Russian).
19. Ol'khovaya T.A., Zinyukhina N.A., Nikulina Yu.N. Cooperation between university and business community: experience and development priorities. *Vyshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*, 2019, vol. 28, no. 7, pp. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-139-149> (in Russian).
20. Zagoruyko T., Marenkov K. The current world practice of forming research and educational centers. *Proceeding of the Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture*, 2019, no. 4 (138), pp. 133–136.
21. Kornilov A.M. The dilemmas of the digital revolution: technological unemployment or scientific crowdsourcing. *Upravlenie nauko: teoriya i praktika=Science Management: Theory and Practice*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 90–102. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.5 (in Russian).
22. Sorgner A. the automation of jobs: a threat for employment or a source of new entrepreneurial opportunities? *Forsait=Foresight*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48 (in Russian).
23. Kochetkov N.D. Modelling dependence of gross regional product from the expenditure on R&D and the number of higher educational and scientific institutions in Russia. *Vektor ekonomiki=Economy Vektor*, 2021, no. 1 (55), pp. 6–15 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. 4, Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; Chief Researcher, Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences. 47, Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Nataly A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. 4, Veshnyakovskiy Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.3

УДК 331.5 | ББК 65.240

© Попов А.В.

МАСШТАБЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ В СУБЪЕКТАХ РФ

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: [0000-0002-4803-1354](https://orcid.org/0000-0002-4803-1354); ResearcherID: [I-8785-2016](https://publons.com/urn:li:member:1-8785-2016)

В условиях нарастания глобальных вызовов, оказывающих непосредственное воздействие на развитие экономики и общества, вопросы занятости населения приобретают особую актуальность. Подтверждением этому служит возникновение широкой дискуссии о будущем сферы труда и, как следствие, формирование большого количества противоречивых сценарных моделей, так или иначе декларирующих становление нового облика трудовых отношений. Несмотря на институциональные различия между странами, трансформационные сдвиги в практиках участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности повсеместно прослеживаются на протяжении последних десятилетий. Под влиянием множества факторов, обусловивших изменение спроса и предложения на труд, традиционная для индустриальных экономик XX века стандартная модель занятости начала отходить на второй план, уступая место гибким формам трудовых отношений. В силу дефицита исследований, посвященных особенностям развития данного процесса в субъектах РФ, целью настоящей статьи стало определение динамики и масштабов распространения отдельных форм нестандартной занятости на региональном уровне. К их числу были отнесены: неполная, сверхзанятость, занятость в неформальном секторе, вторичная, занятость в личном подсобном хозяйстве и не по найму. Проведенный анализ показал, что распространение нестандартной занятости происходит неравномерно как в субъектах РФ, так и в разрезе ее конкретных форм. Наибольшее распространение получила занятость в неформальном секторе, масштабы которой составляют порядка 20%. Среди остальных форм трудовых отношений выделяются только неполная и сверхзанятость, а также

Для цитирования: Попов А.В. Масштабы и особенности распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 43–62. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.3

For citation: Popov A.V. The scale and features of spreading various forms of non-standard employment in Russia's entities. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 43–62. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.3

занятость не по найму. Важно подчеркнуть, что нестандартная занятость затрагивает прежде всего наименее благополучные с точки зрения экономического развития субъекты страны (за исключением сверхзанятости). Основное ограничение проведенного исследования связано с использованием исключительно данных официальной статистики, что заметно сужает спектр рассматриваемых аспектов занятости населения, однако позволяет приблизиться к пониманию масштабов и территориальных различий динамики явления.

Нестандартная занятость, регионы России, рынок труда, занятость, неполная занятость, сверхзанятость, неформальный сектор, вторичная занятость.

Введение

Вопросы распространения нестандартных форм занятости относятся к числу наиболее обсуждаемых последствий трансформации системы социально-трудовых отношений. Учеными и практиками подчеркивается глобальный характер данного процесса, однако особенно наглядно он проявляется в промышленно развитых государствах, где еще в прошлом веке были нормативно закреплены базовые принципы наемного труда, касающиеся большинства работников [1, с. 12–13]. В развивающихся странах нестандартная занятость всегда охватывала значительную долю населения, впрочем, даже там сейчас наблюдается сокращение сегмента стандартных рабочих мест¹. Согласно оценкам Международной организации труда, в настоящее время стандартная модель занятости все меньше отражает реальное положение дел в сфере труда и охватывает менее 25% глобальной рабочей силы². В российской практике³ данное соотношение находится на уровне 70–80% и имеет тенденцию к снижению [2, с. 28].

По своей сущности нестандартная занятость представляет собой обобщающее понятие, характеризующее трудовые отношения, которые отклоняются от стандартных условий труда [3, с. 341–342]. При этом их перечень может выглядеть как весьма емкий

набор элементов (например, бессрочный трудовой договор и высокая степень социальной защищенности работника [4, с. 130] или полная и постоянная занятость⁴), так и иметь более детальное описание: «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров» [2, с. 3]. Как правило, отсутствие какого-либо одного из обозначенных признаков свидетельствует о том, что мы имеем дело с нестандартной занятостью. Такая точка зрения широко распространена в научных кругах, в результате чего данный концепт зачастую рассматривается сквозь призму стандартных трудовых отношений, определяющих все дальнейшие различия в его понимании. В то же время можно с уверенностью говорить о существовании достаточно консолидированной позиции относительно форм нестандартной занятости. В основном речь идет о временной и неполной занятости, многосторонних трудовых отношениях, самозанятости, надомной работе и т. д. В последние годы все более актуальной становится занятость на цифровых платформах⁵. Связующим звеном для каждого из обозначенных примеров является гибкость трудовых отношений [5], причем не только для работников, но и

¹ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (accessed 29.06.2021).

² World Employment and Social Outlook 2015: The Changing Nature of Jobs. ILO. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_368626.pdf (accessed 29.06.2021).

³ Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2018. 414 с.

⁴ Non-Standard Employment. LMIC. URL: <https://lmic-cimt.ca/projects/work-words/non-standard-employment> (accessed 29.06.2021).

⁵ Non-standard forms of employment. ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/non-standard-employment/lang--en/index.html> (accessed 29.06.2021).

для работодателей. Не случайно в периоды социально-экономической нестабильности отмечается заметный рост масштабов нестандартной занятости [6; 7]. Однако данный тренд помимо позитивных моментов несет в себе и множество угроз, связанных прежде всего со снижением устойчивости положения работников и появлением нового социального класса – прекариата [8, с. 52].

Изучение процесса дестандартизации занятости сопряжено с рядом сложностей, препятствующих формированию целостного представления о его динамике. С одной стороны, международные и отечественные базы данных включают сведения лишь об отдельных, ставших уже традиционными формах занятости (неполная, временная, самозанятость и т. д.) и слабо отражают современные тенденции в силу устойчивости методологии исследования, а также проблем сбора интересующей информации. В частности, материалы официальной статистики демонстрируют ограниченность в отношении оценки масштабов надомной работы и платформенной занятости. В этом плане инициативные социологические опросы способствуют расширению спектра затрагиваемых аспектов, однако зачастую не позволяют проводить сравнительный анализ, в особенности на международном уровне. С другой стороны, существует немало различий в составе и содержательном наполнении самих показателей, которые, хотя и имеют одинаковое наименование, на деле нередко обладают национальной спецификой.

В отечественной науке встречаются работы, посвященные оценке масштабов нестандартной занятости в России⁶ как на федеральном [2], так и на региональном уровне (Свердловская, Омская, Вологодская области [9–11] и другие регионы). В них не только анализируются отдельные показатели распространения тех или иных форм трудовых отношений, но и рассчитываются интегральные характеристики, отражающие общую ситуацию на рынке труда. В то же время можно отметить дефицит исследова-

ний, в рамках которых рассматриваются вопросы изучения динамики и масштабов нестандартной занятости в разрезе субъектов РФ. Это и послужило мотивом подготовки данной статьи, приглашающей к дискуссии об особенностях протекания процесса дестандартизации занятости в стране.

Важным методологическим аспектом работы, определяющим логику последующих рассуждений, является выбор информационной базы. Для достижения поставленной цели мы воспользовались данными Федеральной службы государственной статистики, которые, с одной стороны, предоставляют наиболее широкие возможности для проведения межрегионального сравнительного анализа, а с другой – ограничивают ракурс исследования заданными формами нестандартной занятости. С учетом имеющихся в этой области наработок нами был сформирован следующий перечень: неполная занятость, сверхзанятость, занятость в неформальном секторе, вторичная занятость, занятость в личном подсобном хозяйстве и не по найму (*табл. 1*). Расчет показателей осуществлялся в относительном выражении. Временные границы исследования в полной мере продиктованы доступностью информационной базы и охватывают период 2001–2019 гг. Для удобства интерпретации полученных результатов нами применялись табличный (отображение динамики показателей) и графический (формирование общей картины) методы.

Основные результаты

Неполная занятость

Проведенный анализ показал, что в 2001–2019 гг. масштабы неполной занятости в России несколько сократились, достигнув уровня 5% от общей численности работников (*табл. 2*). Как правило, подобного рода практики являются следствием соглашения между работником и работодателем, в то время как иные случаи, например, когда инициатива исходит только от работодателя, встречаются гораздо реже [12, с. 367]. В ре-

⁶ Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2018. 414 с.

Таблица 1. Перечень используемых в статье показателей, характеризующих отдельные формы нестандартной занятости

Форма занятости	Описание	Источник
Неполная занятость (расчетный)	Занятость, при которой продолжительность рабочей недели составляет менее 30 часов по основному месту работы	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Рабочее время»
Сверхзанятость (расчетный)	Занятость свыше 40 часов в неделю по основному месту работы	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Рабочее время»
Занятость в неформальном секторе (нормативный)	Занятость в одной из производственных единиц неформального сектора, критерием определения которых является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятые в неформальной секторе»
Вторичная занятость (расчетный)	Занятость, при которой индивид выполняет другую работу или имеет другое доходное занятие, кроме той, которую считает для себя основной	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость»
Занятость в личном подсобном хозяйстве (расчетный)	Занятость в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость»
Занятость не по найму (расчетный)	Занятость, в ходе которой люди выполняют работу, определенную как «работа на собственном предприятии, в собственном деле». Показатель объединяет работодателей, самозанятых, членов производственных кооперативов, помогающих на семейном предприятии	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость»

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России: сб. 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm

Таблица 2. Масштабы распространения неполной занятости в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	7,0	7,3	5,2	-1,8
1	Чеченская Республика	–	5,3	28,5	–
2	Республика Дагестан	24,3	23,7	22,0	-2,3
3	Республика Ингушетия	4,8	14,0	17,9	13,1
4	Кабардино-Балкарская Республика	14,3	20,7	16,8	2,5
5	Республика Алтай	7,4	8,0	14,6	7,2
6	Тамбовская область	12,2	15,2	13,9	1,7
7	Республика Северная Осетия – Алания	13,4	16,0	10,5	-2,9
8	Алтайский край	7,9	9,1	10,2	2,3
9	Омская область	9,0	8,3	9,7	0,7
10	Республика Мордовия	8,4	18,7	9,5	1,1
	...				
46	Вологодская область	6,8	4,0	4,5	-2,3
	...				
71	Самарская область	4,9	7,8	3,1	-1,8
72	Тюменская область	7,1	5,1	2,8	-4,3
73	Республика Башкортостан	7,2	11,0	2,6	-4,6
74	г. Москва	3,9	3,9	2,4	-1,5
75	Хабаровский край	7,3	6,1	2,4	-4,9
76	Ивановская область	6,1	6,5	2,3	-3,8
77	Камчатский край	3,1	4,7	2,2	-0,9
78	Магаданская область	8,4	0,8	2,0	-6,4
79	г. Санкт-Петербург	3,3	3,3	1,8	-1,5
80	Чукотский автономный округ	4,2	2,6	0,9	-3,3
	Максимальное значение	24,3	23,7	28,5	–
	Минимальное значение	2,7	0,8	0,9	–
	Коэффициент вариации	45,9	50,2	71,4	–

Источник: данные Росстата.

Рис. 1. Уровень распространения неполной занятости в субъектах РФ, 2019 год

гиональном разрезе показатель неполной занятости демонстрирует высокую неоднородность, которая со временем только усилилась за счет смещения прежде всего его верхней границы. В 2019 году коэффициент вариации составил 71%, а различия между крайними субъектами (1% в Чукотском автономном округе и 29% в Чеченской Республике) увеличились до 31,7 раза. Среди территорий с наибольшим приростом неполной занятости в относительном выражении можно отметить республики Чечню (+23,2 п. п.⁷), Ингушетию (+13,1 п. п.) и Алтай (+7,2 п. п.). Ситуация в Вологодской области во многом соотносится со среднероссийским трендом: за рассматриваемый период значения данного индикатора сократились с 7 до 5% (-2,3 п. п.), в результате чего регион занял 46 место среди 80 субъектов РФ.

Как видно из рис. 1, по состоянию на 2019 год подавляющая часть регионов (71) входит в группу территорий с относительно низким уровнем распространения неполной занятости (менее 9,5%). Средний уровень (от 9,5 до 19%) наблюдается в респуб-

ликах Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Алтай и Северной Осетии – Алании, а также в Тамбовской и Омской областях, Алтайском крае. Республики Чечня и Дагестан – единственные субъекты с относительно высокой долей работников (более 19%), занятых неполную рабочую неделю. Из этого следует, что феномен неполной занятости в России носит скорее локальный характер и едва ли является отражением трансформационных процессов в системе социально-трудовых отношений. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о средней продолжительности отработанного времени на одного работника, динамика которых не претерпевает существенных изменений на протяжении последних десятилетий (1933 часа в 1992 году против 1965 часов в 2019 году). В странах – членах ОЭСР этот показатель, напротив, имеет устойчивую тенденцию к снижению (с 1829 до 1726 часов) при заметном росте производительности труда⁸, что исключает тезис о спаде деловой активности как первопричине развития неполной занятости.

⁷ Относительно 2009 года.

⁸ OECD.Stat. URL: <https://data.oecd.org> (accessed 29.06.2021).

Таблица 3. Масштабы распространения сверхзанятости в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	9,1	8,1	5,9	-3,2
1	Курганская область	17,9	14,0	18,1	0,2
2	Томская область	21,9	25,0	16,6	-5,3
3	Республика Дагестан	15,1	18,8	15,5	0,4
4	Еврейская автономная область	11,7	2,4	14,7	3,0
5	Иркутская область	15,2	11,7	13,7	-1,5
6	Кемеровская область	10,9	8,8	13,4	2,5
7	Республика Тыва	10,4	20,6	13,2	2,8
8	Калининградская область	5,4	10,9	13,2	7,8
9	Алтайский край	15,9	9,1	12,6	-3,3
10	Магаданская область	6,3	4,1	11,1	4,8
	...				
50	Вологодская область	9,8	5,2	5,1	-4,7
	...				
71	Ивановская область	7,1	7,1	1,8	-5,3
72	Липецкая область	1,4	0,9	1,5	0,1
73	г. Москва	1,2	2,1	1,5	0,3
74	г. Санкт-Петербург	10,6	7,0	1,5	-9,1
75	Тамбовская область	6,3	2,4	1,3	-5,0
76	Республика Ингушетия	2,2	8,4	1,2	-1,0
77	Орловская область	9,4	3,7	0,7	-8,7
78	Чукотский автономный округ	18,4	9,7	0,3	-18,1
79	Пензенская область	7,3	5,2	0,1	-7,2
80	Курская область	8,7	5,2	0,1	-8,6
	Максимальное значение	21,9	25,0	18,1	–
	Минимальное значение	1,2	0,9	0,1	–
	Коэффициент вариации	49,5	69,0	60,0	–

Источник: данные Росстата.

Сверхзанятость

Распространение сверхзанятости в современной России также характеризуется отрицательной динамикой: с 2001 по 2019 год значения показателя уменьшились на 3,2 п. п., составив 6% общей численности работников (табл. 3). Важно подчеркнуть, что в отличие от неполной и других форм занятости данное явление трактуется с позиций сугубо негативного влияния на рынок труда [13, с. 82–83], в результате чего наблюдаемые тенденции могут быть оценены позитивно. В то же время в академическом сообществе обращается внимание на несовершенство имеющейся статистики, по-

скольку на многих предприятиях переработанные часы не учитываются в отчетности [14, с. 35]. В этой связи реальное положение дел в стране может быть несколько хуже. В частности, согласно опросам ВЦИОМ, почти половина россиян (49%) работает более 40 часов в неделю⁹.

Возвращаясь к официальным оценкам, можно увидеть, что в 2019 году наибольшие масштабы сверхзанятости были зафиксированы в Курганской (18%) и Томской (17%) областях, Республике Дагестан (16%), а наименьшие – в Курской и Пензенской областях, Чукотском автономном округе (менее 1% в каждом случае). Коэффициент вариации

⁹ ВЦИОМ выяснил, сколько россиян работают сверхурочно // ВЦИОМ. URL: <https://ria.ru/20210429/rabota-1730550216.html> (дата обращения 29.06.2021).

Рис. 2. Уровень распространения сверхзанятости в субъектах РФ, 2019 год

ции после некоторых колебаний достиг 60%, что позволяет сделать вывод о гетерогенности выборочной совокупности. Ситуация в Вологодской области в полной мере отражает общенациональную специфику. В 2019 году регион занимал 50 место со значением индикатора 5% (против 10% в 2001 году).

В целом распределение субъектов РФ по уровню распространения сверхзанятости выглядит следующим образом: 9 регионов имеют относительно высокий уровень (более 12,1%), 32 – средний (от 6 до 12,1%), 39 – относительно низкий (менее 6%; *рис. 2*). Географическое расположение каждой из обозначенных групп по территории страны является весьма равномерным. Исключение составляют в основном регионы с относительно высоким уровнем распространения сверхзанятости, концентрирующиеся в южной части России. При этом большинство из

них (5) относятся к Сибирскому федеральному округу. Для объяснения причин такой ситуации требуется проведение дополнительных исследований.

Стоит отметить, что, несмотря на последовательное принятие Международной организацией труда конвенций № 1 «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю» (13 июня 1921 года)¹⁰, № 30 «О регламентации рабочего времени в торговле и в учреждениях» (29 августа 1933 года)¹¹, № 47 «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю» (23 июня 1957 года)¹², в глобальной перспективе при анализе чрезмерной продолжительности рабочего времени ориентиром до сих пор выступает занятость свыше 48 часов в неделю¹³. В этом плане РФ характеризуется одной из наиболее благоприятных

¹⁰ Конвенция 1 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c001_ru.htm (дата обращения 29.06.2021).

¹¹ Конвенция 30 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c030_ru.htm (дата обращения 29.06.2021).

¹² Конвенция 47 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c047_ru.htm (дата обращения 29.06.2021).

¹³ Lee S., McCann D., Messenger J. Working time around the world: trends in working hours, laws and policies in a global comparative perspective. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@public/documents/publication/wcms_104895.pdf (accessed 29.06.2021).

Таблица 4. Масштабы распространения занятости в неформальном секторе в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	14,3	19,5	20,6	6,3
1	Чеченская Республика	–	44,7	62,1	17,4
2	Кабардино-Балкарская Республика	29,0	36,4	49,8	20,8
3	Республика Ингушетия	20,3	44,6	49,1	28,8
4	Республика Дагестан	37,9	46,9	47,0	9,1
5	Республика Алтай	15,9	29,2	41,3	25,4
6	Ставропольский край	19,3	29,5	37,2	17,9
7	Карачаево-Черкесская Республика	33,9	41,5	37,2	3,3
8	Республика Бурятия	21,5	30,6	36,1	14,6
9	Краснодарский край	18,7	25,7	33,9	15,2
10	Астраханская область	19,5	29,8	32,1	12,6
	...				
31	Вологодская область	14,1	19,1	25,1	11,0
	...				
71	Свердловская область	10,7	16,6	15,3	4,6
72	Республика Коми	9,4	12,9	14,6	5,2
73	Калужская область	15,4	15,1	14,1	-1,3
74	Тюменская область	12,0	14,1	13,0	1,0
75	Московская область	9,0	10,0	12,3	3,3
76	Хабаровский край	13,4	11,9	11,8	-1,6
77	г. Санкт-Петербург	4,5	2,6	9,2	4,7
78	Мурманская область	11,4	9,9	6,9	-4,5
79	Чукотский автономный округ	8,0	6,8	5,5	-2,5
80	г. Москва	2,6	6,0	4,0	1,4
	Максимальное значение	37,9	46,9	62,1	–
	Минимальное значение	2,6	2,6	4,0	–
	Коэффициент вариации	38,4	39,4	40,9	–

Источник: данные Росстата.

ситуаций в мире: по состоянию на 2016 год значение показателя не превышало 3% общей численности занятых (для сравнения: 6% в Норвегии, 9% в Нидерландах, 11% во Франции, 16% в США, 30% в Республике Корея)¹⁴.

Занятость в неформальном секторе

С начала 2000-х гг. занятость в неформальном секторе в России демонстрирует устойчивую тенденцию к росту (табл. 4). В 2019 году значения показателя увеличились с 14 до 21%, вплотную приблизившись к максимуму, ко-

торый наблюдался несколько лет назад (-0,6 п. п. относительно 2016 года). При этом важно подчеркнуть, что подобное развитие событий едва ли носит отчетливо негативный оттенок, поскольку, согласно методическим пояснениям Росстата, подавляющее большинство хозяйствующих субъектов неформального сектора осуществляет свою деятельность в правовом поле (как правило, только небольшое количество предприятий находятся «в тени»)¹⁵. В связи с этим рассматриваемый показатель выступает как отражение развития некорпоративной экономики.

¹⁴ Employment distribution by weekly hours actually worked. ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/data> (accessed 29.06.2021).

¹⁵ Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2020. Занятые в неформальном секторе. Предисловие // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения 29.06.2021).

Рис. 3. Уровень распространения занятости в неформальном секторе в субъектах РФ, 2019 год

Весьма противоречивой представляется ситуация с занятостью в неформальном секторе, если обратиться к региональному опыту. Так, в 2019 году ее уровень варьировался от 4% в г. Москве до 62% в Чеченской Республике, из чего следует, что в одних субъектах данный феномен крайне редко встречается на практике, а в других – к нему прибегает около половины всех работников. Вместе с тем расчет коэффициента вариации свидетельствует о наиболее гомогенном распределении территорий среди обозначенных в статье индикаторов (41%). Причины этого могут заключаться в особенностях социально-экономического развития страны, которые не только препятствуют формализации малого предпринимательства [15, с. 30–31], но и способствуют сохранению широкой «прослойки» самозанятых, вынужденных хоть как-то зарабатывать себе на жизнь [16, с. 26], что особенно актуально в условиях ухудшения материального благополучия населения в последние годы¹⁶.

В результате занятость в неформальном секторе остается достаточно распространенным способом осуществления трудовой деятельности (за исключением буквально нескольких территорий: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Мурманская область). При этом в отдельных регионах зафиксировано значительное увеличение масштабов такой занятости (+28,8 п. п. в Республике Ингушетии, +25,4 п. п. в Республике Алтай, +20,8 п. п. в Кабардино-Балкарской Республике и т. д.), а в других – уменьшение (7,4 п. п. в Курганской области, 5,7 п. п. в Пензенской области, 4,5 п. п. в Мурманской области и т. д.). На Вологодчине неформальный сектор является источником заработка для каждого четвертого работника (31 ранг), что на 11,0 п. п. выше уровня 2001 года.

В общей сложности занятость на предприятиях без образования юридического лица характерна прежде всего для регионов европейской и южной частей страны (рис. 3),

¹⁶ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Февраль 2020 / В. Павлюшина [и др.] // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения 29.06.2021).

Таблица 5. Масштабы распространения вторичной занятости в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	4,4	3,9	2,4	-2,0
1	Кабардино-Балкарская Республика	2,7	5,4	11,2	8,5
2	Республика Алтай	3,1	4,5	8,1	5,0
3	Кировская область	16,8	8,5	5,7	-11,1
4	Алтайский край	5,8	6,2	5,5	-0,3
5	Республика Ингушетия	-	3,7	5,5	1,8
6	Курганская область	11,0	4,6	5,4	-5,6
7	Омская область	8,8	5,8	5,4	-3,4
8	Республика Саха (Якутия)	6,1	4,6	5,3	-0,8
9	Оренбургская область	6,2	5,8	4,9	-1,3
10	Республика Карелия	3,2	4,1	4,7	1,5
	...				
30	Вологодская область	5,0	3,2	3,0	2,0
	...				
71	Брянская область	5,7	2,6	1,4	-4,3
72	Республика Тыва	3,2	4,9	1,3	-1,9
73	Чеченская Республика	-	0,6	1,3	0,7
74	Тульская область	1,8	1,7	1,3	-0,5
75	Республика Северная Осетия – Алания	3,1	11,0	1,2	-1,9
76	Тамбовская область	8,1	4,0	1,1	-7,0
77	г. Санкт-Петербург	0,6	1,1	1,1	0,5
78	Тюменская область	3,7	3,3	1,1	-2,6
79	Магаданская область	3,9	1,0	1,0	-2,9
80	г. Москва	0,8	1,3	0,7	-0,1
	Максимальное значение	16,8	12,1	11,2	-
	Минимальное значение	0,6	0,6	0,7	-
	Коэффициент вариации	51,0	44,5	55,0	-

Источник: данные Росстата.

что может объясняться большей концентрацией рабочей силы в отраслях сельского хозяйства. Принимая во внимание значения показателя в 2019 году, можно отметить, что 35 субъектов РФ имеют относительно низкий уровень распространения занятости в неформальном секторе (менее 20,7%), 41 – средний (от 20,7 до 41,4%), 4 – относительно высокий (более 41,4%). Следует подчеркнуть, что выделенные нами группы формируются исходя из конкретной ситуации в стране на определенный год. В этой связи проводить параллели с другими странами весьма сложно. Более того, на между-

народной арене отсутствует консолидированная точка зрения на сущность занятости в неформальном секторе [17; 18], что приводит к различиям при оценке ее масштабов в ходе деятельности национальных статистических агентств¹⁷.

Вторичная занятость

Согласно официальной статистике, масштабы вторичной занятости в современной России не превышают несколько процентов (табл. 5). При этом в динамике подобного рода практики встречаются все реже: если в 2001 году наличие дополнительной рабо-

¹⁷ Measuring informality: A statistical manual on the informal sector and informal employment. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_222979.pdf (accessed 29.06.2021).

Рис. 4. Уровень распространения вторичной занятости в субъектах РФ, 2019 год

ты отмечали около 4% работников, то в 2019 году – чуть более 2%. Такие оценки существенно расходятся с результатами инициативных социологических опросов, которые показывают различия, достигающие 10 раз (без учета подработок). Это может быть обусловлено нежеланием респондентов рассказывать представителям госструктур о своей работе, в особенности, когда она является временной или связана с «теневым» сектором экономики [19, с. 76]. Поскольку вторичная занятость во многом призвана компенсировать ограниченность текущего заработка¹⁸, на сегодняшний день все более предпочтительными становятся серые схемы оплаты труда [20], в изучении которых весомая роль также отводится опросным данным.

Тем не менее именно сведения Росстата позволяют получить наилучшее представление о масштабах распространения вторичной занятости в субъектах РФ. По состоянию на 2019 год чаще всего к ней прибегают жители республик Кабардино-Балкарии (11%)

и Алтай (8%). Примечательно, что в начале 2000-х гг. в рамках данных территорий наблюдалась совсем иная картина: дополнительную работу имело всего 3% занятого населения. В настоящее время в большинстве регионов страны, в частности в г. Москве и г. Санкт-Петербурге, Тюменской и Магаданской областях, значения показателя едва ли превышают 2%. Различия на региональном уровне подтверждает и коэффициент вариации со значением 55%, что свидетельствует о гетерогенности выборочной совокупности. При этом за весь период исследования ситуация менялась незначительно. Масштабы вторичной занятости в Вологодской области составляют 3% (5% в 2001 году), что соответствует 30 месту среди 80 субъектов РФ.

Как видно из рис. 4, 64 региона России характеризуются относительно низким уровнем распространения вторичной занятости (менее 3,7%), еще 14 – могут быть отнесены к средней группе (от 3,7 до 11,1%). В ее состав входят территории всех федеральных окру-

¹⁸ Роцин С.Ю., Разумова Т.О. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. М.: EERC, 2002. 72 с.

Таблица 6. Масштабы распространения занятости в ЛПХ в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п. п.
		2001	2009	2019	
	Россия в целом	2,8	2,8	1,4	-1,4
1	Чеченская Республика	–	–	13,9	–
2	Тамбовская область	5,6	5,6	13,2	7,6
3	Кабардино-Балкарская Республика	0,8	0,8	10,1	9,3
4	Республика Дагестан	5,8	5,8	10,0	4,2
5	Республика Ингушетия	1,1	1,1	9,5	8,4
6	Республика Алтай	3,3	3,3	8,8	5,5
7	Карачаево-Черкесская Республика	6,9	6,9	6,0	-0,9
8	Белгородская область	10,4	10,4	5,7	-4,7
9	Республика Адыгея	3,8	3,8	4,6	0,8
10	Курская область	3,0	3,0	4,1	1,1
	...				
71	Хабаровский край	1,7	1,7	0,3	-1,4
72	Камчатский край	0,6	0,6	0,2	-0,4
73	Свердловская область	1,8	1,8	0,2	-1,6
74	Вологодская область	2,4	2,4	0,1	-2,3
75	Тюменская область	1,7	1,7	0,1	-1,6
76	Мурманская область	0,4	0,4	0,1	-0,3
77	Удмуртская Республика	3,1	3,1	0,0	-3,1
78	Магаданская область	1,3	1,3	0,0	-1,3
79	г. Москва	0,1	0,1	0,0	-0,1
80	г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	0,0
	Максимальное значение	11,1	11,1	13,9	–
	Минимальное значение	0,0	0,0	0,0	–
	Коэффициент вариации	73,3	73,3	145,2	–

Источник: данные Росстата.

гов, за исключением Центрального. В свою очередь республики Алтай и Кабардино-Балкария, как уже говорилось выше, являются единственными субъектами с относительно высоким уровнем распространения вторичной занятости (более 11,1%).

Занятость в личном подсобном хозяйстве

Как и в случае с дополнительной работой, занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) встречается крайне редко в условиях российского рынка труда (табл. 6). С 2001 по 2019 год значения показателя сократились на 1,4 п. п., достигнув отметки 1% общей численности работников. В то же время, как показывают исследования, еще несколько десятилетий назад деятельность в ЛПХ счи-

талась ведущей формой нестандартной занятости в стране и включала около четверти взрослого населения (до 40% в пик аграрного сезона) [21, с. 55]. Необходимо подчеркнуть, что такие различия в оценках связаны прежде всего не со снижением популярности подобного рода практик, а с иным взглядом на сущность рассматриваемого феномена. В рамках нашего исследования мы придерживаемся узкого подхода к его интерпретации и акцентируем внимание лишь на тех хозяйствах, продукция которых предназначена для реализации. По нашему мнению, такая позиция лучше соотносится с современными представлениями о занятости как трудовой деятельности, выполняемой в обмен на оплату или прибыль¹⁹. Так или иначе, данная

¹⁹ Резолюция I. Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (дата обращения 29.06.2021).

Рис. 5. Уровень распространения занятости в ЛПХ в субъектах РФ, 2019 год

тематика не пользуется особым интересом в современных научных работах, поэтому сведения о ее специфике представлены весьма скудно.

В 2019 году занятость в ЛПХ чаще всего встречалась в республиках Чечне (14%), Кабардино-Балкарии и Дагестан (по 10% соответственно), а также в Тамбовской области (13%), а реже всего – в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Магаданской области и Удмуртской Республике. Причем в каждом из приведенных примеров количеством выявленных наблюдений можно попросту пренебречь. С учетом обозначенных различий коэффициент вариации по всей выборке достигает 145%, что свидетельствует о самом высоком уровне дифференциации территорий по рассматриваемым показателям. Что касается динамики занятости в ЛПХ, то лидеры рейтинга продемонстрировали и самый заметный с 2001 года прирост значений показателя. Наиболее ярко выраженный отрицательный тренд отмечался в республиках Калмыкии (-8,9 п. п.) и Северной Осетии – Алании (-8,7 п. п.), Курганской (-6,7 п. п.) и Кировской (-6,3 п. п.) областях. Вологодская

область входит в число регионов с одним из самых низких показателей занятости в ЛПХ (менее 1% в 2019 году и 2% в 2001 году) и занимает 74 место.

Согласно данным рис. 5, подавляющее большинство субъектов РФ (72) характеризуется относительно низким уровнем распространения занятости в ЛПХ: значения индикатора не превышают 4,6%. В состав территорий со средним уровнем (от 4,6 до 9,3%) входят республики Алтай и Карачаево-Черкесия, а также Белгородская область. Группа с наибольшими масштабами распространения занятости в ЛПХ (более 9,3%) включает преимущественно национальные республики Северо-Кавказского федерального округа и Тамбовскую область.

Занятость не по найму

Удельный вес работающих не по найму в России за последние несколько лет практически не изменился и составляет 5% (табл. 7). Тем не менее в подавляющем большинстве субъектов была отмечена тенденция к увеличению такой занятости, которая не отразилась на общей ситуации в стране. На региональном уровне значения показателя хотя

Таблица 7. Масштабы распространения занятости не по найму в субъектах РФ в период 2013–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2013–2019 гг., п. п.
		2013	2015	2019	
	Россия в целом	4,5	4,7	5,0	0,5
1	Республика Ингушетия	17,4	18,3	17,6	0,2
2	Чеченская Республика	13,1	12,5	14,4	1,3
3	Республика Дагестан	17,9	17,3	13,3	-4,6
4	Карачаево-Черкесская Республика	19,4	15,9	12,9	-6,5
5	Республика Калмыкия	8,1	6,9	12,1	4,0
6	Кабардино-Балкарская Республика	11,2	12,0	11,9	0,7
7	Ставропольский край	9,4	10,6	11,5	2,1
8	Республика Алтай	11,2	11,0	11,4	0,2
9	Краснодарский край	8,3	9,8	11,1	2,8
10	Республика Бурятия	5,6	5,1	8,5	2,9
	...				
30	Вологодская область	4,4	4,5	5,3	0,9
	...				
71	Хабаровский край	2,3	2,9	3,4	1,1
72	Забайкальский край	4,8	3,9	3,2	-1,6
73	Республика Коми	5,0	3,5	3,1	-1,9
74	Самарская область	2,5	2,8	3,1	0,6
75	Мурманская область	2,4	3,2	3,1	0,7
76	Московская область	3,0	3,0	3,0	0,0
77	Тульская область	4,0	4,0	2,9	-1,1
78	г. Санкт-Петербург	1,5	1,5	2,7	1,2
79	г. Москва	1,4	1,6	1,6	0,2
80	Чукотский автономный округ	2,8	1,6	0,3	-2,5
	Максимальное значение	19,4	18,3	17,6	–
	Минимальное значение	1,4	1,5	0,3	–
	Коэффициент вариации	60,9	59,3	52,6	–

Примечание. Выбор временного интервала обусловлен отсутствием данных за более продолжительный период.
Источник: данные Росстата.

и варьируются от 1 (Чукотский автономный округ) до 18% (Республика Ингушетия), в динамике также демонстрируют определенную стабильность, в результате чего верхняя и нижняя границы интервала остаются практически неизменными. Коэффициент вариации, равный 53%, свидетельствует о неоднородности выборочной совокупности, однако и не столь явной, как в предыдущих примерах. Занятость в сфере предпринимательской деятельности среди вологжан соответствует среднероссийским тенденциям. В 2013–2019 гг. значения индикатора устойчиво находились в диапазоне 4–5%, что на конец рассматриваемого периода соответствовало 30 месту среди 80 субъектов РФ.

По состоянию на 2019 год большинство регионов России (57) относится к территориям с относительно низким уровнем распространения занятости не по найму (менее 5,9%; рис. 6). Средний уровень (от 5,9 до 11,7%) наблюдается в 17 субъектах преимущественно южной части страны, а относительно высокий (более 11,7%) отмечается в пяти национальных республиках Северного Кавказа, а также в Республике Калмыкии. Как представляется, такое распределение территорий обусловлено тем, что показатели занятости в неформальном секторе тесно связаны друг с другом, поскольку и в том, и в другом случае речь идет в основном о деятельности мелких хозяйственных единиц.

Рис. 6. Уровень распространения занятости не по найму в субъектах РФ, 2019 год

Таблица 8. Корреляционная матрица показателей, характеризующих различные формы занятости

Форма занятости	Неполная занятость	Сверхзанятость	Занятость в неформальном секторе	Вторичная занятость	Занятость в ЛПХ	Занятость не по найму
Неполная занятость	1,000					
Сверхзанятость	0,133	1,000				
Занятость в неформальном секторе	0,827	0,196	1,000			
Вторичная занятость	0,395	0,293	0,419	1,000		
Занятость в ЛПХ	0,886	-0,009	0,729	0,327	1,000	
Занятость не по найму	0,780	0,123	0,877	0,450	0,648	1,000

Источник: данные Росстата.

Для уточнения данного тезиса воспользуемся методом корреляционного анализа. Расчет соответствующих коэффициентов осуществлялся по 80 субъектам РФ за 2019 год для всех обозначенных в статье индикаторов, что также позволило выявить взаимосвязи и между другими формами занятости.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии сильной прямой связи между показателями занятости в неформальном секторе и не по найму: значение коэффициента корреляции составляет 0,877 ед. (табл. 8). Деятельность в ЛПХ практически в равной степени характеризуется взаимообуслов-

ленностью с каждой из обозначенных форм занятости, хотя и не так ярко выраженной (0,729 и 0,648 ед. соответственно). В свою очередь эти три формы занятости находятся в тесной связи с сокращенным рабочим временем (0,827, 0,780 и 0,886 ед. соответственно). В случае со сверх- и вторичной занятостью зависимости носят в лучшем случае умеренный характер. Исходя из этого можно констатировать многогранность характера нестандартных форм трудовых отношений. В частности, неполное рабочее время часто сочетается с занятостью в неформальном секторе, в ЛПХ и не по найму, в то время как наличие дополнительной работы нередко наблюдается у работников, основной род деятельности которых связан с некорпоративной экономикой.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что развитие нестандартной занятости в России проходит неравномерно не только в разрезе ее конкретных форм, но и на региональном уровне. Все большее распространение получает занятость в неформальном секторе, охват которой составляет порядка 20% общей численности работников, а в таких республиках, как Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня, достигает 50% и выше. В остальных же случаях, напротив, масштабы не столь существенны (не превышают 10% за исследуемый период) и имеют тенденцию к снижению. Однако из-за высокой межрегиональной дифференциации в ряде субъектов РФ наблюдается прямо противоположная картина. Так, в Калининградской области отмечается позитивная динамика сверхзанятости (+7,8 п. п.), в Тамбовской области – занятости в ЛПХ (+7,7 п. п.), в Республике Калмыкии – занятости не по найму (+4,0 п. п.) и т. д. Таких примеров можно привести достаточно много. Вместе с тем даже в такой ситуации популярность большинства из рассмотренных форм трудовых отношений напрямую связана с развитием некорпоративной экономики, о чем свидетельствуют данные корреляционного анализа. Примечательно также,

что нестандартная занятость чаще всего встречается в наименее благополучных регионах страны (за исключением сверхзанятости, что, по всей видимости, обусловлено несовершенством имеющейся статистики), поэтому можно с осторожностью сделать вывод о негативной коннотации таких практик в России в силу различных обстоятельств: от несовершенства трудового законодательства, препятствующего обеспечению социальной защиты работников, до особенностей отечественной системы организации труда. О неустойчивости и незащищенности нестандартной занятости, в частности, говорится в докладах Федеральному Собранию РФ²⁰.

Результаты проведенного исследования способствуют углублению понимания специфики протекания глобального процесса трансформации занятости в современной России, одним из важнейших проявлений которого выступает развитие нестандартных форм трудовых отношений. Данные официальной статистики наглядно продемонстрировали стабильность сложившихся практик участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности. При этом в отдельных регионах страны ситуация заметно изменилась, в особенности в отношении занятости в неформальном секторе. Это открывает огромный простор для последующего анализа, поскольку выявленные тенденции могут носить временный характер и представлять собой последовательный процесс дестандартизации занятости. В этом плане необходимо расширение горизонта исследования посредством проведения инициативных социологических опросов, направленных прежде всего на изучение таких форм занятости, которые не нашли отражения в официальной статистике (неформальная, платформенная и т. д.). Все это позволит сформировать целостное видение будущего сферы труда в России со всеми его возможностями и угрозами и на этой основе разработать рекомендации по совершенствованию институтов рынка труда и социальной политики в целом.

²⁰ Аналитический вестник. М.: Издание Государственной Думы, 2020. 45 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kalleberg A.L., Vallas S. Probing precarious work: Theory, research, and politics. *Precarious Work (Research in the Sociology of Work, vol. 31)*. Eds. by A. Kalleberg, S. Vallas. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. Pp. 1–30.
2. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.
3. Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, temporary and contract work. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26 (1), pp. 341–365.
4. Бобков В.Н. Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России // Мир новой экономики. 2018. № 12 (3). С. 128–139. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139
5. Felstead A., Jewson N. Flexible labour and non-standard employment: An agenda of issues. *Global Trends in Flexible Labour: Critical Perspectives on Work and Organisations*. Eds. by A. Felstead, N. Jewson. London: Macmillan. Pp. 1–20.
6. Matsaganis M., Özdemir E., Ward T., Zvakou A. *Non-standard Employment and Access to Social Security Benefits. Research note 8/2015*. Brussels, Belgium: European Commission, 2016. 43 p.
7. Green A., Livanos I. Involuntary non-standard employment in Europe. *European Urban and Regional Studies*, 2017, vol. 24 (2), pp. 175–192. Available at: <https://doi.org/10.1177/0969776415622257>
8. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
9. Тонких Н.В., Камарова Т.А. Исследование нестандартной занятости на территории Свердловской области: методика, результаты апробации // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Экономика. 2015. № 2. С. 164–172.
10. Лапина Т.А., Коржова О.С. Динамика видов нестандартной занятости в Омской области в 2010–2015 гг. // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Экономика. 2017. № 4 (60). С. 162–171.
11. Попов А.В. Работники стандартной и нестандартной форм занятости на региональном рынке труда // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2189> (дата обращения 29.06.2021).
12. Холодова О.А. Неполный рабочий день как способ увеличения занятости населения // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 4. С. 359–370.
13. Цыганкова И.В., Базжина В.А., Никишина О.Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 24. С. 71–86.
14. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 29–40.
15. Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? М.: ГУ ВШЭ, 2002. 52 с.
16. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 36 (3). С. 18–29. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29
17. Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147 (4), pp. 321–348.
18. Williams C.C., Lansky M.A. Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. *International Labour Review*, 2013, vol. 152 (3-4), pp. 355–380.
19. Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7

20. Попов А.В. Основные тенденции и особенности занятости населения в современной России // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28767>. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.3 (дата обращения 29.06.2021).
21. Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения. Препринт WP3/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 60 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com

Popov A.V.

THE SCALE AND FEATURES OF SPREADING VARIOUS FORMS OF NON-STANDARD EMPLOYMENT IN RUSSIA'S ENTITIES

In the context of increasing global challenges that have a direct impact on the development of the economy and society, employment issues are becoming particularly relevant. This is confirmed by the emergence of a broad discussion about the future of labor sphere and, as a result, the formation of a large number of contradictory scenario models that somehow declare the formation of a new image of labor relations. Despite the institutional differences between countries, transformational shifts in the practices of public participation in paid socially useful activities have been observed everywhere over the previous decades. Under the influence of many factors that caused changes in the supply and demand for labor, the standard employment model, traditional for industrial economies of the 20th century, began fading into the background giving way to flexible forms of labor relations. Due to the lack of research devoted to the peculiarities of the development of this process in the Russia's entities, the purpose of this article is to determine the dynamics and extent of spreading certain forms of non-standard employment at the regional level. They included: underemployment, overemployment, employment in the informal sector, secondary, employment in a personal subsidiary farm and self-employment. The analysis shows that the spread of non-standard employment occurs unevenly both in the entities of Russia and in the context of its specific forms. The most widespread is employment in the informal sector the scale of which is about 20%. Among the other forms of labor relations, only part-time and overemployment, as well as self-employment, are distinguished. It is worth emphasizing that non-standard employment primarily affects the least prosperous of the country's entities from the point of view of economic development (except overemployment). The main limitation of the study is related to the use of exclusively official statistics data which significantly narrows the range of considered employment aspects, but allows getting closer to understanding the scale and territorial differences in the dynamics of the phenomenon.

Non-standard employment, regions of Russia, labor market, employment, part-time employment, overemployment, informal sector, secondary employment.

REFERENCES

1. Kalleberg A.L., Vallas S. Probing precarious work: Theory, research, and politics. *Precarious Work (Research in the Sociology of Work, vol. 31)*. Eds. by A. Kalleberg, S. Vallas. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. Pp. 1–30.
2. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. *Nestandartnaya zanyatost' i rossiiskii rynek truda* [Non-Standard Employment and the Russian Labor Market]. Moscow: SU HSE, 2005. 36 p.
3. Kalleberg A.L. Nonstandard employment relations: Part-time, temporary and contract work. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26 (1), pp. 341–365.
4. Bobkov V.N. Characteristics of instability of standard and non-standard employment in contemporary Russia. *Mir novoi ekonomiki=The World of New Economy*, 2018, no. 12 (3), pp. 128–139. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139 (in Russian).
5. Felstead A., Jewson N. Flexible labour and non-standard employment: An agenda of issues. *Global Trends in Flexible Labour: Critical Perspectives on Work and Organisations*. Eds. by A. Felstead, N. Jewson. London: Macmillan. Pp. 1–20.
6. Matsaganis M., Özdemir E., Ward T., Zvakou A. *Non-standard Employment and Access to Social Security Benefits. Research note 8/2015*. Brussels, Belgium: European Commission, 2016. 43 p.
7. Green A., Livanos I. Involuntary non-standard employment in Europe. *European Urban and Regional Studies*, 2017, vol. 24 (2), pp. 175–192. Available at: <https://doi.org/10.1177/0969776415622257>
8. Ed. by Toshchenko Zh.T. *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: the Emergence of a New Class]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2020. 400 p.
9. Tonkikh N.V., Kamarova T.A. The study of non-standard employment of the Sverdlovsk region: the methodology, the results of testing. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika=Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2015, no. 2, pp. 164–172 (in Russian).
10. Lapina T.A., Korzhova O.S. The dynamics of the types of non-standard employment in the Omsk region in 2010–2015. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika=Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2017, no. 4 (60), pp. 162–171 (in Russian).
11. Popov A.V. Employees of standard and non-standard forms of employment on the regional labor market. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2017, no. 1 (8). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/2189> (accessed: June 29, 2021; in Russian).
12. Kholodova O.A. Half-day job as a way for employment increase. *Ekonomika truda=Labor Economics*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 359–370 (in Russian).
13. Tsigankova I.V., Bazzhina V.A., Nikishina O.Y. Developing types of non-standard employment in contemporary Russia. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo=Russian Entrepreneurship*, 2014, vol. 15, no. 24, pp. 71–86 (in Russian).
14. Klimenko L.V., Posukhova O.Yu. Gender aspects of precarization of labour in Russian society. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 2017, no. 1 (82), pp. 29–40 (in Russian).
15. Gimpel'son V.E. *Zanyatost' v neformal'nom sektore v Rossii: ugroza ili blago?* [Employment in the Informal Sector in Russia: Threat or Benefit?]. Moscow: SU HSE, 2002. 52 p.
16. Poida A.N., Zybunovskaya N.V. Self-employment in contemporary labor market. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*, 2019, no. 36 (3), pp. 18–29. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29 (in Russian).
17. Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147 (4), pp. 321–348.

18. Williams C.C., Lansky M.A. Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. *International Labour Review*, 2013, vol. 152 (3-4), pp. 355–380.
19. Kuchenkova A.V. Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2019, no. 9, pp. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7 (in Russian).
20. Popov A.V. Main employment trends and features in modern Russia. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2020, vol. 6, no. 5. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28767>. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.3 (accessed: June 29, 2021; in Russian).
21. Kapelyushnikov R.I. *Zanyatost' v domashnikh khozyaistvakh naseleniya. Preprint WP3/2005/01* [Employment in Households of Population. Preprint WP3/2005/01]. Moscow: SU HSE, 2005. 60 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.4

УДК 314.424:314.48(470+470.13) | ББК 60.7(2Рос+2РосКом)

© Попова Л.А., Зорина Е.Н., Суховеенко Н.Н.

ОСОБЕННОСТИ УРОВНЯ И СТРУКТУРЫ СМЕРТНОСТИ ПО ПРИЧИНАМ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ¹

ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА ПОПОВА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: popova@iespn.komisc.ru
ORCID: [0000-0003-0549-361X](https://orcid.org/0000-0003-0549-361X); ResearcherID: [O-6876-2017](https://orcid.org/0-6876-2017)

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ЗОРИНА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: zorina@iespn.komisc.ru
ORCID: [0000-0003-1788-9224](https://orcid.org/0000-0003-1788-9224); ResearcherID: [J-8612-2018](https://orcid.org/J-8612-2018)

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА СУХОВЕЕНКО

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: aphon1010@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-5061-3927](https://orcid.org/0000-0002-5061-3927); ResearcherID: [AAA-4693-2021](https://orcid.org/AAA-4693-2021)

Заметный рост смертности населения в условиях пандемии COVID-19 актуализирует исследования в области смертности и продолжительности жизни. В статье сравниваются динамика и уровень смертности от основных причин смерти в России и Республике Коми в преддверии пандемии. Цель исследования – выявление региональных возможностей повышения продолжительности жизни за счет особенностей структуры смертности по причинам. Исследование про-

Для цитирования: Попова Л.А., Зорина Е.Н., Суховеенко Н.Н. Особенности уровня и структуры смертности по причинам в Республике Коми // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 63–80. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.4

For citation: Popova L.A., Zorina E.N., Sukhoveenko N.N. Features of the Mortality Level and Structure by Causes in the Komi Republic. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 63–80. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.4

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс».

ведено на основе официальных данных Росстата за период 1990–2019 гг., характеризующийся разнонаправленными тенденциями продолжительности жизни. Использованы методы системного, статистического и динамического анализа, сравнения. Основной гипотезой исследования является предположение о наличии значительных региональных резервов роста продолжительности жизни за счет специфики смертности по причинам. Установлено, что в России целом рассматриваемый период характеризуется снижением смертности от болезней органов дыхания, внешних причин и болезней системы кровообращения, в Коми – только от группы внешних причин. При этом уровень смертности от внешних причин и ее доля в структуре смертности остаются в республике значительно выше, чем в среднем по стране, это по-прежнему представляет главный резерв увеличения продолжительности жизни. Произошло сближение с общероссийскими параметрами уровня и доли смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, которые прежде выгодно отличали регион. Республика Коми характеризуется заметно более неблагоприятной динамикой и уровнем смертности от болезней органов пищеварения и от новообразований. К началу пандемии республика подошла с худшей ситуацией со смертностью от болезней органов дыхания, но с более благополучной – от инфекционных и паразитарных заболеваний. Регион располагает резервами повышения продолжительности жизни практически по всем основным причинам смертности. Новизна и практическая значимость исследования заключается в том, что выявление специфики структуры смертности по причинам позволяет определить приоритеты в региональной демографической политике в области смертности.

Пандемия, ожидаемая продолжительность жизни населения, смертность, причины смерти, эпидемиологический переход, Россия, Республика Коми.

Постановка проблемы

В 2020 году впервые после завершения в развитых странах первого этапа эпидемиологического перехода мир столкнулся с эпидемией масштаба глобальной пандемии. Начавшаяся в Китае в самом конце 2019 года эпидемия коронавирусной инфекции нового типа, несмотря на небывало жесткие карантинные меры китайских властей, в короткие сроки охватила все континенты. Уже в январе 2020 года ВОЗ объявила вспышку эпидемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2, чрезвычайной ситуацией международного значения в области здравоохранения. А 11 марта 2020 года генеральный директор ВОЗ заявил, что распространение в мире нового коронавируса приобрело характер пандемии. В марте – апреле 2020 года во всех странах были предприняты беспрецедентные меры, направленные на сдерживание распространения пандемии, получившей название COVID-19, путем максимального ограничения контактов людей между собой.

Однако распространение новой инфекции имело большую скорость и приняло очень значительные масштабы. К концу января 2021 года число выявленных в мире случаев заражения коронавирусом SARS-CoV-2 превысило 100 млн человек².

Несмотря на то, что летальность от новой инфекции, в отличие от вирулентности, оказалась не столь существенной, как опасались в начале пандемии, смертность населения в 2020 году по сравнению с предшествующими годами заметно увеличилась, особенно в период второй волны. В России, по данным оперативного месячного учета Росстата, за январь – декабрь было зарегистрировано 2124,5 тыс. умерших, что на 323,8 тыс., или на 18%, больше, чем за январь – декабрь 2019 года. Общий коэффициент смертности повысился в стране в 2020 году до 14,5 на 1000 человек населения по сравнению с 12,3‰ в 2019 году³. Более подробной информации, в том числе по смертности по причинам в условиях пандемии COVID-19,

² URL: https://news.rambler.ru/world/45673403/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 26.01.2021).

³ Предварительные демографические итоги 2020 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2020. № 891–892. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0891/index.php> (дата обращения 16.03.2021).

пока нет. Представленная статья посвящена выявлению ситуации со смертностью населения от основных причин смерти в преддверии разворачивания пандемии.

В целом в статистике смертности фиксируется более 300 причин смерти, объединенных в 20 классов⁴. Но основные причины даются Росстатом по следующим шести группам: болезни системы кровообращения; новообразования; внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства и прочие неестественные причины); болезни органов пищеварения; болезни органов дыхания; инфекционные и паразитарные болезни (группы перечислены по убыванию уровня смертности в последние годы). На эти шесть классов причин до 2012 года в России приходилось свыше 90% случаев смерти, в последнее время – более 80%. Т. е., несмотря на уменьшение их удельного веса за счет остальных причин, они по-прежнему определяют уровень смертности и продолжительности жизни населения.

Ситуация со смертностью от шести основных групп причин смерти, по которым доступна ежегодная статистическая информация Росстата, будет рассмотрена за 1990–2019 гг. на примере Республики Коми. Это обширный регион на северо-востоке Европейской части России с быстро уменьшающимся населением. За 30 лет с момента переписи населения 1989 года, зафиксировавшей максимальную численность (1 млн 251 тыс. человек), к началу 2021 года население сократилось на 35% – до 813,6 тыс., главным образом из-за масштабного миграционного оттока, который характерен для региона на протяжении последних трех с лишним десятилетий и который в 1993–2010 гг. и после 2017 года усиливается естественной убылью. Вся территория Республики Коми относится к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к нему, т. е. отличается суровыми природно-климатическими условиями, оказывающими влияние на здоровье и жизнедея-

тельность человека. Регион традиционно характеризуется продолжительностью жизни населения ниже среднероссийского уровня (в 2019 году отставание составляет два года), более значительной гендерной разницей (соответственно, 10,9 и 10 лет), очень существенным, особенно в последние годы, отставанием сельского показателя (5 лет против 1,5 года в России), повышенным процентом смертей от внешних причин (11,2% против 7,7% в целом по стране), что свидетельствует о наличии слабых мест, значительных нереализованных резервов, еще не использованных возможностей увеличения продолжительности жизни, определяемых теми или иными факторами. В данной статье будет рассмотрена специфика смертности в Республике Коми по причинам смерти – с целью выявления региональных возможностей повышения продолжительности жизни населения за счет особенностей структуры смертности по причинам.

Методы и данные

В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, методы анализа динамических рядов, табличные и графические приемы визуализации данных, а также инструментарий, позволяющий проследивать и анализировать поставленные вопросы. Теоретической базой исследования являются научные работы, в которых рассматриваются концепция эпидемиологического перехода и особенности эпидемиологического перехода в России. Информационной базой исследования послужили официальные информационные ресурсы Федеральной службы государственной статистики России по смертности и продолжительности жизни населения Российской Федерации и Республики Коми. Обработка данных проведена с помощью MS Excel. В основу исследования положен принцип историзма, требующий рассматривать общественные явления в их динамике и

⁴ Краткая номенклатура причин смерти 2010 года, основанная на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 27.01.2021).

изменении, учитывая взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. В дальнейшем планируется работа по исследованию ситуации в стране и регионе в условиях пандемии COVID-19.

Изменения структуры смертности по причинам в условиях эпидемиологического перехода

Изменения структуры смертности по причинам, которые в XX веке произошли в развитых странах, объясняются в теории эпидемиологического перехода. Ее основы были заложены Ж. Буржуа-Пиша, который ввел разграничение смертности на экзогенную (от инфекционных и паразитарных болезней, заболеваний органов дыхания, несчастных случаев, отравлений и убийств) и эндогенную (от злокачественных новообразований, болезней органов кровообращения и др.) [1]. В 1971 году А. Омраном была сформулирована концепция эпидемиологического перехода, состоящего из трех этапов, соответствующих снижению смертности от экзогенных заболеваний, от эндогенных причин и стадии дегенеративных болезней и профессиональных заболеваний [2]. Идея была поддержана М. Террисом, который расширил задачи эпидемиологии за пределы инфекционных заболеваний (до всех причин болезни, инвалидности и смерти, включая внешние причины [3]) и вывел на повестку дня вопрос второй эпидемиологической революции по снижению предотвратимой смертности от неинфекционных болезней и других предотвратимых причин (несчастных случаев, убийств, самоубийств) [4]. В дальнейшем концепция эпидемиологического перехода была развита рядом исследователей [5–7] и дополнена новыми этапами. Французские демографы Ф. Мелле и Ж. Валлен рассматривают эпидемиологический переход как составную часть более общего санитарного перехода [8]. Некоторые ученые оперируют еще более общим термином «the health transition», который объединяет концепцию демографического перехо-

да, объясняющую смену типов воспроизводства населения, и концепцию эпидемиологического перехода, охватывая весь спектр социальных, экономических и экологических изменений, ведущих к демографическому и эпидемиологическому переходу [9]. А.Г. Вишневский, подвергая критическому анализу различные интерпретации теории эпидемиологического перехода, отмечает огромное всемирно-историческое значение эпидемиологического перехода как триггера и составной части демографического перехода в целом [10]. Но какой бы трактовки ни придерживаться, завершение первого этапа эпидемиологического перехода (по Омрану), первой эпидемиологической революции или первого этапа эпидемиологической революции (по Террису), первой фазы санитарного перехода (по Мелле – Валлену) означает, по сути, одно и то же – кардинальное снижение смертности от инфекционных болезней и других болезней экзогенной этиологии и переход к доминированию в структуре смертности населения эндогенных болезней.

В России первый этап эпидемиологической революции, как и в экономически развитых странах, завершился к середине 1960-х гг. – с достижением продолжительности жизни до 64,6 года среди мужчин (в 1964–1965 гг.) и 73,5 года среди женщин (в 1967–1968 гг.) [11, с. 42]. После этого в силу целого ряда причин⁵ смертность вступила в фазу стагнации и роста, которые не были своевременно замечены и учтены [12–14]. При этом в России сформировалась комбинированная, сочетающая в себе худшие черты традиционной и современной патологий структура причин смерти, в которой высокая смертность от болезней системы кровообращения и новообразований соседствовала с не менее высокой смертностью от несчастных случаев, отравлений и травм, а также от болезней органов дыхания и других подобных причин. Причем смертность от несчастных случаев стала в России второй по значению после смертности от сердечно-сосудистых заболеваний [12, с. 102].

⁵ Современная демография: учебн. пособие / А.Я. Кваша [и др.]; под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 47–49.

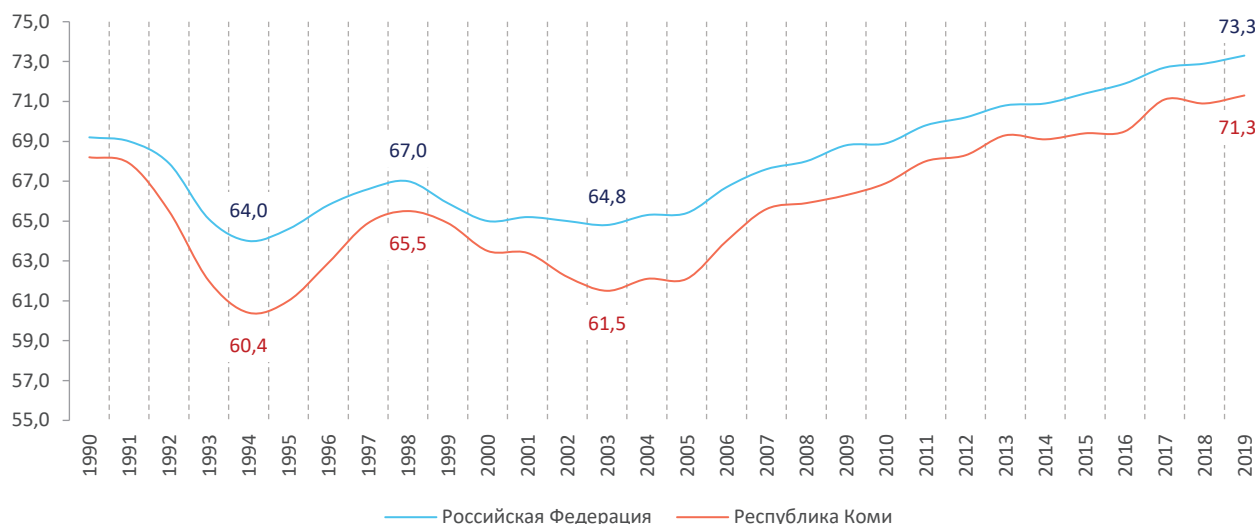

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России и Республики Коми в 1990–2019 гг., лет

Лишь после переписи населения 1979 года, зафиксировавшей снижение продолжительности жизни российских мужчин до 61,5 года, женщин – до 73,1 года, этот вопрос остро встал на повестке дня. В 1985 г. в стране развернулась антиалкогольная кампания⁶, ненадолго прервавшая тенденцию снижения показателя – с достижением в 1986–1987 гг. максимальных до недавнего времени уровней продолжительности жизни российского населения, составивших 70,1 года для обоих полов, 64,9 года для мужчин и 74,6 года для женщин [11, с. 42].

Результаты и обсуждение

Период 1990–2019 гг., за который имеются ежегодные данные смертности по причинам смерти и по России, и по Республике Коми, характеризуется разнонаправленными тенденциями ожидаемой продолжительности жизни населения: резким снижением показателя в начале 1990-х гг., ростом на протяжении 1995–1998 гг., сокращением в течение 1999–2003 гг., увеличением с 2004 года (рис. 1). Изменения в структуре смертности по причинам и особенности ситуации

в Республике Коми будем рассматривать в соответствии с этими периодами разнонаправленной динамики продолжительности жизни.

Прежде всего следует отметить, что к началу 1990-х гг. в Республике Коми сложилась отличная от среднероссийской структура смертности по причинам. Если по стране в целом внешние причины смерти в 1990 году были на третьем месте после болезней системы кровообращения и новообразований⁷, то в Республике Коми смертность от внешних причин занимала вторую позицию, заметно превышая уровень смертности от новообразований (табл. 1). Однако очень значительный рост смертности от группы несчастных случаев и прочих неестественных причин, который был характерен для России начала 1990-х гг., уже к 1993 году вернул внешние причины на второе место в структуре причин смертности российского населения⁸.

За период 1990–1994 гг., включающий самые трудные годы первых лет социально-экономических реформ 1990-х гг. с беспрецедентным снижением доходов большинства населения, приведшим к ухудшению структуры питания, сокращению возмож-

⁶ Об усилении борьбы с пьянством: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. № 2458-XI. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9007335> (дата обращения 27.01.2021).

⁷ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 27.01.2021).

⁸ Там же.

Таблица 1. Динамика коэффициентов смертности населения Республики Коми по основным причинам смерти, на 100 тыс. человек населения

Год	Все причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования
1990	749,0	33,4	21,9	364,0	149,3	7,0	127,9
1991	785,1	31,6	23,4	393,0	162,6	8,4	119,3
1992	941,1	39,0	26,3	452,3	229,3	9,1	132,0
1993	1221,1	59,5	34,4	570,2	321,9	10,4	147,2
1994	1368,7	72,9	43,8	649,5	351,9	15,2	140,7
1995	1315,4	59,5	44,6	622,5	330,0	15,9	138,7
1996	1216,3	51,0	40,3	593,5	288,7	15,2	140,7
1997	1107,3	42,7	31,0	553,4	227,0	15,4	148,5
1998	1062,2	36,6	34,7	500,2	232,2	10,9	146,4
1999	1147,4	39,0	36,4	562,1	224,9	13,7	155,4
2000	1294,2	56,0	42,8	619,7	285,9	16,9	155,0
2001	1347,9	60,0	51,0	647,8	303,9	16,3	156,2
2002	1492,4	63,5	64,7	723,9	322,9	21,9	159,0
2003	1568,5	70,7	72,0	755,1	327,2	20,7	165,1
2004	1534,2	73,5	80,2	726,5	315,3	22,6	157,4
2005	1549,4	72,5	89,0	716,7	314,1	25,6	159,0
2006	1417,3	60,6	78,4	669,5	264,3	24,2	157,0
2007	1309,2	54,3	69,5	620,3	231,6	18,6	168,4
2008	1321,4	54,1	81,0	615,1	213,7	23,4	174,5
2009	1328,2	59,7	85,8	618,5	213,5	25,0	179,1
2010	1305,1	52,7	91,5	603,6	205,3	24,0	178,2
2011	1237,0	51,3	81,9	561,1	186,6	20,3	189,4
2012	1223,4	46,9	86,4	559,5	182,3	18,5	192,9
2013	1196,3	47,6	89,3	538,5	166,9	15,3	198,0
2014	1223,3	46,2	91,9	536,8	180,7	15,0	213,3
2015	1236,8	50,0	91,3	575,4	161,3	16,0	205,9
2016	1237,6	49,2	100,9	551,0	159,9	13,7	204,8
2017	1176,2	47,1	85,3	535,5	131,5	12,7	212,0
2018	1187,6	44,9	84,6	544,9	133,4	15,2	206,6
2019	1198,4	42,3	96,6	558,1	133,8	10,9	208,0

Источники: Демографический ежегодник Республики Коми – 2009: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2009. С. 62; Демографический ежегодник Республики Коми – 2013: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2013. С. 74; Демографический ежегодник Республики Коми – 2020: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2020. С. 73.

ностей полноценного отдыха, маргинализации части населения, что сопровождалось неадекватной государственной политикой в области здравоохранения, существенным ухудшением медицинской помощи населению, снижением ее доступности как в связи с сокращением сети больничных учреждений, так и в связи с быстрой коммерциализаци-

ей сферы общественного здравоохранения [12; 15] и реставрацией традиционной патологии смертности, позволившей выдвинуть тезис об «обратном эпидемиологическом переходе» в России [16], в стране произошло очень существенное снижение уровня продолжительности жизни. В 1994 году, буквально через несколько лет после мак-

симума 1986–1987 гг., был зафиксирован минимальный после завершения первого этапа эпидемиологической революции уровень показателя: 64 года по всему населению России, 57,6 года у мужчин и 71,2 года у женщин. В Республике Коми снижение продолжительности жизни населения в начале 1990-х годов было еще более значительным: за четыре года отставание показателя от среднероссийского уровня увеличилось с 1,0 до 3,6 года. Минимальный уровень продолжительности жизни составил в 1994 году 60,4 года по всему населению республики, 54,3 года среди мужчин, 68 лет среди женщин.

Коэффициент смертности от всех причин увеличился в России за 1990–1994 гг. на 40%, в Республике Коми – в два раза сильнее: на 82,7% (табл. 2). Отчасти это может быть связано с ускорением в регионе темпов постарения возрастной структуры населения, связанным с масштабным миграционным оттоком, но заметное нарастание разрыва со

среднероссийским уровнем продолжительности жизни убедительно свидетельствует о крайнем неблагополучии в регионе ситуации со смертностью в рассматриваемый период.

Как и по России в целом, наиболее значительно в Республике Коми за 1990–1994 гг., в условиях отмены в стране государственной винной монополии и колоссального роста потребления в низкодходных слоях населения низкокачественной и суррогатной алкогольной продукции, возросла смертность от внешних причин – почти в 2,4 раза. Более чем в два раза в условиях «обратного эпидемиологического перехода» увеличилась смертность от болезней органов дыхания и инфекционных и паразитарных болезней, в два раза – от болезней органов пищеварения. Смертность от болезней системы кровообращения выросла почти на 80%, но это меньше, чем по всем причинам смерти, от новообразований – на 10%.

Таблица 2. Темпы прироста коэффициентов смертности по основным причинам смерти в Республике Коми и России в разные периоды 1990–2019 гг., %

Период	Все причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования
Республика Коми							
1990–1994 гг.	82,7	118,3	100,0	78,4	135,7	117,1	10,0
1994–1998 гг.	-22,4	-49,8	-20,8	-23,0	-34,0	-28,3	4,1
1998–2003 гг.	47,7	93,2	107,5	51,0	40,9	89,9	12,8
В целом за 1990–2003 гг.	109,4	111,7	228,8	107,4	119,2	195,7	29,1
2003–2019 гг.	-23,6	-40,2	34,2	-26,1	-59,1	-47,3	26,0
В целом за 1990–2019 гг.	60,0	26,6	341,1	53,3	-10,4	55,7	62,6
Российская Федерация							
1990–1994 гг.	40,0	36,0	53,7	35,4	87,1	66,1	6,3
1994–1998 гг.	-13,3	-29,5	-13,8	-10,8	-25,4	-5,5	-2,3
1998–2003 гг.	21,1	23,6	49,4	24,1	24,9	36,2	0,2
В целом за 1990–2003 гг.	46,8	18,6	97,9	49,8	74,3	113,9	4,1
2003–2019 гг.	-25,4	-42,8	18,0	-38,2	-59,8	-13,4	0,6
В целом за 1990–2019 гг.	9,5	-32,2	133,4	-7,4	-30,0	85,1	4,7
Источники: Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru ; Демографический ежегодник Республики Коми – 2009: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2009. С. 62; Демографический ежегодник Республики Коми – 2013: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2013. С. 74; Демографический ежегодник Республики Коми – 2020: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2020. С. 73.							

Как видно из табл. 2, региональной особенностью ситуации в этот период являются не только масштабы роста общего коэффициента смертности, но и очень значительное увеличение смертности населения республики от болезней органов дыхания, которая в целом по стране повысилась менее существенно, чем смертность от всех причин. В основе этого может лежать усугубление суровыми природно-климатическими условиями северного региона негативных социальных последствий реформ, приведших

в начале 1990-х гг. к заметному ухудшению условий жизни и работы, а также к крайним формам маргинализации населения – появлению категории лиц без определенного места жительства, т. е. бездомных. В результате такого роста доля смертности от болезней органов дыхания увеличилась в общей структуре смертности населения Республики Коми с 4,5% в 1990 году до 5,3% в 1994 году, превысив аналогичную долю в Российской Федерации, наоборот, немного сократившись (с 5,3 до 5,2%) за 1990–1994 гг. (табл. 3).

Таблица 3. Удельный вес смертности населения Российской Федерации и Республики Коми от основных причин смерти, %

Год	Болезни системы кровообращения		Новообразования		Внешние причины		Болезни органов пищеварения		Болезни органов дыхания		Инфекционные и паразитарные болезни		Остальные причины	
	РФ	РК	РФ	РК	РФ	РК	РФ	РК	РФ	РК	РФ	РК	РФ	РК
1990	55,3	48,6	17,4	17,1	12,0	19,9	2,6	2,9	5,3	4,5	1,1	0,9	6,4	6,1
1991	54,5	50,1	17,4	15,2	12,5	20,7	2,5	3,0	4,9	4,0	1,1	1,1	7,1	6,0
1992	53,1	48,1	16,6	14,0	14,2	24,4	2,7	2,8	4,8	4,1	1,1	1,0	7,5	5,6
1993	53,2	46,7	14,3	12,1	15,8	26,4	2,6	2,8	5,1	4,9	1,2	0,9	7,8	6,3
1994	53,5	47,5	13,2	10,3	16,0	25,7	2,8	3,2	5,2	5,3	1,3	1,1	8,1	6,9
1995	52,8	47,3	13,6	10,5	15,8	25,1	3,1	3,4	4,9	4,5	1,4	1,2	8,4	7,9
1996	53,5	48,8	14,1	11,6	14,8	23,7	3,0	3,3	4,8	4,2	1,5	1,2	8,4	7,1
1997	54,6	50,0	14,7	13,4	13,6	20,5	2,9	2,8	4,6	3,9	1,5	1,4	8,1	8,1
1998	55,0	47,1	14,9	13,8	13,8	21,9	2,8	3,3	4,2	3,4	1,4	1,0	7,9	9,5
1999	55,4	49,0	13,9	13,5	14,0	19,6	2,8	3,2	4,4	3,4	1,7	1,2	7,8	10,1
2000	55,3	47,9	13,4	12,0	14,3	22,1	2,9	3,3	4,6	4,3	1,6	1,3	7,8	9,1
2001	55,6	48,1	13,0	11,6	14,7	22,5	3,1	3,8	4,2	4,5	1,6	1,2	7,8	8,4
2002	56,1	48,5	12,6	10,7	14,5	21,6	3,2	4,3	4,3	4,3	1,6	1,5	7,7	9,1
2003	56,4	48,1	12,3	10,5	14,2	20,9	3,5	4,6	4,3	4,5	1,6	1,3	7,7	10,1
2004	56,1	47,4	12,6	10,3	14,3	20,6	3,7	5,2	4,0	4,8	1,6	1,5	7,6	10,3
2005	56,4	46,3	12,5	10,3	13,7	20,3	4,1	5,7	4,1	4,7	1,7	1,7	7,5	11,1
2006	56,9	47,2	13,2	11,1	13,1	18,6	4,1	5,5	3,8	4,3	1,7	1,7	7,3	11,5
2007	57,0	47,4	13,9	12,9	12,5	17,7	4,2	5,3	3,7	4,1	1,7	1,4	7,1	11,2
2008	57,1	46,5	13,9	13,2	11,8	16,2	4,4	6,1	3,8	4,1	1,7	1,8	7,3	12,1
2009	56,5	46,6	14,6	13,5	11,2	16,1	4,4	6,5	4,0	4,5	1,7	1,9	7,6	11,0
2010	56,8	46,2	14,5	13,7	10,7	15,7	4,5	7,0	3,7	4,0	1,7	1,8	8,2	11,5
2011	55,9	45,4	15,2	15,3	10,3	15,1	4,6	6,6	3,9	4,1	1,8	1,6	8,3	11,8
2012	55,4	45,7	15,3	15,8	10,2	14,9	4,7	7,1	3,7	3,8	1,7	1,5	9,1	11,2
2013	53,5	45,0	15,6	16,6	9,9	14,0	4,7	7,5	4,0	4,0	1,7	1,3	10,6	11,8
2014	50,1	43,9	15,5	17,4	9,9	14,8	5,1	7,5	4,2	3,8	1,7	1,2	13,5	11,4
2015	48,7	46,5	15,7	16,6	9,3	13,0	5,3	7,4	4,0	4,0	1,8	1,3	15,1	11,1
2016	47,8	44,5	15,8	16,5	8,9	12,9	5,2	8,2	3,7	4,0	1,9	1,1	16,7	12,8
2017	47,2	45,5	16,1	18,0	8,4	11,2	5,1	7,3	3,4	4,0	1,9	1,1	17,9	12,9
2018	46,8	45,9	16,3	17,4	7,9	11,2	5,2	7,1	3,3	3,8	1,9	1,3	18,5	13,3
2019	46,8	46,6	16,6	17,4	7,7	11,2	5,5	8,1	3,3	3,5	1,8	0,9	18,4	12,4

Источники: Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru>; Демографический ежегодник Республики Коми – 2009: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2009. С. 62; Демографический ежегодник Республики Коми – 2013: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2013. С. 74; Демографический ежегодник Республики Коми – 2020: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2020. С. 73.

В период с 1995 по 1998 год в стране наблюдалось некоторое улучшение в процессах смертности. На наш взгляд, справедливо мнение, что оно носило компенсаторный характер после первых лет сверхсмертности российского населения [12]. Ожидаемая продолжительность жизни в России выросла к 1998 году до 67 лет (на 3 года), в Республике Коми – до 65,5 года (на 5,1 года). Т. е. в период снижения смертности произошло сокращение регионального отставания в продолжительности жизни населения с 3,6 до 1,5 года.

Общий коэффициент смертности уменьшился в Коми за 1994–1998 гг. на 22,4% – значительно, чем по России (13,3%). Наиболее существенное снижение, как и в среднем по стране, было характерно для смертности от болезней органов дыхания (доля которых в региональной структуре смертности уменьшилась в этот период до минимального уровня 3,4%) и внешних причин смерти, также заметно сокративших свой удельный вес. Далее по масштабам снижения идут инфекционные и паразитарные болезни, болезни системы кровообращения и органов пищеварения. По стране в целом очередность сокращения указанных трех причин в этот период обратная [17]. И, в отличие, от России в Республике Коми в 1994–1998 гг. был зафиксирован рост смертности от новообразований с соответствующим увеличением ее удельного веса в структуре смертности по причинам.

Следующий период в динамике российской смертности – повышение до 2003 года ее уровня, связанное с резким ухудшением уровня жизни населения в результате гиперинфляции, последовавшей за дефолтом 1998 года. В условиях роста смертности продолжительность жизни населения России уменьшилась за 1998–2003 гг. на 2,2 года (до 64,8 года). В Республике Коми произошло снижение показателя на 4 года (до 61,5 года) – с увеличением разрыва со среднероссийским уровнем до 3,3 года. Т. е. оба крайне неблагоприятных в динамике российской смертности периода характеризовались нарастанием отставания регионального по-

казателя ожидаемой продолжительности жизни населения. При этом показатель в сельской местности республики, составивший в 2003 году 58,1 года, опустился ниже минимума 1994 года (58,8 года).

Коэффициент смертности от всех причин увеличился в Республике Коми за 1998–2003 гг. почти в полтора раза (на 47,7%) – намного значительнее, чем в целом по стране (21,1%). Максимальный рост, как и по России, характерен для болезней органов пищеварения, однако масштабы роста в Коми гораздо существеннее – в два с лишним раза. Следом идут болезни органов дыхания, доля которых увеличилась более чем на 90%, и инфекционные и паразитарные заболевания с ростом почти на 90%. Смертность от основной причины, болезней системы кровообращения, увеличилась за 1998–2003 гг. на 51% – немного больше, чем в среднем по всем причинам. Рост смертности от внешних причин (на 41%) и от новообразований (на 13%) в республике был ниже среднего по всем причинам, хотя масштабы роста, так же как и по остальным причинам смерти, заметно превышают общероссийские, особенно по новообразованиям.

Таким образом, как и 1990–1994 гг., период 1998–2003 гг. характеризуется в Республике Коми опережающим среднероссийские темпы ростом смертности от болезней органов дыхания и новообразований, но отличается относительно умеренным повышением смертности от внешних причин – ниже роста смертности по всем причинам. В результате в Коми за 1998–2003 гг. произошло некоторое сокращение доли внешних причин в структуре смертности по причинам, хотя она осталась гораздо значительнее, чем в среднем по стране, – более 20% всех смертей.

Период 1990–2003 гг. в целом, несмотря на наличие четырехлетнего периода снижения смертности, характеризуется повышением общего показателя смертности (по России на 46,8%, в Республике Коми в два с лишним раза) и увеличением смертности по всем шести основным группам причин смерти. Наиболее значительный рост – в 3,3 раза –

в Республике Коми характерен для болезней органов пищеварения. Уже в 2002 году эта группа причин поднялась в регионе на четвертую позицию в структуре причин смерти, потеснив болезни органов дыхания. В Российской Федерации такая перегруппировка причин смерти произошла позднее – в 2006 году [17]. Почти в три раза увеличилась в Республике Коми за 1990–2003 гг. смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний. Далее по темпам роста идут внешние причины, болезни органов дыхания, болезни системы кровообращения и новообразования. По всем причинам смерти масштабы роста в Коми гораздо более существенные, чем в целом по стране. Особенно заметная разница в увеличении уровня смертности от новообразований и болезней органов дыхания, темпы прироста которых в рассматриваемый период превышают в Коми среднероссийские в 6–7 раз.

После 2003 года в России наблюдается снижение смертности, обусловленное характерным для нулевых и десятых годов улучшением уровня и образа жизни населения, а также социально-демографической политикой в области смертности с модернизацией системы здравоохранения [18], масштабными мероприятиями по преодолению алкогольного наследия 1990-х гг. и снижению смертности от травматизма [19], усилением в обществе привлекательности идей здорового образа жизни [20] и пр. В последние годы сокращение уровня смертности носило уже несколько застойный характер, тем не менее 2019 год, после небольшого роста общего коэффициента в 2018 году, вновь продемонстрировал его уменьшение (с 12,5 до 12,3‰) и продолжающееся увеличение показателя продолжительности жизни. Ожидаемая продолжительность жизни россиян за 2003–2019 гг. выросла на 8,5 года, достигнув 73,3 года (68,2 – для мужчин и 78,2 – для женщин). Это максимальные значения за историю России. Предыдущие максимумы, зафиксированные в 1986–1987 гг., по женскому показателю были перекрыты еще в 2009 году, по показателю для всего населения – в 2012 году, для мужского – в 2013 году.

В Республике Коми продолжительность жизни населения повысилась за 2003–2019 гг. на 9,8 года – до 71,3 года. Отставание от среднероссийского уровня сократилось с 3,3 до 2 лет. Мужской показатель увеличился до 65,8 года, женский – до 76,7. Это также исторические максимумы. По всему населению уровень 1989 года (официальный максимум конца 1980-х гг. в регионе: до переписи 1989 года ежегодные значения продолжительности жизни населения не рассчитывались) был перекрыт в 2013 году. По мужскому населению уровень 1989 года достигнут в 2015 году, а в 2016 году превышен. Максимальные значения продолжительности жизни женщин, ранее зафиксированные в Коми в 1990–1991 гг., были превышены еще в 2011 году.

За 2003–2019 гг. общий показатель смертности по всем причинам сократился в Республике Коми на 23,6% – немного меньше, чем по стране в целом (на 25,4%). Как и по России, самое значительное снижение в этот период характерно для внешних причин (около 59%). Однако если в Российской Федерации группа несчастных случаев уже в 2006 году уступила новообразованиям вторую позицию в структуре причин смерти, перейдя на третье место [17], в Коми такая перегруппировка причин произошла с заметной задержкой – лишь в 2011 году. Соответственно, за 2003–2019 гг. почти в два раза снизилась доля внешних причин в структуре смертности. В среднем по России она уже меньше 8%, а в Республике Коми пока превышает 11%.

Далее по темпам снижения в 2003–2019 гг. в Республике Коми идут инфекционные и паразитарные заболевания, болезни органов дыхания и системы кровообращения. В то же время в условиях устойчивого снижения смертности по всем причинам уровни смертности от болезней органов пищеварения и от новообразований как в России, так и в Республике Коми демонстрируют рост, в Коми – достаточно существенный.

В целом за тридцатилетний период 1990–2019 гг., характеризующийся разнонаправленными тенденциями продолжитель-

ности жизни населения, ее величина увеличилась в России на 4,1 года (с 69,2 до 73,3), в Республике Коми на 3,1 года (с 68,2 до 71,3). Однако в условиях постарения возрастной структуры населения этот период отличается также повышением уровня общего коэффициента смертности на 9,5% по стране, на 60% в Республике Коми (см. табл. 2; рис. 2). В отличие от страны в целом, где рассматриваемый период характеризуется снижением смертности от болезней органов дыхания, внешних причин и болезней системы кровообращения (см. табл. 3), в Республике Коми произошло сокращение смертности только от группы внешних причин, по всем остальным причинам отмечается рост.

Самое значительное увеличение за рассматриваемые 30 лет как в России, так и в Республике Коми характерно для смертности от болезней органов пищеварения, которая во многом обусловлена характером питания населения и злоупотреблением ал-

коголем и которая имеет тенденцию к повышению даже в условиях общего снижения смертности за 2003–2019 гг. (см. рис. 2; рис. 3). Как уже указывалось, в 2002 году в Коми, а в 2006 году и в среднем по России эта группа причин поднялась с пятой позиции в структуре смертности по причинам на четвертую. У населения старше трудоспособного возраста она занимает уже третье место в структуре. До 2000 года уровень смертности от болезней органов пищеварения в Коми был ниже, чем в целом по стране, в последние два десятилетия – стабильно выше. Причем превышение существенное: на 30–40%, в некоторые годы больше – доходит до 50%. Доля смертности от болезней органов пищеварения в общей структуре смертности по причинам в России удвоилась, достигнув 5,5%, в Республике Коми она увеличилась в 2,8 раза, превысив 8% всех смертей. Таким образом, в регионе чрезвычайно актуальны мероприятия демографической политики, связанные с про-

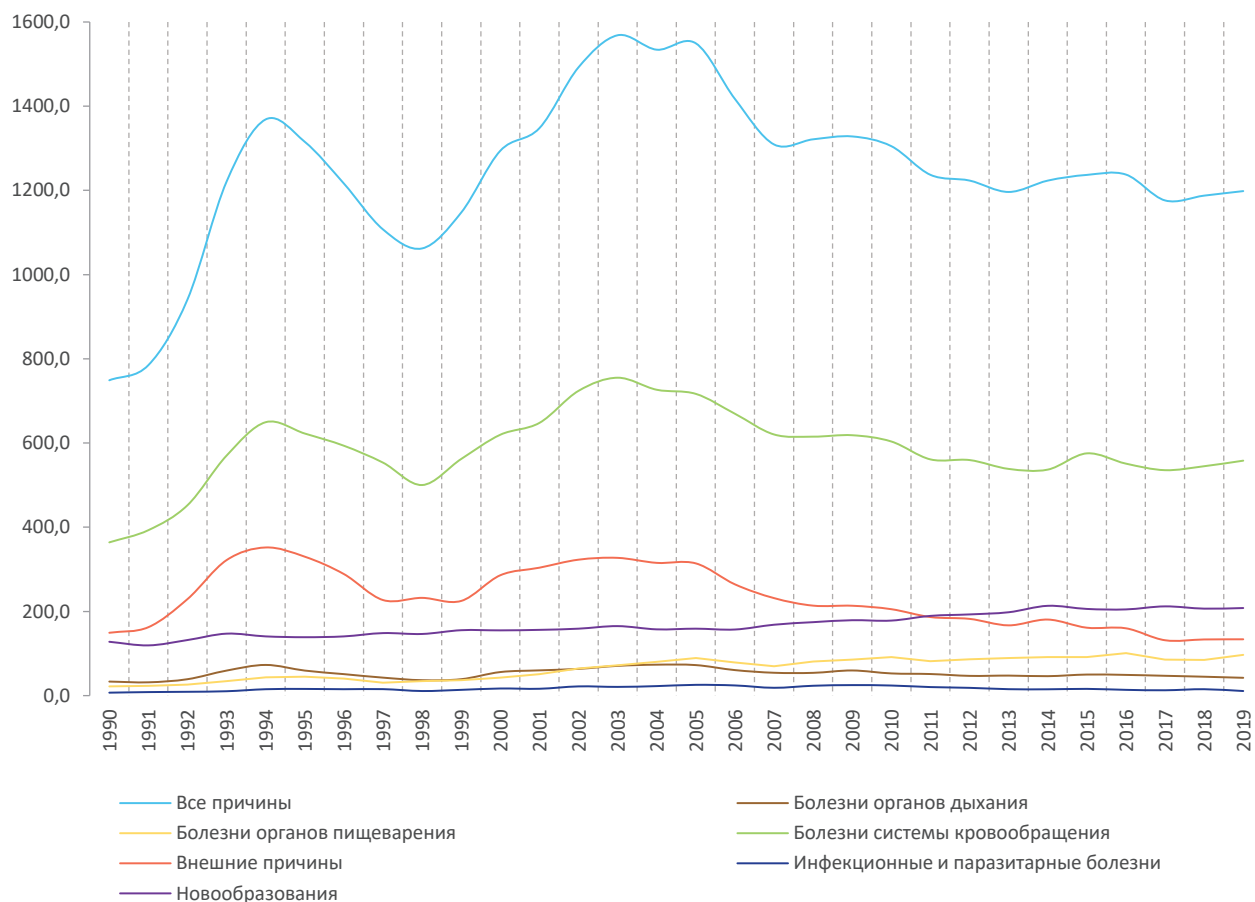

Рис. 2. Динамика общего коэффициента смертности населения Республики Коми и коэффициентов смертности от основных причин смерти в 1990–2019 гг., на 100 тыс. человек

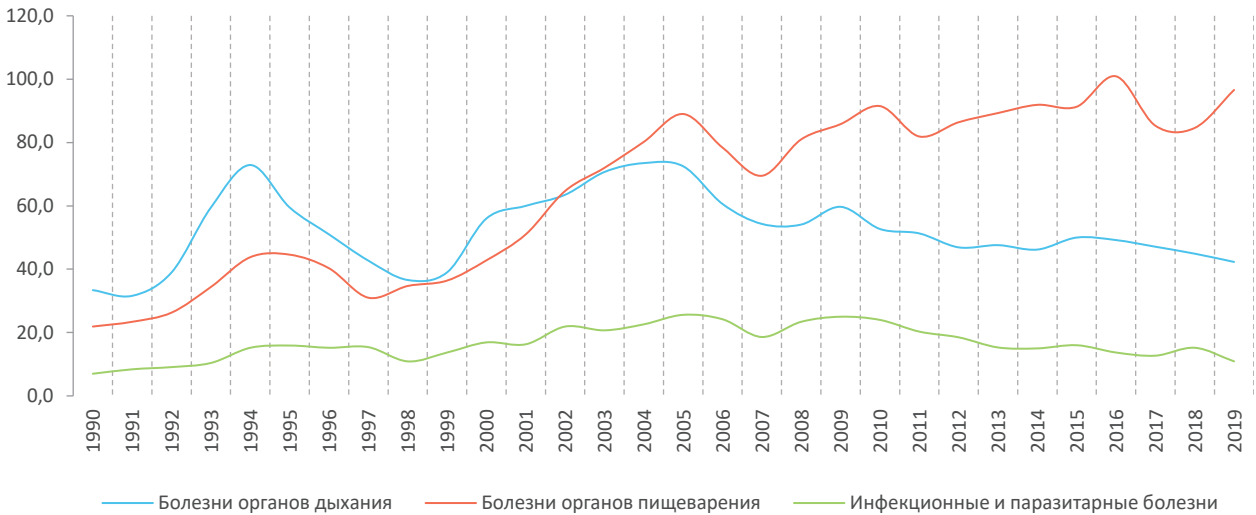

Рис. 3. Динамика коэффициентов смертности от болезней органов дыхания, болезней органов пищеварения и инфекционных и паразитарных болезней в Республике Коми в 1990–2019 гг., на 100 тыс. человек

пагандой здорового образа жизни в части улучшения культуры питания и употребления алкогольной продукции.

На втором месте в Республике Коми рост смертности от новообразований (на 63%), который в регионе, в отличие от России, опережает масштабы повышения смертности от инфекционных и паразитарных болезней. Тем не менее по стране в целом новообразования заняли вторую позицию в структуре смертности по причинам уже в 2006 году, в Коми – только в 2011 году. Но уже с 2011 года доля смертности от новообразований в регионе устойчиво превышает аналогичную долю по стране в целом. А с 2014 года выше общероссийского уровня стал и уровень смертности от новообразований. Это ставит в регионе на повестку дня усиление мероприятий демографической политики, связанных с онкопрофилактикой и выявлением онкологических заболеваний на ранней стадии.

Смертность от инфекционных и паразитарных болезней увеличилась в Республике Коми за 1990–2019 гг. на 56%. Это менее значительно, чем в регионе по всем причинам и чем рост смертности от этого класса причин по стране в целом. Следует обратить внимание, что в течение рассматриваемого периода уровень смертности от инфекционных и паразитарных болезней в Коми стабильно ниже общероссийского,

за исключением 2009–2010 гг., когда было зафиксировано незначительное превышение. В 2019 году уровень в регионе (10,9 случая на 100 тыс. населения) и доля инфекционных и паразитарных болезней в структуре причин смерти (0,9%) были заметно меньше, чем в Российской Федерации (соответственно, 22,4 на 100 тыс. населения и 1,8%). Т. е. к началу пандемии COVID-19 – первой пандемии глобального масштаба после завершения в развитых странах первого этапа эпидемиологической революции, которая стала серьезным вызовом мировым системам общественного здравоохранения, актуализировав необходимость возрождения профилактической стратегии охраны здоровья населения, ситуация в Республике Коми со смертностью от инфекционных и паразитарных болезней была лучше, чем в целом по России. Такую закономерность достаточно сложно интерпретировать, этот вопрос нуждается в более серьезном исследовании, особенно с учетом возросших инфекционных угроз. Возможно, как раз изменение ситуации во время пандемии, которое отразится в данных 2020 года, а также сравнительный анализ смертности от инфекционных и паразитарных болезней по регионам России помогут выдвинуть более или менее обоснованную интерпретацию.

Далее по темпам роста в регионе идут болезни системы кровообращения и болез-

ни органов дыхания, которые в Республике Коми, следует еще раз подчеркнуть, в целом за период 1990–2019 гг. также отличаются повышением, в то время как в среднем по России за рассматриваемые три десятилетия произошло снижение уровня смертности от этих причин.

Тем не менее уровень смертности от болезней системы кровообращения в Коми по-прежнему ниже общероссийского уровня. Наряду с инфекционными и паразитарными болезнями это вторая группа причин смерти, которая в Республике Коми стабильно характеризуется менее значительным уровнем, чем в целом по стране. Однако различия существенно сократились. Если в начале 1990-х гг. уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в Коми был на 30–40% меньше, чем по России, то в последние годы он отстает от среднероссийского уровня не более чем на 10%, а в 2019 году – всего на 2,3%.

Уровень смертности от болезней органов дыхания, характеризующийся в Республике Коми повышенными темпами роста в периоды роста общей смертности, вплоть до начала нулевых годов был стабильно ниже общероссийского. Начиная с 2003 года такая закономерность нарушается, и, хотя в целом ситуация не характеризуется однозначностью, после этого преобладают годы с превышением региональным показателем смертности от болезней органов дыхания среднероссийского уровня. В частности, региональное превышение было зафиксировано в 2003–2006, 2009–2010 и 2016–2019 гг. Т. е. к началу пандемии COVID-19, которая обусловила заметный рост смертности населения от внебольничных пневмоний, Республика Коми подошла с менее благоприятной ситуацией со смертностью от болезней органов дыхания, чем Россия в целом. Этот вопрос требует так же, как закономерности смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, более глубокого исследования с анализом динамики смертности от болезней органов дыхания по регионам России и использованием данных за 2020 год.

За рассматриваемый период 1990–2019 гг. в Коми уменьшилась лишь смертность от внешних причин, но и ее уровень, и удельный вес в структуре смертности по причинам остаются существеннее, чем в среднем по стране. Уровень смертности от несчастных случаев превышает среднероссийский на 30–40%, доля – на 40–45%. Это по-прежнему представляет главный резерв повышения продолжительности жизни населения в Республике Коми.

Заключение

Таким образом, смертность от большинства основных групп причин смерти – новообразований, внешних причин, болезней органов пищеварения и болезней органов дыхания – в Республике Коми превышает общероссийский уровень. Лишь смертность от болезней системы кровообращения и инфекционных и паразитарных заболеваний в регионе ниже, чем по России. Однако смертность от инфекционных и паразитарных болезней вносит незначительный вклад в общий уровень смертности населения, а по главной причине смертности благоприятная разница за рассматриваемый период существенно сократилась: в начале 1990-х гг. смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в Коми была на 30–40% ниже, чем по стране, а в последние годы разница не превышает 10%.

За 1990–2019 гг. в Российской Федерации произошло снижение уровня смертности от болезней органов дыхания, от внешних причин смерти и от болезней системы кровообращения, в Республике Коми – только от класса внешних причин. Однако, несмотря на то что в Коми эта группа в 2011 году, как по стране в целом еще в 2006 году, опустилась на третье место в структуре причин смерти, уступив вторую позицию новообразованиям, с учетом уровня смертности населения от этой группы, ее удельного веса в структуре причин смерти и превышения среднероссийского уровня – это по-прежнему представляет главный резерв повышения продолжительности жизни населения региона.

Самым значительным ростом за рассматриваемые 30 лет и в России, и в Республике

Коми отличается смертность от болезней органов пищеварения, которая имеет тенденцию к повышению даже в условиях общего снижения смертности в 2003–2019 гг. В 2002 году в Коми, а в 2006 году и в целом по стране эта группа причин поднялась с пятой позиции в структуре смертности по причинам на четвертую, потеснив болезни органов дыхания. У населения старше трудоспособного возраста болезни системы пищеварения занимают уже третье место в структуре причин смерти. В Республике Коми уровень смертности от этой группы и ее удельный вес почти в полтора раза превышают общероссийский уровень.

В условиях повышенных темпов постарения населения региона, обусловленных миграционным оттоком, выше среднего российского стали удельный вес и уровень смертности от новообразований. К началу пандемии COVID-19 Республика Коми подошла с менее благополучной, чем в России в целом, ситуацией со смертностью населения от болезней органов дыхания.

В заключение следует обратить внимание на то, что в условиях роста продолжительности жизни с 2008 года в России наблюдается заметное устойчивое увеличение доли остальных причин смерти, в котором большую роль играет распространение в стареющем обществе нейродегенеративных заболеваний, в частности болезней Паркинсона и Альцгеймера: 18,5% в 2019 году против 7,1% в 2007 году. С 2016 года доля прочих причин уступает в России только удельному весу основной причины смертности – болезни системы кровообращения. В некоторых странах с высокой продолжительностью жизни удельный вес этой группы уже вышел

на первое место (например, во Франции в 2018 году⁹). В Республике Коми и 1990-е годы характеризовались достаточно заметным, хотя и не вполне последовательным ростом доли остальных причин смерти, которая в 1998 году превысила среднероссийский уровень, и такое соотношение сохранялось вплоть до 2013 года. В последние годы рост удельного веса прочих причин смерти не столь значителен, как по стране в целом, он стабилизировался в регионе на уровне порядка 12,5–13% – это третья позиция после болезней системы кровообращения и новообразований. Но если удастся возобновить и стабилизировать тенденцию роста продолжительности жизни населения, эти причины смерти будут играть все возрастающую роль, что актуализирует вопросы качества жизни старших поколений, развития системы социальных учреждений и перестройки общественного здравоохранения в направлении усиления геронтологических и гериатрических служб.

Такая ситуация со структурой смертности по причинам смерти сложилась в России и Республике Коми к началу пандемии COVID-19, которая внесла существенные изменения как в уровень смертности и продолжительности жизни населения, так и в структуру смертности по причинам, что будет предметом наших дальнейших исследований. Планируется также провести анализ ситуации в Коми в сравнении с северными регионами России и субъектами Северо-Западного федерального округа, акцентируя внимание на региональной специфике гендерных и межпоселенческих различий в уровне и структуре смертности по причинам.

⁹ F. Meslé. Устное сообщение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bourgeois-Pichat J. Essai sur la mortalité biologique de l'homme. *Population*, 1952, vol. 7, no. 3, pp. 381–394.
2. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*, 1971, no. 49 (4), pp. 509–538.
3. Terris M. The epidemiologic revolution. *American Journal of Public Health*, 1972, vol. 62, no. 11, pp. 1439–1441.
4. Terris M. The epidemiologic revolution, national health insurance and the role of health departments. *American Journal of Public Health*, 1976, vol. 66, no. 12, pp. 1155–1164.
5. Olshansky S.J., Ault A.B. The fourth stage of the epidemiologic transition: the age of delayed degenerative diseases. *Milbank Quarterly*, 1986, vol. 64, no. 3, pp. 355–391.
6. Omran A.R. The epidemiologic transition theory revisited thirty years later. *World Health Statistics Quarterly*, 1998, no. 51 (2–4), pp. 99–119.
7. Gaziano J.M. Fifth phase of the epidemiologic transition. The age of obesity and inactivity. *Journal of the American Medical Association*, 2010, no. 303 (3), pp. 275–276.
8. Meslé F., Vallin J. La transition sanitaire: tendances et perspectives. *Démographie: analyse et synthèse*. Sous la direction de G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch. *INRD*, 2002, vol. III, ch. 57, pp. 439–461.
9. *Health Care Systems: Rethinking health care systems*. Ed. by J. Watson, P. Ovseiko. New York: Taylor & Francis, 2005. 697 p.
10. Вишневский А.Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. 2020. № 3. С. 6–50. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11635
11. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики): монография / под общ. ред. Г.Н. Кареловой, Л.Л. Рыбаковского. М.: Центр социального прогнозирования, 2001. 262 с.
12. Захарова О.Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 99–109.
13. Иванова А.Е. Здоровье населения России: ожидания, реальность, перспективы // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия: мат-лы Междунар. конф. М.: ИС РАН, 1994.
14. Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в прошлом, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1. С. 148–163.
15. Иванов В.Н., Суворов А.В. Проблемы охраны здоровья населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 3. С. 99–113.
16. Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России: монография. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. 235 с.
17. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Смертность населения России по причинам на пороге новых вызовов // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 16. М.: ИНИОН РАН, 2021. Ч. 1. С. 735–742.
18. Попова Л.А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 125–137.
19. Немцов А.В. Алкогольная смертность в России и пути снижения алкогольных потерь // Демографические перспективы России и задачи демографической политики: мат-лы науч.-практ. конф., 6–8 апреля 2010 г. / ред.-сост. Л.Л. Рыбаковский, А.Е. Иванова. М.: Экон-Информ, 2010. С. 66–74.
20. Юмагузин В.В., Винник М.В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 4 (38). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/lang.ru> (дата обращения 30.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: popova@iespn.komisc.ru

Елена Николаевна Зорина – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru

Наталья Николаевна Суховеенко – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: aphon1010@yandex.ru

Popova L.A., Zorina E.N., Sukhoveenko N.N.

FEATURES OF THE LEVEL AND STRUCTURE OF MORTALITY BY CAUSES IN THE KOMI REPUBLIC

In the COVID-19 pandemic, a noticeable increase in the mortality rate of population actualizes research in the field of mortality and life expectancy. The article compares the dynamics and the level of mortality from the main causes of death in Russia and the Komi Republic on the eve of the pandemic. The purpose of the research is to identify regional opportunities for increasing life expectancy due to the peculiarities of the mortality structure by causes. The study was conducted on the basis of official Rosstat data for the period 1990–2019, characterized by multidirectional trends in life expectancy. The authors have used the methods of system, statistical and dynamic analysis, and comparison. The main hypothesis of the study is the assumption that there are significant regional reserves for increasing life expectancy based on the mortality specifics due to causes. The work establishes that in Russia as a whole, the period under review is characterized by a decrease in mortality from respiratory diseases, external causes and diseases of the circulatory system, and in the Komi Republic it is only from a group of external causes. At the same time, the mortality rate from external causes and its share in the mortality structure in the republic remain significantly higher than the national average. It still represents the main reserve for increasing life expectancy. There was a convergence with the all-Russian parameters of the level and share of mortality from cardiovascular diseases which previously distinguished the region favorably. The Komi Republic is characterized by noticeably more unfavorable dynamics and the level of mortality from diseases of the digestive organs and from neoplasms. By the beginning of the pandemic, the republic came up with a worse situation with mortality from respiratory diseases, but with a more prosperous one-from infectious and parasitic diseases. The region has reserves for increasing life

expectancy for almost all major causes of mortality. The novelty and practical significance of the research lies in the fact that identification of the specifics of the mortality structure by causes allows determining priorities in the regional demographic policy in the mortality.

Pandemic, life expectancy, mortality, causes of death, epidemiological transition, Russia, the Komi Republic.

REFERENCES

1. Bourgeois-Pichat J. Essai sur la mortalité biologique de l'homme. *Population*, 1952, vol. 7, no. 3, pp. 381–394.
2. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*, 1971, no. 49 (4), pp. 509–538.
3. Terris M. The epidemiologic revolution. *American Journal of Public Health*, 1972, vol. 62, no. 11, pp. 1439–1441.
4. Terris M. The epidemiologic revolution, national health insurance and the role of health departments. *American Journal of Public Health*, 1976, vol. 66, no. 12, pp. 1155–1164.
5. Olshansky S.J., Ault A.B. The fourth stage of the epidemiologic transition: the age of delayed degenerative diseases. *Milbank Quarterly*, 1986, vol. 64, no. 3, pp. 355–391.
6. Omran A.R. The epidemiologic transition theory revisited thirty years later. *World Health Statistics Quarterly*, 1998, no. 51 (2–4), pp. 99–119.
7. Gaziano J.M. Fifth phase of the epidemiologic transition. The age of obesity and inactivity. *Journal of the American Medical Association*, 2010, no. 303 (3), pp. 275–276.
8. Meslé F., Vallin J. La transition sanitaire: tendances et perspectives. *Démographie: analyse et synthèse*. Sous la direction de G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch. *INRD*, 2002, vol. III, ch. 57, pp. 439–461.
9. *Health Care Systems: Rethinking health care systems*. Ed. by J. Watson, P. Ovseiko. New York: Taylor & Francis, 2005. 697 p.
10. Vishnevsky A.G. Epidemiologic transition and its interpretations. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 2020, no. 3, pp. 6–50. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11635 (in Russian).
11. Ed. by Karelova G.N., Rybakovskii L.L. *Stabilizatsiya chislennosti naseleniya Rossii (vozmozhnosti i napravleniya demograficheskoi politiki): monografiya* [Stabilization of the Russian Population (Opportunities and Directions of Demographic Policy): Monograph]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya, 2001. 262 p.
12. Zakharova O.D. Demographic crisis in Russia: history lessons, problems and prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1995, no. 9, pp. 99–109 (in Russian).
13. Ivanova A.E. Health of the Russian population: expectations, reality, prospects. In: *Demograficheskoe razvitie Rossii i ego sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [Demographic Development of Russian and Its Socio-Economic Consequences: Case Study of the International Conference]. Moscow: IS RAN, 1994 (in Russian).
14. Prokhorov B.B. Health of the Russian population in the past, present and future. *Problemy prognozirovaniya=Forecasting Problems*, 2001, no. 1, pp. 148–163 (in Russian).
15. Ivanov V.N., Suvorov A.V. Problems of public health protection in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Forecasting Problems*, 2003, no. 3, pp. 99–113 (in Russian).
16. Semenova V.G. *Obratnyi epidemiologicheskii perekhod v Rossii: monografiya* [Reverse Epidemiological Transition in Russia: Monograph]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya, 2005. 235 p.
17. Popova L.A., Taranenko N.N. Mortality of the Russian population due to causes on the threshold of new challenges. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik= Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik*, iss. 16. Moscow: INION RAS, 2021, part. 1, pp. 735–742 (in Russian).

18. Popova L.A. Evaluation of efficiency of the public demographic initiatives. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2014, no. 1 (31), pp. 125–137 (in Russian).
19. Nemtsov A.V. Alcohol mortality in Russia and ways to reduce alcohol losses. In: *Demograficheskie perspektivy Rossii i zadachi demograficheskoi politiki: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 6–8 aprelya 2010* [Demographic Prospects of Russia and the Tasks of Demographic Policy: Case Study of the Research and Practical Conference, Dated April 6–8, 2010]. Ed. by Rybakovskii L.L., Ivanova A.E. Moscow: Ekon-Inform, 2010, pp. 66–74 (in Russian).
20. Yumaguzin V.V., Vinnik M.V. Factors of mortality from external causes and ways to reduce it: experience of the expert interview. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*=*Social Aspects of Population Health*, 2014, no. 4 (38). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/lang,ru> (accessed: May 30, 2021; in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa A. Popova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: popova@iespn.komisc.ru

Elena N. Zorina – Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru

Natal'ya N. Sukhoveenko – Junior Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: aphon1010@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.5

УДК 336.63, 330.59 | ББК 65.261.94

© Белехова Г.В.

ДИНАМИКА И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВКЛАДОВ И КРЕДИТОВ

ГАЛИНА ВАДИМОВНА БЕЛЕХОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-6373-9043](https://orcid.org/0000-0002-6373-9043); ResearcherID: [I-8182-2016](https://orcid.org/I-8182-2016)

В статье освещается проблематика экономического поведения населения в сфере формирования банковских вкладов и использования кредитов. Цель исследования состоит в выявлении изменений, произошедших в поведении населения в сфере использования вкладов и кредитов за 2005–2019 годы. Теоретико-методологические основания работы составили труды отечественных и зарубежных ученых, раскрывающих проблематику финансового поведения населения как вида экономического поведения, связанного с распоряжением денежными ресурсами. Информационная база представлена официальными статистическими данными Росстата и Центрального банка Российской Федерации, результатами общенационального социологического опроса Фонда «Общественное мнение». Применялись эмпирические методы для сбора данных, методы аналитической обработки информации. Выявлено, что в большинстве российских регионов объемы средств, размещенных в банковских вкладах, увеличиваются, отмечено активное развитие сектора кредитования физических лиц. Определена тенденция к уменьшению соотношения вкладов и кредитной задолженности, что говорит об активном обеспечении потребления за счет заемных средств. Рассмотрено влияние пандемии 2020 года на объемы вкладов и кредитования физических лиц, на материальное положение населения. Показано, что финансовая активность населения в 2020 году критически не изменилась, несмотря на ограничения экономической деятельности и снижение доходов многих групп населения из-за сложной эпидемиологической обстановки. Выявлена территориальная дифференциация вкладных и кредитных

Для цитирования: Белехова Г.В. Динамика и территориальные особенности экономического поведения населения России в сфере использования вкладов и кредитов // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 81–99. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.5

For citation: Belekova G.V. Dynamics and territorial features of Russians' economic behavior in the use of deposits and loans. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 81–99. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.5

операций населения. Высокие объемы операций в банковском секторе характерны для городов федерального значения, регионов Уральского, Дальневосточного и Северо-Западного федеральных округов, имеющих сырьевую и торгово-транспортную специализацию, тогда как наименьшие объемы данных операций и высокий уровень кредитной нагрузки отмечаются в дотационных регионах с низкой экономической активностью из Северо-Кавказского, Приволжского и Южного федеральных округов. Указанные особенности могут быть учтены при регулировании финансового рынка и корректировке социальной политики, в работе по повышению финансовой грамотности населения.

Банковский сектор, депозиты, задолженность по кредитам, региональная дифференциация, экономическое поведение населения, территориальное развитие.

Введение

В современных условиях важным видом экономического поведения является финансовое поведение населения, отражающее деятельность индивидов по использованию разнообразных финансовых ресурсов в ходе взаимодействия с другими субъектами финансовых отношений. Грамотное финансовое поведение россиян, на обеспечение которого нацелены различные программы Министерства финансов и Центрального банка Российской Федерации, основано на адекватном восприятии собственных материальных возможностей и потребностей, на осознанных знаниях и навыках, на соответствующих вызовам времени финансовых и потребительских установках. В последние годы экономическое поведение населения в сфере использования вкладов и кредитов осложняется негативными колебаниями курса национальной валюты, внешнеэкономическими санкциями, стагнацией реальных денежных доходов населения, ограничениями экономической деятельности вследствие пандемии коронавируса. Учитывая, что сбережения населения в форме банковских вкладов и кредитование физических лиц выступают одними из ключевых индикаторов уровня и качества жизни населения, изучение закономерностей динамики вкладов и кредитования физических лиц, наряду с выявлением территориальных особенностей поведения, имеет высокую социально-экономическую значимость, в том числе для разработки действенных инструментов регулирования финансового поведения населения. Соответственно, цель исследования состоит в выявлении изменений, произошедших за 2005–2019 гг. в сфере использования населением вкладов и кредитов.

Обзор исследований

В научных исследованиях финансового поведения граждан и смежных с ними исследованиях вкладных и кредитных операций физических лиц особое внимание уделяется нескольким моментам. Во-первых, оценке и путям повышения сберегательно-инвестиционного потенциала населения. Это обусловлено тем, что денежные средства населения, размещенные в финансовых учреждениях, являются источником инвестиций и влияют на экономический рост страны [1; 2]. Во-вторых, типологизации финансового поведения населения [3; 4]. Выявляемые типы и классификации необходимы для выработки специальных целевых механизмов и инструментов, регулирующих данный вид поведения. В-третьих, финансовой грамотности и финансовому просвещению [5–7]. Данная тематика актуализировалась в последнее десятилетие (с 2010–2011 гг.), когда по инициативе Министерства финансов РФ началась системная работа по повышению финансовых знаний и навыков населения. В-четвертых, отслеживанию общих тенденций финансового поведения в рамках проведения национальных и региональных социологических исследований [8–12]. Несмотря на широкий спектр исследовательской проблематики в указанном направлении, потенциал выявления внутрирегиональных особенностей финансового поведения граждан еще весьма узок, поскольку детальные мониторинговые социологические обследования проводятся в ограниченном числе регионов. В-пятых, анализу динамики и тенденций рынка вкладов и кредитов физических лиц [8; 13; 14]. Подобные исследования осуществляются

в контексте изучения финансового сектора и оценивают эффективность деятельности кредитных учреждений либо представляют собой часть комплексного подхода к исследованию финансового поведения населения, позволяя оценить количественную сторону данного явления.

Основные классические модели финансового поведения населения разработаны еще в 1930–1950-е гг. зарубежными исследователями (Дьюзенберри, Фридман, Кейнс, Модильяни и Андо [15–18]). В дальнейшем стали появляться работы, учитывающие более сложное сочетание институциональных, социально-экономических и психологических (поведенческих) компонентов. В частности, представители экономической психологии доказали, что на решения о сбережении средств оказывают влияние не только объективные возможности (текущий уровень дохода), но и инфраструктурная сеть финансовых учреждений [19], ожидаемый размер будущего дохода, связанный с развитием институциональной среды [20], риски неопределенности из-за постоянных изменений экономических институтов (банковской и пенсионной систем, рынка труда и т. д.) [21; 22]. «Роль неопределенности в формировании сберегательных стратегий домохозяйств изучалась западными авторами и на примере ситуации в России» [23; 24, с. 155]. Подобное разнообразие моделей финансового поведения позволяет говорить о сложном многоаспектном наполнении данного явления, которое детерминировано совокупностью разнообразных объективных и субъективных факторов.

Современные зарубежные исследования многочисленны и разнообразны по содержанию и используемым методам. Особо востребованы следующие темы: взаимосвязь финансовой грамотности, финансового образования и финансового поведения [5], гендерные различия финансового поведения [25; 26], финансовое поведение отдельных социальных групп [27; 28; 29, с. 538].

В отечественной науке различным аспектам финансового поведения населения посвящены работы Т.Ю. Богомоловой и В.С. Тапилиной [30], О.А. Александровой, А.В. Ярашевой [31], А.В. Каравай [3; 32], Л.И. Ниворожкиной [8], М.С. Щербаль [33] и др. Например, в статье Д.Х. Ибрагимовой предложена типология финансового поведения домохозяйств, в основе которой лежит сочетание кредитных и сберегательных практик [4]. В труде П.К. Козыревой финансовое поведение различных социальных групп и слоев в условиях экономического кризиса рассматривается в контексте процессов социально-экономической адаптации [34]. В работе В.В. Гамукина «проведено исследование соотношения объемов вкладных и кредитных операций физических лиц» по статистическим данным, в результате чего выявлены некоторые особенности поведения вкладчиков и заемщиков: «объемы вкладов населения растут в декабре, а в январе происходит изъятие денежных средств из банков», в 2012–2018 гг. наблюдался «процесс увеличения объема вкладов относительно объема выданных кредитов» [13, с. 1014]. Среди работ российских авторов, изучающих финансовое поведение жителей отдельных регионов России, можно выделить публикации Н.В. Дулиной, Д.В. Моисеевой (Волгоградская область [6; 35], межрегиональные сопоставления [9; 10]), А.И. Фатихова¹ (Уфа), Н.В. Бадмаевой (Калмыкия) [7].

В указанных и других подобных публикациях для исследования финансового поведения используются экономический, экономико-социологический, экономико-психологический и социокультурный подходы, а также широкий набор показателей, определяющих его состояние и содержание с количественной и качественной сторон. Выбор подхода, перечня показателей и методов анализа зависит от целей и задач конкретного исследования. Экономический подход чаще используется при изучении количественной стороны финансового поведения, когда анализируются итоговые ре-

¹ Фатихов А.И. Финансовое поведение социальных групп населения крупного города в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2011. 20 с.

зультаты финансовых действий населения. Для этого применяются преимущественно официальная статистика и статистические методы анализа. Комплексные подходы (экономико-социологический, экономико-психологический, социокультурный) нацелены на изучение качественной стороны принятия финансовых решений и осуществления финансовых действий (цели сбережений, критерии выбора банка, уровень доверия, причины отказа от кредитования и др.) с учетом поведенческих особенностей, культурного контекста и проч. В этом случае чаще применяются социологические или комбинированные (статистико-социологические) методы.

В нашем исследовании внимание сосредоточено на итоговых результатах финансового поведения населения на макроуровне (страна, регионы), а не на его качественном содержании, поэтому в качестве методологической базы используются принципы экономического подхода.

Таким образом, несмотря на разработанность проблематики финансового поведения, изучение динамики объемных показателей, характеризующих экономическое поведение населения в сфере использования вкладов и кредитов, а также региональных особенностей финансовых практик, сохраняет актуальность.

Методы и информационная база

Основной методический инструментарий, применяемый в исследовании, – анализ рядов динамики. Используется две группы индикаторов финансового поведения населения – статистические и расчетные. К первым относятся «вклады (депозиты) физических лиц и задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам, ко вторым – норма сбережений в форме банковских вкладов и кредитная нагрузка» [36]. Отобранные показатели обеспечивают возможность межрегиональных сопоставлений.

Показатель «норма сбережений» представляет собой «отношение общей суммы

сбережений к источнику их происхождения – сумме денежных доходов населения за определенный период времени», выраженное в процентах [11; 37]. Возможен расчет для конкретных форм сбережений (в частности, банковских вкладов). В контексте исследования норма сбережений характеризует способность граждан страны оставаться «платежеспособным» в периоды экономической нестабильности: чем выше норма сбережений, тем меньшее влияние оказывает падение доходов на объемы потребления населения². Показатель кредитной нагрузки рассчитывается как отношение долга домашних хозяйств к располагаемым денежным доходам либо как отношение кредитов (задолженности по кредитам) и других средств, предоставленных населению, к его денежным доходам. Показатель характеризует степень нагрузки кредитной задолженности на активы и/или располагаемые доходы населения, на возможности по реализации текущих потребительских запросов [12, с. 50].

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики и Центрального банка Российской Федерации, а также результаты общенационального социологического исследования «КоронаФОМ. Экономика и Пандемия», проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 29 сентября – 9 октября 2020 года в 105 населенных пунктах из 55 субъектов РФ (объем выборки – 2000 респондентов).

Для исследования выбран период 2005–2019 гг., поскольку, во-первых, за это время в необходимом объеме доступны статистические данные, во-вторых, к 2005 году сложилось устойчивое функционирование рынка кредитных продуктов для физических лиц, в-третьих, охвачен большой временной интервал с разными стадиями экономического развития страны (восстановительный рост, мировой финансовый кризис, восстановление экономики, внешнеэкономические и политические санкции, стагнация). Также

² The various measures of the saving rate and their interpretation. Statistics directorate OECD / OECD. URL: www.oecd.org/dataoecd/10/34/1953416.doc

приводится анализ по актуальным данным за 2020 год, которые отражают влияние изменений в экономической жизни государства вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции на финансовое поведение населения.

Результаты и обсуждение

Согласно структуре использования доходов население России основную часть своих денежных поступлений (порядка 80% в 2017–2019 гг.) ежегодно направляет на приобретение разнообразных товаров и оплату услуг, удовлетворяя имеющиеся потребительские нужды (табл. 1). Доля потребительских расходов год от года варьируется, на что немаловажное влияние оказывает стабильность социально-экономической ситуации в стране. Малая часть средств используется населением на покупку недвижимого имущества (не более 2–3%). Практически неизменна доля доходов, которая направляется на обеспечение денежных обязательств перед государством и другие взносы (13–15%).

Динамика доли финансовых активов населения, среди которых учитываются средства на счетах индивидуальных предпринимателей, расходы на приобретение иностранной валюты и ценных бумаг, изменение денег на руках у населения и вклады граждан, за исследуемый период отрицательна. В целом по России отмечается заметное (более чем на 16%) снижение доли этого направления в общей структуре использования доходов за 2005–2019 гг. Вероятно, это

обусловлено высокой потребительской активностью россиян, в том числе в посткризисные периоды, когда население реализовывало отложенный спрос. В числе предполагаемых причин отрицательной динамики доли финансовых активов также можно назвать снижение процентных ставок по банковским депозитам, затяжное падение реальных доходов населения в 2015–2019 гг., низкую привлекательность и доступность инвестиционных финансовых продуктов для основной массы россиян.

В 2005–2019 гг. наблюдалась неравномерная динамика темпов прироста вкладов физических лиц и задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам (табл. 2). В этот период вклады населения прирастали, хотя величина прироста не всегда была больше, чем в предыдущий год, а во время введения внешнеэкономических санкций и стагнации экономического роста отмечалось снижение темпов прироста вкладов (-2,7% в 2014 году и -1% в 2016 году). С 2017 года среднегодовой темп прироста замедлился по сравнению с началом 2000-х гг. и стабилизировался на уровне 4–5%. Динамика среднедушевой задолженности населения по предоставленным кредитам также неравномерна: ее быстрый рост в 2005–2008 гг. сменился умеренным ростом в 2009–2017 гг. (с периодами снижения в 2009, 2015–2016 гг.), еще более замедлившись в 2018–2019 гг.

Общее увеличение среднедушевой задолженности по кредитам за 2005–2019 гг. составило 5,7 раза, а среднедушевого объ-

Таблица 1. Структура использования денежных доходов населения России, % от общего объема денежных доходов

Направление	Год							Изменение (+/-)	
	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2019 год к 2005 году	2019 год к 2015 году
Покупка товаров и оплата услуг	69,6	69,9	77,2	77,5	79,1	80,7	80,8	11,2	3,6
Оплата обязательных платежей и разнообразных взносов	10,1	9,7	13,7	13,8	14,1	15,1	15,3	5,2	1,6
Приобретение недвижимости	2,5	3,4	1,7	2,1	2	2,4	2,4	-0,1	0,7
Прирост финансовых активов	17,8	17,3	7,4	6,6	4,8	1,8	1,5	-16,3	-5,9
– из него прирост (уменьшение) денег на руках у населения	1,5	2,3	-1	2,1	2,2	2,5	0,5	-1	1,5

Источники: данные Росстата; расчеты автора.

Таблица 2. Динамика банковских вкладов населения и задолженности по кредитам в Российской Федерации в 2005–2019 гг.*

Показатель	Год							
	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Вклады (депозиты) на душу населения, руб.	54566,5	120689,5	167572,7	184368,0	182456,0	190891,7	200470,0	208964,4
Задолженность по кредитам на душу населения, руб.	21072,8	50022,4	101305,3	84291,5	80883,0	88782,2	104217,5	119675,7
Задолженность по ипотечному жилищному кредитованию на душу населения, руб.	1058,8	13900,9	31646,8	31565,5	33734,4	37951,2	44968,3	51044,4
Доля ипотеки в задолженности, %	5,0	27,8	31,2	37,4	41,7	42,7	43,1	42,7
Темп прироста вкладов, % к предыдущему году	24,1	20,5	-2,7	10,0	-1,0	4,6	5,0	4,2
Темп прироста задолженности по кредитам, % к предыдущему году	54,2	4,8	0,3	-16,8	-4,0	9,8	17,4	14,8
Соотношение вкладов и кредитной задолженности	2,6	2,4	1,7	2,2	2,3	2,2	1,9	1,7
* Показатели представлены в сопоставимых ценах 2019 года. Источники: данные Росстата; расчеты автора.								

ема привлеченных кредитными организациями вкладов – 3,8 раза (в сопоставимом выражении). Данное соотношение показывает, что потребительский спрос населения России активно обеспечивается заемными средствами. Отличительным трендом анализируемого периода стал заметный рост сектора жилищных ипотечных кредитов как в абсолютном (в 48 раз – с 1058 руб. на душу населения в 2005 году до 51044 руб. на душу населения в 2019 году), так и в относительном (с 5% в 2005 году до 43% в 2019 году в общем объеме задолженности населения) выражении.

Соотношение вкладов и кредитной задолженности колебалось в пределах 1,7–2,6 раза, увеличиваясь в кризисные периоды (2009–2010, 2015–2017 гг.) и снижаясь в периоды стабилизации экономической ситуации (2012–2014, 2018–2019 гг.). Другими словами, население России снижает активность на кредитном рынке на фоне экономической нестабильности и, напротив, повышает ее в более благоприятные периоды. Постоянный прирост объема вкладов обеспечивается за счет как притока новых средств вкладчиков, так и «встроенного»

механизма – процентного дохода. Однако в последние годы негативное влияние на рынок вкладов оказывают ослабление национальной валюты, затяжное падение реальных доходов населения и снижение ставок по вкладам. Рынок кредитования населения поддерживается разнообразными государственными программами (материнский капитал на приобретение жилья, господдержка при приобретении автомобиля, специальные программы по ипотеке для молодых специалистов и пр.), предложениями ритейла и линейками кредитных продуктов финансовых организаций.

Регионы России заметно дифференцированы по объемам размещаемых вкладов (табл. 3). В числе лидеров по объемам вкладов физических лиц представлены субъекты Центрального, Дальневосточного, Северо-Западного, Уральского и Приволжского федеральных округов. В регионах Сибирского и Южного федеральных округов фиксируются более низкие объемы привлеченных средств, а население Северо-Кавказского федерального округа размещает в банках наименьшие суммы.

Таблица 3. Вклады (депозиты) физических лиц, привлеченные кредитными организациями*, на душу населения, руб. в год

Регион**	Год							Ранг***	Изменение, 2019 год к 2015 году****, %
	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019		
г. Москва	59548	225088	494204	480095	508657	560341	594114	1	0,8
г. Санкт-Петербург	35834	136337	305188	313351	333461	367144	400024	2	13,4
Магаданская область	21495	68966	158589	174512	193890	212388	245691	3	28,7
Сахалинская область	15049	56244	152505	173275	187576	203823	223558	4	22,0
Тюменская область	25025	71808	161440	168488	179072	199316	207477	5	7,1
Московская область	16445	54804	145955	156865	168636	192182	205777	6	18,8
Мурманская область	17188	55021	149848	158646	175526	186750	201290	7	11,6
Самарская область	19639	68289	162777	167940	176248	190688	198170	8	0,6
Калининградская область	16315	56787	147746	148176	156941	171023	188156	9	11,5
Свердловская область	17583	62895	139955	145496	155497	172493	187793	10	12,3
...									
Республика Адыгея	5426	19868	44150	48447	51263	55896	61160	73	18,3
Республика Крым	н. д.	н. д.	28590	36732	44712	48662	58212	74	86,7
Кабардино-Балкарская Республика	4636	19561	36105	38725	42784	44854	48721	75	14,3
Республика Алтай	4137	17365	31400	32850	38001	42877	48454	76	28,1
Республика Калмыкия	2904	14781	31878	34807	38824	42149	46529	77	29,8
Карачаево-Черкесская Республика	3658	14074	28355	31423	36314	37542	40074	78	16,9
Республика Тыва	2558	10825	23512	26807	30093	33321	35585	79	26,5
Республика Дагестан	1144	7522	18819	20125	21639	22634	26741	80	28,7
Республика Ингушетия	1608	6135	11696	11408	11649	12533	14418	81	7,9
Чеченская Республика	445	2665	8932	7491	8228	9226	11601	82	14,8

* Перевод в сопоставимые цены осуществлен по стоимости фиксированного набора товаров и услуг.

Здесь и далее данный метод используется для сравнения регионов между собой за соответствующий год.

** Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя.

*** Ранжировано по 2019 году.

**** Рассчитано по показателям, выраженным в сопоставимых ценах 2019 года, перевод в которые осуществлен по ИПЦ.

Здесь и далее данный метод используется для оценки изменения стоимостных показателей за ряд лет в рамках одного региона с учетом уровня инфляции.

Источники: данные Росстата; расчеты автора.

Особенность состоит в том, что «в каждом федеральном округе есть один-два субъекта, которые обеспечивают наибольший вклад в общий объем привлекаемых в округе ресурсов» [36]. Положение регионов год от года достаточно стабильно, при этом лидирующие позиции традиционно занимают территории с развитой природно-ресурсной базой, добывающими и обрабатывающими производствами, регионы – финансовые центры, регионы с высокими характеристиками человеческого потенциала, в то время как аутсайдеры – это субъекты с низкими

показателями ВРП, среднедушевых доходов и высоким уровнем бедности.

«Наибольший размер вкладов на душу населения наблюдается в городах федерального значения (г. Москва, г. Санкт-Петербург), а также в регионах с экспортно-ресурсной и торгово-транспортной ориентацией хозяйственной деятельности (Магаданская, Мурманская, Тюменская, Сахалинская, Самарская, Калининградская области)» [36]. Группа регионов, имеющих наименьшие значения по данному показателю, неизменна (Чеченская, Кабардино-Балкарская,

Карачаево-Черкесская республики, республики Ингушетия, Тыва, Калмыкия, Крым, Адыгея – от 11 до 61 тыс. руб. на душу населения в 2019 году), несмотря на соответствующий среднероссийским темпам прирост объема вкладов.

Рейтинг российских регионов по показателю среднедушевой задолженности по кредитам на протяжении 2005–2016 гг. существенно изменялся, стабилизировавшись к 2017 году (табл. 4). Стоит пояснить, что мы рассматриваем показатель задолженности по кредитам как характеристику финансовой активности населения, его включенности в использование финансовых инструментов, при этом не учитываем качествен-

ную сторону процесса (количество кредитов на человека, долю платежей в среднедушевых доходах, размер просроченной задолженности и пр.). Следовательно, чем больше объем задолженности, тем выше активность населения и позиция региона.

По состоянию на 2019 год в число субъектов с самыми высокими значениями кредитной задолженности на душу населения вошли «нефтегазодобывающие и экспортно-ресурсные регионы из Дальневосточного, Уральского и Сибирского федеральных округов, а также субъекты Северо-Западного федерального округа» [36]. При этом Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская об-

Таблица 4. Задолженность по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам*, на душу населения, руб. в год

Регион**	Год							Ранг***	Изменение, 2019 год к 2015 году****, %
	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019		
Тюменская область	13064	49122	134671	134423	147553	177008	202055	1	25,1
Московская область	8983	35367	97264	96745	108539	138449	169919	2	47,2
г. Санкт-Петербург	9419	42995	85382	87820	103609	131266	164020	3	66,1
Республика Саха (Якутия)	4949	23322	93198	101061	114508	141289	161158	4	46,8
Республика Коми	8252	26899	96220	98827	107754	125950	147499	5	29,3
Магаданская область	7020	25795	82164	88950	99962	124834	147471	6	49,2
Ленинградская область	4648	23366	73078	77768	93470	119617	144031	7	67,9
Новосибирская область	7743	36034	85460	86619	99601	121289	142313	8	41,9
Сахалинская область	3720	22975	77295	80529	94736	118389	140247	9	51,0
Республика Татарстан	7860	28872	75862	79732	91312	115203	139014	10	56,9
...									
Республика Северная Осетия – Алания	2925	13058	48269	53104	62093	75740	89230	73	55,5
Республика Алтай	4763	26817	52800	49567	53546	68221	84444	74	32,7
Ивановская область	3051	16156	53685	54262	59270	73183	84042	75	32,2
Карачаево-Черкесская Республика	2239	16197	42169	41388	47952	61236	74837	76	46,8
Кабардино-Балкарская Республика	2274	14866	38439	37189	41858	50280	60252	77	32,7
г. Севастополь	н. д.	н. д.	6113	8469	11741	18809	29561	78	378,1
Республика Дагестан	469	5797	12327	13525	16044	20475	25241	79	85,4
Республика Крым	н. д.	н. д.	4108	6335	9323	15737	24608	80	449,2
Чеченская Республика	141	2106	12092	13084	15983	19913	24085	81	76,1
Республика Ингушетия	402	7085	9778	10097	10773	14646	17514	82	56,8

* Перевод в сопоставимые цены осуществлен по стоимости фиксированного набора товаров и услуг.
 ** Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
 *** Ранжировано по 2019 году.
 **** Рассчитано по показателям, выраженным в сопоставимых ценах 2019 года, перевод в которые осуществлен по ИПЦ.
 Источники: данные Росстата; расчеты автора.

ласти с 2005 года значительно поднялись в рейтинге (54, 28 и 69 позиции соответственно). Последние места в 2019 году, как и в течение рассматриваемого периода, занимали преимущественно дотационные субъекты Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, отличительные черты которых заключаются в проблемах с безработицей, отставанием по доходам населения, низком уровне социально-экономического развития. Особенностью является то, что регионы в данном рейтинге достаточно плотно располагаются по размеру задолженности (в абсолютном выражении): у первых 30 субъектов (в 2019 году) значения показателя превышали среднероссийский уровень, в остальных, за исключением последних десяти, задолженность по кредитам на душу населения снижалась не более 25% от среднероссийского значения.

Территориальная дифференциация материального положения населения и инфраструктурной сети финансовых учреждений сказывается на распределении расчетных значений нормы сбережений и кредитной нагрузки. Первые места в перечне регионов по показателю нормы сбережений в банковских вкладах занимают города федерального значения, где концентрируются финансовые потоки (табл. 5). Высокие показатели имеют Калининградская, Самарская и Владимирская области, в которых несколько лет осуществляются Проект Министерства финансов Российской Федерации «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» и мероприятия «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.»

Таблица 5. Норма банковских сбережений, %

Регион*	Год							Ранг**			
	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2005 год	2015 год	2017 год	2019 год
г. Москва	30,7	59,8	97,8	94,0	93,8	98,0	95,8	1	1	1	1
г. Санкт-Петербург	25,8	48,0	73,1	71,8	72,5	75,1	76,8	2	2	2	2
Калининградская область	22,5	30,6	48,5	49,3	50,7	53,6	55,4	5	3	4	3
Самарская область	19,1	28,5	47,5	50,5	50,9	52,3	52,1	16	4	3	4
Владимирская область	24,1	31,0	39,5	45,1	46,8	50,4	52,0	4	8	6	5
Ярославская область	24,6	30,9	41,9	43,4	46,1	50,6	51,1	3	6	7	6
Чувашская Республика	16,3	23,1	35,4	41,3	44,6	48,0	47,7	31	17	8	7
Рязанская область	20,4	25,6	35,6	39,2	41,9	44,8	45,5	12	16	12	8
Мурманская область	18,0	24,2	41,2	42,6	44,6	44,5	44,9	21	7	9	9
Приморский край	15,6	26,9	36,3	38,6	40,5	43,8	44,6	36	15	14	10
...											
г. Севастополь	н. д.	н. д.	17,7	15,5	17,4	18,4	20,4	н. д.	70	74	73
Республика Алтай	7,7	11,1	16,1	16,7	18,2	18,9	20,2	75	73	72	74
Республика Калмыкия	8,8	14,0	15,9	16,8	18,2	19,1	20,0	72	74	73	75
Кабардино-Балкарская Республика	7,8	12,0	14,7	15,6	16,4	16,8	17,4	74	76	76	76
Карачаево-Черкесская Республика	6,4	9,9	13,0	14,6	16,3	16,4	16,4	76	78	77	77
Республика Адыгея	10,9	12,2	14,9	15,0	14,9	15,5	15,9	67	75	79	78
Республика Тыва	5,0	8,3	11,5	13,6	15,0	16,1	15,7	77	79	78	79
Республика Дагестан	1,8	3,5	5,2	5,8	6,0	6,6	7,3	79	81	80	80
Республика Ингушетия	4,5	4,4	5,5	5,0	5,1	5,3	6,1	78	80	81	81
Чеченская Республика	н. д.	1,7	3,2	2,7	3,0	3,3	3,9	н. д.	82	82	82

* Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
 ** Ранжировано по 2019 год.
 Источники: данные Росстата; расчеты автора.

(региональные программы финансового просвещения, межрегиональные и региональные методические центры финансовой грамотности)³. Существенно улучшили свои позиции «Чувашская Республика (с 31 в 2005 году на 7 место в 2019 году), Приморский край (с 36 на 10), Тверская (с 60 на 23), Челябинская (с 41 на 16) и Иркутская (с 54 на 20) области» [36]. Последние позиции по значениям нормы сбережений в банковских вкладах занимают «субъекты Северо-Кавказского, Южного и Сибирского федеральных округов (например, в Республиках Калмыкия и Ингушетия 20 и 6% соответственно по сравнению с 45% в Приморском крае)» [36].

По сравнению со многими иностранными государствами кредитная нагрузка населения в России невелика: согласно данным ОЭСР и Евростата, отношение задолженности по розничным кредитам к денежным доходам населения в России составило 20% в 2016 году (126% в Великобритании, 103% в Испании, 60% в Польше) [38, с. 88]. Но особенности портфеля потребительских кредитов россиян, в частности короткие сроки, высокие ставки и частота обращения, существенно усложняют их обслуживание [12, с. 49]. Поэтому, например, доля проблемных кредитов у россиян несколько выше, чем в среднем в мире и странах с высокими показателями закредитованности (например, в России в 2016 году доля проблемных кредитов равнялась 9%, тогда как в Великобритании – 1%, в Испании и Польше – по 4%, в странах Еврзоны – 6%) [38, с. 90–91]. Критическим порогом кредитной нагрузки, при котором у домохозяйства могут возникнуть затруднения со своевременным погашением займа и возрасти вероятность банкротства, в мировой практике признается значение, составляющее более 40% от его доходов [12, с. 51]. До 2012 года ни в одном из регионов России этот уровень не был превышен, но в 2012–2017 гг. в зону риска ежегодно попа-

дает Республика Калмыкия, еще несколько регионов находились рядом с пороговым значением (Удмуртская и Чувашская республики, Республика Тыва, Иркутская область; табл. 6). Ухудшения ситуации по данному показателю в 2015–2017 гг. удалось избежать во многом за счет повышения с 2015 года требований к заемщикам, более строгого контроля выдачи кредитов (в т. ч. ипотечных), развития альтернативных банковским кредитных продуктов. Однако в последние годы ситуация в проблемных регионах усугубилась – пороговые значения показателя кредитной нагрузки превышены уже в пяти субъектах.

Динамический анализ (табл. 7) свидетельствует, что в большинстве регионов России кредитная задолженность растет более высокими темпами, чем объем банковских вкладов (за исключением кризисного периода 2009–2010 гг. и периода стагнации 2015 года). Принимая во внимание проблему невысокого уровня доходов и глубокого социального неравенства, можно отметить, что подобное распределение, тем не менее, говорит о более активном расходовании средств, нежели об их сбережении. Причем потребление в немалой степени финансируется за счет заемных средств.

Особенности экономического поведения населения в сфере использования вкладов и кредитов в период пандемии 2020 года

Кризисы и периоды нестабильности, имевшие место в 2005–2019 гг., являются неотъемлемыми стадиями экономической жизни любой страны. Однако уникальная ситуация 2020 года, сложившаяся вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции, не просто привела к ограничениям или замедлению экономической деятельности, а практически полностью приостановила хозяйственные отношения во многих сферах общественной жизни. В связи с этим исследовательский интерес вызывает реакция населения на новые вызовы.

³ Данные регионы были в числе пилотных территорий по реализации проектов Минфина в области финансовой грамотности (2011–2014 гг.). Вероятно, продолжительный период осуществления программ финансового просвещения позволил добиться в них таких результатов. Однако, помимо специализированных программ, большое влияние на норму сбережений оказывают уровни экономического развития территорий и среднедушевых доходов населения.

Таблица 6. Кредитная нагрузка (отношение задолженности по кредитам к денежным доходам), %

Регион*	Год							Ранг**			
	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2005 год	2015 год	2017 год	2019 год
Республика Дагестан	0,7	2,7	3,4	3,9	4,5	6,0	6,9	1	3	3	1
Республика Ингушетия	1,1	5,0	4,6	4,4	4,7	6,3	7,4	2	5	4	2
г. Севастополь	н. д.	н. д.	2,4	2,5	3,3	5,1	8,1	н. д.	2	1	3
Чеченская Республика	н. д.	1,3	4,3	4,7	5,9	7,2	8,1	н. д.	4	5	4
Республика Крым	н. д.	н. д.	1,9	2,7	3,6	6,0	8,7	н. д.	1	2	5
г. Москва	5,7	9,6	13,5	13,5	14,1	16,4	18,1	13	7	7	6
Чукотский автономный округ	2,4	4,0	11,0	11,4	12,6	15,3	18,1	3	6	6	7
Кабардино-Балкарская Республика	3,8	9,1	15,7	15,0	16,1	18,8	21,5	4	9	8	8
Липецкая область	7,4	10,8	16,1	15,9	17,8	21,3	23,7	34	10	9	9
Сахалинская область	3,9	8,9	17,1	17,2	19,0	21,9	23,8	5	14	14	10
...											
Тюменская область	9,0	17,2	30,3	29,5	30,8	35,0	37,8	57	78	78	73
Ленинградская область	6,8	13,6	24,8	23,7	27,3	32,9	38,3	21	64	63	74
Республика Мордовия	8,0	12,6	23,6	25,0	28,5	35,3	38,4	40	57	69	75
Оренбургская область	11,2	14,7	25,8	27,1	29,4	35,0	39,2	76	66	72	76
Курганская область	8,7	12,5	33,6	26,3	28,3	35,0	39,3	51	80	67	77
Удмуртская Республика	9,9	16,1	24,6	26,4	29,4	36,1	40,1	69	62	73	78
Иркутская область	8,3	19,9	34,9	33,1	34,3	38,6	41,0	46	81	79	79
Чувашская Республика	9,4	15,8	28,6	31,0	35,3	42,5	44,4	65	74	80	80
Республика Тыва	5,0	20,5	33,0	35,9	40,6	49,8	56,8	9	79	81	81
Республика Калмыкия	16,4	23,1	41,4	39,4	42,4	51,0	56,8	79	82	82	82

* Указаны 10 регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
 ** Ранжировано по 2019 году.
 Источники: данные Росстата; расчеты автора.

Таблица 7. Динамика вкладов (депозитов) физических лиц, привлеченных кредитными организациями, и задолженности по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам*, % к предыдущему году

Территория	Показатель	Год									
		2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	задолженность по кредитам	153,9	104,9	130,7	120,9	102,1	83,4	96,1	109,9	117,4	114,8
	вклады	123,8	120,5	112,6	111,8	99,0	110,3	99,1	104,7	105,0	104,2
ЦФО	задолженность по кредитам	161,1	105,4	126,1	118,6	103,8	82,9	96,8	109,4	118,4	116,6
	вклады	127,3	119,4	111,3	112,1	100,0	109,7	96,2	103,8	105,2	103,8
СЗФО	задолженность по кредитам	159,3	104,9	128,4	120,5	102,0	85,6	98,6	112,4	119,5	116,3
	вклады	129,5	119,2	113,5	111,6	101,0	109,7	100,7	105,2	106,1	104,5
ЮФО	задолженность по кредитам	173,4	103,7	136,6	127,3	102,4	83,3	95,3	111,7	118,2	116,9
	вклады	117,3	121,3	115,3	113,7	99,6	112,0	103,0	106,7	105,8	105,1
СКФО	задолженность по кредитам	164,4	115,6	140,4	121,0	101,3	80,3	98,7	111,8	119,6	114,9
	вклады	105,1	119,7	113,8	113,6	94,2	106,9	102,7	107,3	104,4	106,3
ПФО	задолженность по кредитам	144,5	99,9	131,8	123,8	103,4	84,2	98,0	111,4	117,4	113,7
	вклады	122,9	120,6	113,2	111,4	96,9	111,8	102,6	103,2	104,3	104,2
УФО	задолженность по кредитам	141,8	105,0	132,8	120,8	100,7	84,1	92,3	108,0	115,6	111,9
	вклады	116,3	120,8	112,2	110,8	98,3	109,1	99,8	104,5	105,7	103,3
СФО	задолженность по кредитам	148,8	103,8	131,3	119,5	99,9	82,7	93,5	106,7	103,3	111,9
	вклады	118,7	125,0	115,2	111,1	93,8	112,0	104,1	107,6	93,3	105,5
ДФО	задолженность по кредитам	153,9	119,5	140,6	120,0	101,1	83,5	97,1	109,8	146,4	113,2
	вклады	115,7	124,8	113,9	109,8	95,2	109,1	102,1	105,6	120,2	105,1

* Исходные стоимостные показатели приведены к сопоставимому виду с помощью ИПЦ (цены 2019 года).
 Рассчитаны цепные темпы прироста показателя.
 Источники: данные Росстата; расчеты автора.

Как показывают официальные статистические данные, состояние вкладных и кредитных операций населения в период с января по сентябрь 2020 года аналогично ситуации 2019 года (рис.). Ежемесячные темпы прироста вкладов физических лиц за март (+2,1%) и апрель (+2,1%) 2020 года несколько превышали уровень 2019 года (+1,5% и +0,2%). Показатели за август (+1,3%) и сентябрь (+0,3%) сопоставимы с данными за 2019 год (+0,2% и +1,4%). При этом показатели годового прироста вкладов в 2020 году оказались выше показателей 2019 года. Ежемесячные темпы прироста кредитования физических лиц за март и апрель 2020 года аналогичны уровню 2019 года (+1,2% и +1,7% соответственно); также весьма схожи ежемесячные приросты в августе – сентябре 2019 и 2020 гг. При этом значения годового прироста кредитования физических лиц в 2020 году оказались ниже уровня 2019 года.

В абсолютном выражении объемы вкладов и кредитования выросли. В сентябре

2020 года объем вкладов физических лиц составил 32215 млрд руб., что почти на 9% выше значений сентября 2019 года (29589 млрд руб. в сопоставимом выражении). Объем кредитования физических лиц – 18998 млрд руб., что на 12,6% выше значений сентября 2019 года (16869 млрд руб. в сопоставимом выражении); объем просроченной задолженности по кредитам – 910 млрд руб., что на 11,5% выше значений сентября 2019 года (816 млрд руб. в сопоставимом выражении). Таким образом, несмотря на ограничения экономической деятельности и снижение доходов многих групп населения из-за сложной эпидемиологической обстановки, финансовая активность россиян критически не изменилась.

Согласно данным октябрьского опроса ФОМ (2020 г.), материальное положение населения, даже с учетом нестабильности ситуации в первой половине 2020 года, было таким же, как в 2019 году. Большая часть опрошенных отметила, что не имеет

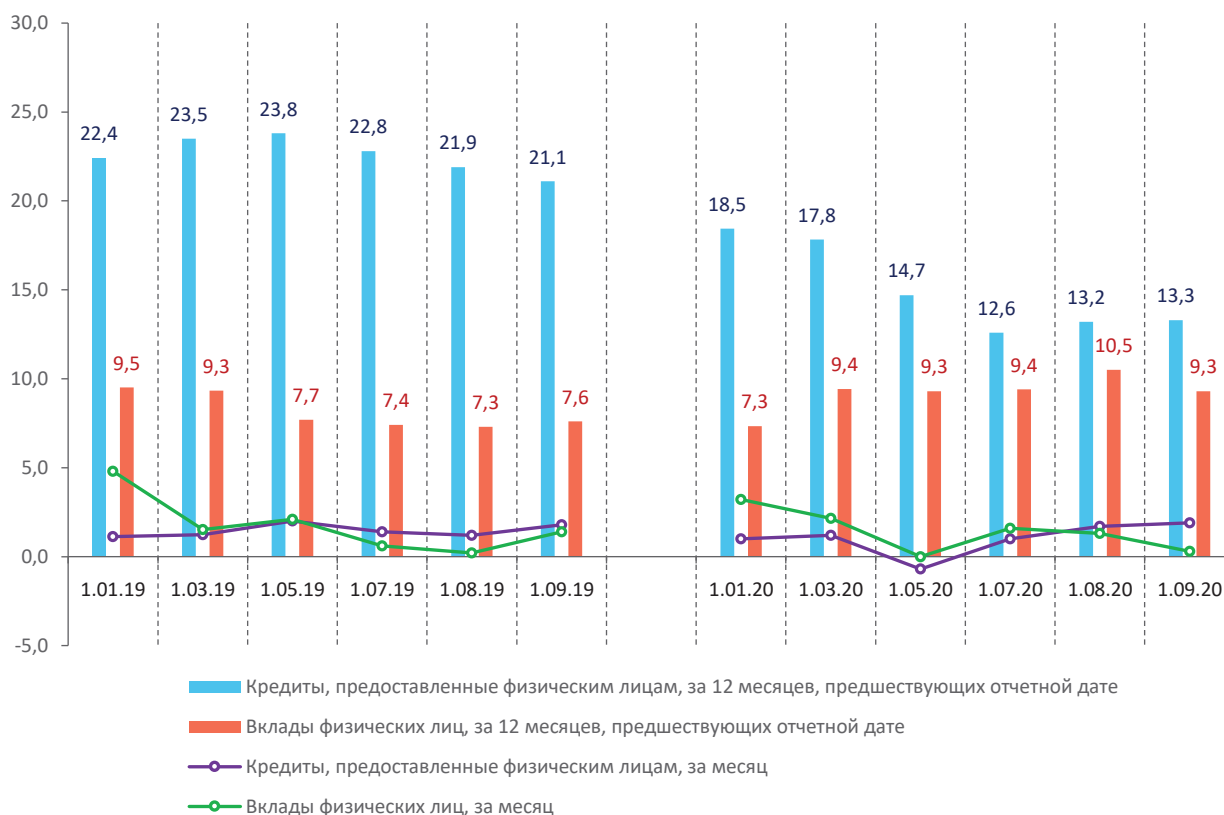

Рис. Темпы прироста показателей банковского сектора Российской Федерации, % за период

Источник: Обзор банковского сектора Российской Федерации / Банк России.

URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review

сбережений (63% в октябре 2019 года, 64% в октябре 2020 года) и кредитов (55 и 57% соответственно). Вместе с тем более половины респондентов (54% в октябре 2019 года и 59% в октябре 2020 года) предпочитают откладывать деньги, а не покупать дорогостоящие товары. Также больше двух третей населения сэкономили и отказывались от запланированных покупок за последний год (по 75% в 2019 и 2020 гг.)⁴.

Таким образом, имеющиеся статистические и социологические данные показывают, что население по прошествии нескольких кризисных периодов подряд стало более практичным в расходовании доходов, адаптировалось к новой стратегии потребления – бережливой и экономной, сохранив при этом зависимость от заемных средств, т. е. «возникшие вследствие ухудшения социально-экономической конъюнктуры вынужденные и, как предполагалось, временные практики экономного потребления в настоящее время из-за длительности их применения воспринимаются россиянами как обыденные, ориентированные на длительную перспективу» [14, с. 40–42]. В то же время выводы о влиянии уникальной ситуации «коронакризиса» на финансовое поведение россиян, на наш взгляд, должны составлять предмет отдельных детализированных исследований и базироваться на комплексном подходе, включающем анализ статистических и социологических данных как минимум за 2020–2021 гг.

Заключение

Таким образом, выполненный анализ позволил определить особенности экономического поведения населения в сфере использования вкладов и кредитов до пандемии 2020 года. Принимая результаты проведенных ранее исследований [36], мы можем говорить о закреплении в период 2005–2019 гг. следующих тенденций:

– планомерное увеличение объемов средств, размещенных в банковских вкладах,

объемов кредитной задолженности населения, а также заметный рост сектора жилищных ипотечных кредитов как в абсолютном, так и в относительном выражении;

– уменьшение, особенно в 2016–2019 гг., соотношения вкладов и кредитной задолженности, что говорит об активном обеспечении потребления за счет заемных средств;

– территориальная дифференциация по объемам вкладных и кредитных операций физических лиц.

Высокие объемы вкладов на душу населения стабильно фиксируются в крупнейших агломерациях (г. Москва, г. Санкт-Петербург), в регионах с экспортно-ресурсной и торгово-транспортной специализацией хозяйственной деятельности (Магаданская, Сахалинская, Тюменская, Самарская, Мурманская, Калининградская области). Последние позиции по объему вкладов на душу населения занимают регионы с низкими значениями показателей социально-экономического развития (Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, республики Ингушетия, Тыва, Калмыкия, Крым, Адыгея).

Первые места по объему кредитной задолженности на душу населения занимают регионы Дальневосточного, Сибирского, Уральского и Северо-Западного федеральных округов, хозяйственная деятельность в которых во многом связана с добычей, переработкой и экспортом разнообразных ресурсов. Наименьшие объемы кредитной задолженности традиционно фиксируются в дотационных регионах с низкой экономической активностью из Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

По показателю кредитной нагрузки с 2012 года в зону риска ежегодно попадает Республика Калмыкия, а с 2019 года пороговые значения показателя кредитной нагрузки превышены уже в пяти регионах (Удмуртская и Чувашская республики, республики Тыва и Калмыкия, Иркутская область).

⁴ Этап общенационального опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) «КоронаФОМ. Экономика и Пандемия (ЭиП)». Дата проведения 29 сентября – 9 октября 2020 года в 105 населенных пунктах из 55 субъектов РФ. Источник: Проект коронаФОМ // ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru>

Проанализированные нами данные свидетельствуют о том, что, несмотря на ограничения экономической деятельности и снижение доходов многих групп населения из-за сложной эпидемиологической обстановки, финансовая активность населения критически не изменилась. Состояние вкладных и кредитных операций населения в период с января по сентябрь 2020 года аналогично ситуации 2019 года. Согласно данным социологических опросов, материальное положение россиян в первой половине 2020 года схоже с положением в 2019 году. Большая часть опрошенных не имеет сбережений и кредитов, больше двух третей населения за последний год сэкономили и отказывались от запланированных покупок.

Полученные результаты – важный шаг к пониманию особенностей экономического поведения населения России в сфере использования вкладов и кредитов, в процессе изучения, как разные стадии экономического развития страны (восстановительный рост, мировой финансовый кризис, восстановление экономики, внешнеэкономические и политические санкции, стагнация) влияют на объемы вкладных и кредитных операций физических лиц. Данная информация может быть полезна при разработке мероприятий по регулированию деятельности финансовых организаций, работающих с населением, по повышению финансовой грамотности людей, а также корректировке положений социальной политики страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bangake C., Eggoh J. Further evidence on finance-growth causality: A panel data analysis. *Economic Systems*, 2011, no. 35 (2), pp. 176–188.
2. King R.G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right. *The Quarterly Journal of Economics*, 1993, no. 108 (3), pp. 717–737.
3. Каравай А.В., Тихонов А.А. Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // *Terra Economicus*. 2015. Т. 13. № 1. С. 89–106.
4. Ибрагимова Д.Х. Типы сберегательного и кредитного поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 2 (90). С. 156–171.
5. Fernandes D., Lynch Jr.J.G., Netemeyer R.G. Financial literacy, financial education, and downstream financial behaviors. *Management Science*, 2014, vol. 60, iss. 8, pp. 1861–1883. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.2013.1849>
6. Дулина Н.В., Моисеева Д.В. Финансовая грамотность населения как результат процесса финансового образования (на примере Волгоградской области) // *Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та*. 2017. № 5 (50). С. 163–168.
7. Бадмаева Н.В. Финансовая грамотность и финансовое поведение населения региона (на примере Калмыкии) // *Вестн. Ин-та комплексных исследований аридных территорий*. 2016. Т. 1. № 1 (32). С. 96–99.
8. Ниворожкина Л.И. Текущие доходы и финансовое поведение домохозяйств: кто в кризис теряет больше? // *Прикладная эконометрика*. 2017. № 4 (48). С. 85–96.
9. Моисеева Д.В., Дулина Н.В., Намруева Л.В. Финансовое поведение населения региона в зеркале экономики и социологии (на примере Республики Тывы и Республики Калмыкии) // *Регион: экономика и социология*. 2020. № 2 (106). С. 137–167.
10. Дулина Н.В., Моисеева Д.В. Финансовое поведение населения: выявление региональных отличий // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Соц.-экон. и правовые иссл.* 2018. Т. 4. № 1. С. 95–112.
11. Ефимова М.Р., Аббас Н.Ю. Инвестиционный потенциал населения России: основные аспекты статистического изучения // *Вопросы статистики*. 2011. № 1. С. 21–30.
12. Ниворожкина Л.И. Воздействие кредитования на потребление домашних хозяйств: экономико-статистическое исследование // *Вопросы статистики*. 2016. № 1. С. 47–53.

13. Гамукин В.В. Выявление особенностей сберегательного и кредитного поведения населения в регионах России // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 1003–1017. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020–3-25
14. Белехова Г.В. Потребление versus сбережения: выбор россиян в условиях экономической нестабильности 2015–2017 гг. // ЭКО. 2020. № 6. С. 26–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-26-47
15. Duesenberry J.S. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*. Harvard: Harvard University Press, 1950. 128 p.
16. Friedman M. *A Theory of the Consumption Function*. Princeton: Princeton University Press, 1957. 296 p.
17. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Macmillan Cambridge University Press, 1936. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/125515/1366_KeynesTheoryofEmployment.pdf
18. Modigliani F., Ando A. Tests of the life-cycle hypothesis of savings. *Bulletin of the Oxford University Institute of Economics and Statistics*, 1957, no. 19, pp. 99–124. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x>
19. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behaviour*. New York: Mc Grow-Hill, 1963. 347 p.
20. Hall R.E., Mishkin F.S. The sensitivity of consumption to transitory income: estimates from panel data on households. *Econometrica*, 1982, no. 50 (2), pp. 461–481.
21. Carroll C.D. Buffer-stock saving and the life cycle/permanent income hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112 (1), pp. 1–55.
22. Deaton A. Saving and liquidity constraints. *Econometrica*, 1991, no. 59 (5), pp. 1221–1248.
23. Guariglia A, Kim B.-Ye. Earnings uncertainty, precaution saving, and moonlighting in Russia. *Journal of Population Economics*, 2006, no. 17 (2), pp. 289–310.
24. Тихонов А.А. Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003–2018 гг. // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (3). С. 153–169. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.153-169
25. Powell M., Ansic D. Gender differences in risk behaviour in financial decision-making: An experimental analysis. *Journal of Economic Psychology*, 1997, vol. 18, iss. 6, pp. 605–628. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(97\)00026-3](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(97)00026-3)
26. Walczak D., Pienkowska-Kamieniecka S. Gender Differences in Financial Behaviours. *Engineering Economics*, 2018, vol. 29, iss. 1, pp. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.29.1.16400>
27. Antoni Z.L., Rootman C., Struwig F.W. The influence of parental financial socialisation techniques on student financial behaviour. *International Journal of Economics and Finance Studies*, 2019, vol. 11, iss. 2, pp. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-013-9377-9>
28. Chen Z., Lemieux C.M. Financial knowledge and behaviors of Chinese migrant workers: An international perspective on a financially vulnerable population. *Journal of Community Practice*, 2016, vol. 24, iss. 4, pp. 462–486. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705422.2016.1233475>
29. Моисеева Д.В., Дулина Н.В. Финансовое поведение жителей Республики Калмыкия: экономико-статистический анализ // Регионология. 2019. Т. 27. № 3. С. 534–553. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.534-553>
30. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Финансовое поведение домохозяйств в России в середине 90-х годов // Экономическая наука современной России. 1998. № 4. С. 58–69.
31. Александрова О.А., Ярашева А.В. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2016-0-5-70-79>
32. Каравай А.В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 83–95.
33. Щербаль М.С. Финансовое поведение домохозяйств в условиях кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (112). С. 108–115.

34. Козырева П.М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54–66.
35. Дулина Н.В., Моисеева Д.В., Токарев В.В. Финансовое поведение населения: сберечь или взять займы? (на материалах социологического исследования «Волгоградский омнибус») // Изв. Волгоград. гос. техн. ун-та. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Т. 13. № 9 (112). С. 47–53.
36. Белехова Г.В. Финансовое поведение населения: современные тренды и факторы // Социальное пространство. 2017. № 2 (9). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2256>
37. Батракова А.Г. Сбережения домашних хозяйств: сущность, группировки и роль в современной экономике // Деньги и кредит. 2006. № 11. С. 66–72.
38. Кузина О.Е., Крупенский Н.А. Перекредитованность россиян: миф или реальность? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 85–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Вадимовна Белехова – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belekh-galina@yandex.ru

Belekhova G.V.

DYNAMICS AND TERRITORIAL FEATURES OF RUSSIANS' ECONOMIC BEHAVIOR IN THE USE OF DEPOSITS AND LOANS

The article highlights the problems of population economic behavior in the field of formation of bank deposits and the use of loans. The purpose of the research is to identify changes that have occurred in population behavior in the use of deposits and loans for 2005–2019. The theoretical and methodological foundations of the study are the works of domestic and foreign scientists who reveal the problems of population financial behavior as a type of economic behavior associated with the disposal of monetary resources. The information base is represented by official statistical data of Rosstat and the Central Bank of the Russian Federation, the results of a national sociological survey of the Public Opinion Foundation. The author uses the empirical methods for data collection, methods of analytical processing of information. The paper reveals that in most Russian regions, the volume of funds placed in bank deposits is increasing, and notes the active development of lending sector for individuals. There is a tendency to decrease the ratio of deposits and credit debt which indicates an active provision of consumption at the expense of borrowed funds. We have considered the impact of the 2020 pandemic on the volume of deposits and lending to individuals, on population financial situation. The article shows that population financial activity in 2020 has not changed critically despite the restrictions of economic activity and a decrease in the income of many population groups due to the difficult epidemiological situation. The research reveals the territorial differentiation of deposit and credit operations of the population. High volumes of operations in banking sector are typical for cities of federal significance, regions of the Ural, Far Eastern and Northwestern Federal districts with raw materials and trade and transport specialization, while the smallest volumes of these operations and a high level of credit load are in subsidized regions with low economic activity from the North Caucasus, Volga and Southern Federal Districts. These features can be taken into

account when regulating the financial market and adjusting social policy, in the work to improve financial literacy of population.

Banking sector, deposits, loan arrears, regional differentiation, economic behavior of population, territorial development.

REFERENCES

1. Bangake C., Eggoh J. Further evidence on finance-growth causality: a panel data analysis. *Economic Systems*, 2011, no. 35 (2), pp. 176–188.
2. King R.G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right. *The Quarterly Journal of Economics*, 1993, no. 108 (3), pp. 717–737.
3. Karavai A.V., Tikhonov A.A. Specificity of Russian Workers' attitude and behavior in terms of their personal finances. *Terra Economicus*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 89–106 (in Russian).
4. Ibragimova D.Kh. Types of savings and credit behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2009, no. 2 (90), pp. 156–171 (in Russian).
5. Fernandes D., Lynch Jr.J.G., Netemeyer R.G. Financial literacy, financial education, and downstream financial behaviors. *Management Science*, 2014, vol. 60, iss. 8, pp. 1861–1883. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.2013.1849>
6. Dulina N.V., Moiseeva D.V. Financial literacy as a result of the process of financial education (on the example of Volgograd region). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 5 (50), pp. 163–168 (in Russian).
7. Badmaeva N.V. Financial literacy and financial behavior of population in the region (the case of Kalmykia). *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii=Bulletin of Institute of Complex Studies of Arid Territories*, 2016, vol. 1, no. 1 (32), pp. 96–99 (in Russian).
8. Nivorozhkina L.I. Current incomes and financial behavior of households: Who loses more in a crisis? *Prikladnaya ekonometrika=Applied Econometrics*, 2017, no. 4 (48), pp. 85–96 (in Russian).
9. Moiseeva D.V., Dulina N.V., Namrueva L.V. Population financial behavior in the region as reflected by economics and sociology (case study of the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia). *Region: ekonomika i sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 2020, no. 2 (106), pp. 137–167 (in Russian).
10. Dulina N.V., Moiseeva D.V. The financial behavior of the population: identifying the regional differences. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya=Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 95–112 (in Russian).
11. Efimova M.R., Abbas N.Yu. Investment potential of Russian population: main aspects of statistical study. *Voprosy statistiki=Bulletin of Statistics*, 2011, no. 1, pp. 21–30 (in Russian).
12. Nivorozhkina L.I. Impact of consumer crediting on household consumption: economic and statistical study. *Voprosy statistiki=Bulletin of Statistics*, 2016, no. 1, pp. 47–53 (in Russian).
13. Gamukin V.V. Savings and loan behavior of the population in the Russian regions. *Ekonomika regiona=Economy of region*, 2020, vol. 16, issue 3, pp. 1003–1017. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020–3–25 (in Russian).
14. Belekhova G.V. Consumption vs. savings: the choice of Russians in the conditions of economic instability 2015–2017. *EKO=ECO Journal*, 2020, no. 6, pp. 26–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-26-47 (in Russian).
15. Duesenberry J.S. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*. Harvard: Harvard University Press, 1950. 128 p.

16. Friedman M. *A Theory of the Consumption Function*. Princeton: Princeton University Press, 1957. 296 p.
17. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Macmillan Cambridge University Press, 1936. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/125515/1366_KeynesTheoryofEmployment.pdf
18. Modigliani F., Ando A. Tests of the life-cycle hypothesis of savings. *Bulletin of the Oxford University Institute of Economics and Statistics*, 1957, no. 19, pp. 99–124. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x>
19. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behaviour*. New York: Mc Grow-Hill, 1963. 347 p.
20. Hall R.E., Mishkin F.S. The sensitivity of consumption to transitory income: estimates from panel data on households. *Econometrica*, 1982, no. 50 (2), pp. 461–481.
21. Carroll C.D. Buffer-stock saving and the life cycle/permanent income hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112 (1), pp. 1–55.
22. Deaton A. Saving and liquidity constraints. *Econometrica*, 1991, no. 59 (5), pp. 1221–1248.
23. Guariglia A, Kim B.-Ye. Earnings uncertainty, precaution saving, and moonlighting in Russia. *Journal of Population Economics*, 2006, no. 17 (2), pp. 289–310.
24. Tikhonov A.A. Dynamics of financial and consumer behavior of Russians in 2003–2018. *Journal of Institutional Studies*, 2019, no. 11 (3), pp. 153–169. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.153-169 (in Russian).
25. Powell M., Ansic D. Gender differences in risk behaviour in financial decision-making: An experimental analysis. *Journal of Economic Psychology*, 1997, vol. 18, iss. 6, pp. 605–628. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(97\)00026-3](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(97)00026-3)
26. Walczak D., Pienkowska-Kamieniecka S. Gender Differences in Financial Behaviours. *Engineering Economics*, 2018, vol. 29, iss. 1, pp. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.29.1.16400>
27. Antoni Z.L., Rootman C., Struwig F.W. The influence of parental financial socialisation techniques on student financial behavior. *International Journal of Economics and Finance Studies*, 2019, vol. 11, iss. 2, pp. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-013-9377-9>
28. Chen Z., Lemieux C.M. Financial knowledge and behaviors of Chinese migrant workers: An international perspective on a financially vulnerable population. *Journal of Community Practice*, 2016, vol. 24, iss. 4, pp. 462–486. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705422.2016.1233475>
29. Moiseeva D.V., Dulina N.V. Financial behavior of the population of the Republic of Kalmykia: an economic and statistical analysis. *Regionologiya=Russian Journal of regional Studies*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 534–553. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.534-553> (in Russian).
30. Bogomolova T.Yu., Tapilina V.S. Financial behavior of households in Russia in the middle 1990s. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii=Economics of Contemporary Russia*, 1998, no. 4, pp. 58–69 (in Russian).
31. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V. The impact of the economic expectations on financial behavior of the Russian population. *Voprosy statistiki=Bulletin of Statistics*, 2016, no. 5, pp. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2016-0-5-70-79> (in Russian).
32. Karavai A.V. Russian workers: financial behavior and settings. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2015, no. 2 (125), pp. 83–95 (in Russian).
33. Shcherbal' M.S. Financial behavior of households in a crisis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2012, no. 6 (112), pp. 108–115 (in Russian).
34. Kozyreva P.M. Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of population (sociological analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2012, no. 7, pp. 54–66 (in Russian).

35. Dulina N.V., Moiseeva D.V., Tokareva V.V. Financial behavior of the population: to save or borrow. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya*=*Izvestia of Volgograd State Technical University. Series: Problems of Social and Humanitarian Knowledge*, 2013, vol. 13, no. 9 (112), pp. 47–53 (in Russian).
36. Belekhova G.V. Financial behavior of the population: contemporary trends and factors, *Sotsial'noe prostranstvo*=*Social Area*, 2017, no. 2 (9). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/2256> (in Russian).
37. Batrakova A.G. Household savings: the essence, groupings and role in the modern economy. *Den'gi i kredit*=*Russian Journal of Money & Finance*, 2006, no. 11, pp. 66–72 (in Russian).
38. Kuzina O.E., Krupenskii N.A. Over-indebtedness of Russians: myth or reality? *Voprosy ekonomiki*=*Economic Issues*, 2018, no. 11, pp. 85–104 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Belekhova – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.6

УДК 332.1(470.12) | ББК 65.050.23(2 Рос-4 Вол)

© Секушина И.А.

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ¹

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-4216-4850](https://orcid.org/0000-0002-4216-4850); ResearcherID: [Q-4989-2017](https://orcid.org/Q-4989-2017)

В постсоветский период значительная часть малых и средних российских городов столкнулась с целым комплексом социально-экономических проблем. В условиях ограниченности финансовых и ресурсных возможностей вопросы поиска эффективных методов и инструментов управления их развитием становятся особенно актуальными. Цель исследования заключается в изучении межмуниципального сотрудничества как одного из перспективных инструментов обеспечения социально-экономического развития малых и средних городов. В работе рассмотрены теоретические и нормативно-правовые основы взаимодействия муниципальных образований, дана общая оценка уровня использования его различных форм на практике. В результате опроса органов местного самоуправления Вологодской области выявлены основные проблемы реализации межмуниципального сотрудничества. Установлено, что в настоящее время в России, в том числе в малых и средних городах, данный инструмент используется недостаточно активно, что во многом обусловлено недостатком финансовых средств у муниципалитетов, отсутствием опыта разработки и реализации межмуниципальных проектов и программ экономической и со-

Для цитирования: Секушина И.А. Межмуниципальное сотрудничество как инструмент управления социально-экономическим развитием малых и средних городов // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 100–118. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.6

For citation: Sekushina I.A. Inter-municipal cooperation as a tool for managing socio-economic development of small and medium-sized cities. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 100–118. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.6

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области в рамках научного проекта № 19-410-350010.

циальной направленности. Обосновано, что межмуниципальное сотрудничество может выступать одним из инструментов управления социально-экономическим развитием малых и средних городов, позволяющим сконцентрировать ресурсы муниципальных образований и объединить их экономический потенциал. Предложено использовать межмуниципальное сотрудничество в качестве основы при разработке межмуниципальных стратегий социально-экономического развития двух или более муниципальных образований. При проведении исследования применялись методы системного анализа, экспертного опроса, табличной и графической визуализации данных. Информационной базой послужили данные Росстата и сведения, представленные на официальных сайтах органов государственной власти и местного самоуправления. Полученные результаты могут быть использованы в работе федеральных и региональных органов власти, местного самоуправления при совершенствовании социально-экономической политики в отношении развития малых и средних городов.

Межмуниципальное сотрудничество, малые и средние города, социально-экономическое развитие, ассоциация муниципальных образований, Вологодская область.

Введение

В условиях нестабильности экономической ситуации в России и мире, значительно усилившейся в период пандемии COVID-19, вопросы устойчивого развития муниципальных образований приобретают особую актуальность. От эффективности работы органов местного самоуправления, оперативности и быстроты их реакции на возникающие угрозы зависит состояние экономики муниципалитета, а значит и качество жизни населения. Без преувеличения можно сказать, что одним из главных факторов экономического и социального развития муниципальных образований является уровень их финансового обеспечения. По данным Министерства финансов России, в 2019 году доля межбюджетных трансфертов без учета возврата остатков (включая субвенции) в общем объеме доходов местных бюджетов составляла 66%. При этом за последние годы зависимость органов местного самоуправления от поступлений с других уровней бюджетной системы лишь усиливается [1].

Ситуация обостряется еще и тем, что продолжающийся в России процесс урбанизации приводит к увеличению концентрации населения преимущественно в крупных городах и сокращению числа жителей не только в сельских населенных пунктах, но и в малых и средних городах. За последние 30 лет общая численность горожан выросла на 8,3 млн человек, или почти на 8,8%, но малые и средние города, напротив, поте-

ряли почти 850 тыс. жителей. Вместе с тем это по-прежнему самая многочисленная категория городских населенных пунктов: по данным на 1 января 2020 года 943 из 1116 российских городов (85%) относились к «малым и средним» (табл. 1).

Основными причинами миграционного оттока жителей из малых и средних городов выступают отсутствие высокооплачиваемых рабочих мест, неудовлетворительное, по сравнению с крупными городами, состояние социальной и жилищно-коммунальной сферы, низкий уровень благоустройства городской среды [2].

Возникающие вызовы требуют поиска новых методов и инструментов управления развитием малых и средних городов. В настоящее время деятельность органов местного самоуправления в основном сводится к решению текущих хозяйственных вопросов и проблем жизнеобеспечения. Со стороны органов федеральной и региональной власти оказание мер поддержки муниципальным образованиям осуществляется главным образом через реализацию целевых государственных программ и проектов. Несмотря на высокое значение малых и средних городов в системе расселения и экономическом пространстве страны, явные акценты на развитии данных населенных пунктов в государственной политике в настоящее время отсутствуют. Экономические инструменты поддержки, такие как льготное налогообложение и предоставление субсидий субъ-

Таблица 1. Численность населения России в 1989 и 2020 гг.

Показатель	1989 год	2020 год	Темп прироста	
			ед., тыс. чел.	%
Общая численность населения, тыс. чел.	147400,5	146748,6	-651,9	99,6
Общее количество городов, ед.	1037	1116	79	107,6
Численность населения, проживающего в городах, тыс. чел.	94450,0	102778,7	8328,7	108,8
Доля населения, проживающего в городах, %	64,1	70	-	109,2
Количество малых и средних городов, ед.	872	943	71	108,1
Численность населения, проживающего в малых и средних городах, тыс. чел.	27089,0	26244,5	-844,5	96,9
Доля населения, проживающего в малых и средних городах, в общей численности населения страны, %	18,4	17,9	-	97,3
Источник: данные Росстата.				

ектам предпринимательства, реализуются лишь в отношении ограниченного круга малых и средних городов, имеющих статус ТОСЭР. В целом можно сказать, что в России доминирует идея о необходимости перехода малых и средних городов на путь саморазвития, однако вопрос, как это осуществить, по-прежнему остается открытым.

Одним из инструментов управления социально-экономическим развитием малых и средних городов может выступать межмуниципальное сотрудничество, которое открывает возможности для объединения ресурсов муниципальных образований в части решения вопросов местного значения. Такая форма взаимодействия в условиях ограниченности бюджетных средств позволяет муниципалитетам достичь так называемого синергетического эффекта, когда эффект суммы больше суммы эффектов [3]. В данном контексте изучение теоретических вопросов межмуниципального сотрудничества и опыта его практического внедрения предстает весьма актуальной задачей.

Целью исследования является изучение межмуниципального сотрудничества как одного из инструментов управления социально-экономическим развитием малых и средних городов. Задачи работы: 1) исследование теоретических и нормативно-правовых основ межмуниципального сотрудничества; 2) обзорный анализ используемых в России форм межмуниципального сотрудничества; 3) изучение отношения органов местного

самоуправления к межмуниципальному сотрудничеству (на примере Вологодской области); 4) выявление проблем и перспектив его дальнейшего развития применительно к малым и средним городам.

Теоретико-методические и нормативно-правовые основы исследования

В настоящее время четкое определение понятия «межмуниципальное сотрудничество» отсутствует, что, в свою очередь, влечет за собой множественность подходов к этой категории. Межмуниципальное сотрудничество рассматривается и как форма кооперации муниципалитетов по решению различных вопросов социальной или жилищно-бытовой сферы, и как форма ассоциативного взаимодействия. К примеру, под межмуниципальным сотрудничеством понимается «объединение усилий, материальных и нематериальных ресурсов органов местного самоуправления муниципальных образований на взаимовыгодной основе для создания общественных благ или оказания общественных услуг» [4], «один из видов взаимодействия публично-правовых образований, реализующийся в сфере функционирования местной власти и не влекущий территориального объединения муниципальных образований» [5].

В зарубежных исследованиях достаточно пристальное внимание уделяется изучению межмуниципального сотрудничества

как инструмента, позволяющего решить вопросы, связанные с пространственным развитием и эффективным использованием потенциала муниципальных образований. В целом необходимо отметить, что во многих развитых странах на национальном уровне поощряется и поддерживается тенденция к межмуниципальному сотрудничеству в части решения общих проблем локальных территорий.

Опыту межмуниципального сотрудничества в странах Европы посвящена работа коллектива авторов [6], где особое внимание уделяется особенностям формирования механизмов управления и институтов, предназначенных для создания и поддержания условий сотрудничества между местными органами власти на определенной территории. Анализ опыта европейских стран позволяет сделать вывод о том, что межмуниципальное сотрудничество – это один из главных способов решить большее количество локальных проблем в условиях дефицита финансовых средств.

Авторами другого исследования [7] более детально рассматриваются вопросы межмуниципального сотрудничества в сфере предоставления государственных услуг. Как наиболее важные преимущества взаимодействия муниципалитетов выделены лучшее качество предоставления услуг и экономия на затратах. В особенности это касается малочисленных населенных пунктов. В работе [8] на примере муниципалитетов Португалии проведена эмпирическая оценка управленческого потенциала межмуниципальных ассоциаций, в результате чего доказана их эффективность.

Однако не во всех исследованиях говорится о целесообразности межмуниципального взаимодействия. Например, на основе изучения эмпирического опыта межмуниципального сотрудничества в Нидерландах не было найдено убедительных доказательств того, что с его помощью можно снизить средние расходы муниципальных образований [9].

Важно отметить, что в некоторых зарубежных исследованиях в понятие «между-

муниципальное сотрудничество» включается объединение муниципалитетов. К примеру, один из авторов [10] рассматривает обе эти формы взаимодействия муниципальных образований в комплексе. На примере городов и коммун Румынии обосновано, что для небольших муниципалитетов, обладающих ограниченными ресурсами, решение проблем образования или культуры возможно либо за счет межмуниципального сотрудничества, либо путем слияния нескольких муниципалитетов. В работе [11] поднимается вопрос оптимального размера муниципалитетов, эффективного с экономической точки зрения. В данном контексте межмуниципальное сотрудничество рассматривается как альтернатива объединению муниципальных образований. В отличие от последнего, оно способствует не только решению общих проблем локальных территорий, но и обеспечивает сохранение их индивидуальности и самобытности.

В российском научном сообществе проблемы и перспективы развития межмуниципального сотрудничества рассматривались в разных аспектах. В работе коллектива авторов [12] межмуниципальное сотрудничество анализируется как ресурс интенсификации экономического развития России, а межмуниципальные связи, наряду с межрегиональными, – как один из главных механизмов обеспечения экономической и социальной целостности страны.

В работе Е.А. Гутниковой [4] рассмотрены модели реализации взаимодействия муниципалитетов в зависимости от уровня развития: 1) заключение частичных соглашений; 2) создание общей структуры управления; 3) объединение муниципальных образований. Сильной стороной исследования является то, что автором в достаточно развернутом виде представлены цели и задачи межмуниципального сотрудничества, а также предложен поэтапный алгоритм его развития. Вместе с тем, на наш взгляд, весьма спорным является отнесение процесса объединения муниципалитетов к виду межмуниципального сотрудничества, поскольку результатом такого взаимодействия становится их слияние.

В работе О.С. Москвиной и И.В. Неспановой [13] на примере Вологодской области межмуниципальное сотрудничество рассматривается как фактор инвестиционного развития региона. О.А. Козловой и М.Н. Макаровой [14] межмуниципальное сотрудничество изучается как институт стратегического развития территории. В частности, на примере малого города Красноуфимска Свердловской области выявлены возможные варианты интегративного взаимодействия муниципалитета с соседними территориями, причем не только внутри региона, но и за его пределами.

В работе Н.В. Трофимовой [15] рассматриваются проекты развития северо-восточного субрегиона Республики Башкортостан на основе межмуниципального взаимодействия. В трудах Л.Г. Соколовой и А.Л. Астаховой [16] проанализирован опыт Иркутской области по использованию договорной формы межмуниципального сотрудничества. Е.В. Ильинская [17] акцентирует внимание на изучении межмуниципального сотрудничества как одного из инструментов, позволяющих повысить конкурентоспособность муниципалитетов и приводящих к более эффективному решению задач местного самоуправления.

Значительная часть российских авторов исследует вопросы межмуниципального сотрудничества в контексте развития агломераций на территории России. Во многом это объясняется тем, что в повестке пространственного развития страны², в частности в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, особое внимание акцентируется именно на активизации агломерационных процессов. Однако в части нормативно-правового обеспечения формирования агломераций остается еще очень большое количество нерешенных вопросов, в том числе и касающихся развития межмуниципального сотрудничества. К примеру, Ю.В. Павлов [18]

говорит о несовершенстве нормативно-правовой базы межмуниципального взаимодействия и несогласованности стратегий развития муниципальных образований. С.М. Миронова [19] более детально рассматривает проблематику финансово-правового взаимодействия муниципалитетов в границах одной агломерации.

Правовые основы межмуниципального сотрудничества закреплены в статьях Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ³, Гражданском кодексе РФ, а также иных федеральных законах и законодательных актах⁴. В 2010 году Министерством регионального развития РФ были разработаны Методические рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения, согласно которым выделены следующие формы межмуниципального сотрудничества: ассоциативное, договорное и хозяйственное. При этом автор одного из исследований акцентирует внимание на необходимости выделения еще одной формы – «организационно-правовое взаимодействие», аргументируя это тем, что муниципалитеты, расположенные в пределах общей территории, могут сотрудничать в процессе защиты и представления своих интересов в органах государственной власти [20].

Таким образом, вопросы межмуниципального сотрудничества составляют тему исследования достаточного большого количества трудов отечественных и зарубежных авторов. В нашей работе с помощью методов системного анализа, экспертного опроса, табличных и графических приемов визуализации данных предпринята попытка рассмотреть возможность использования межмуниципального сотрудничества в малых

² В частности, в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

³ Статьи 8, 66–69 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ.

⁴ Например, Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества».

и средних городах России. Информационной базой исследования послужили данные Росстата, а также информация, представленная на официальных сайтах органов государственной власти и местного самоуправления. Также источником информации стали результаты проведенного в 2020 году опроса глав муниципальных образований Вологодской области, часть которого была посвящена изучению межмуниципального сотрудничества. Участие в нем приняли, в том числе, и представители органов местного самоуправления малых и средних городов региона.

Результаты исследования

По данным Росстата, на 1 января 2020 года в Российской Федерации существовало 20 846 муниципальных образований, большая часть из которых имела статус сельских поселений (81%), муниципальных районов (8%), городских поселений (7%; рис. 1).

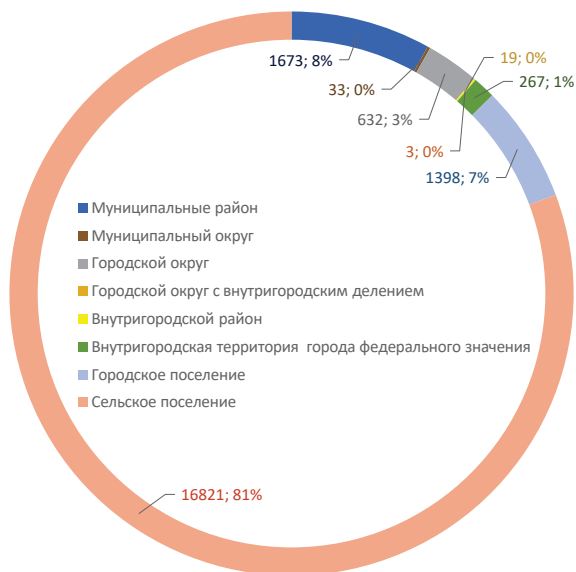

Рис. 1. Распределение муниципальных образований РФ по видам (по данным на 1 января 2020 года)
Источник: данные Росстата.

Ежегодный мониторинг развития местного самоуправления⁵ в Российской Федерации свидетельствует, что для муниципалитетов характерны следующие формы межмуниципального сотрудничества:

- около 17,8 тыс. муниципалитетов состоят в ассоциациях или советах муниципальных образований субъектов РФ;
- 571 муниципалитет в пределах 63 субъектов РФ является участником договоров или соглашений о сотрудничестве с другими муниципальными образованиями в пределах страны⁶;
- 368 муниципалитетов в пределах 64 субъектов РФ имеют договоры или соглашения о внешнеэкономическом и (или) приграничном сотрудничестве, а также о дружественных (побратимских) отношениях с зарубежными муниципалитетами и территориальными образованиями.

За период с 2010 по 2020 год на фоне общего сокращения количества муниципальных образований произошел рост активности их участия в межмуниципальных объединениях, некоммерческих и коммерческих организациях (табл. 2). К примеру, если в 2010 году 87,4% муниципалитетов участвовало на добровольной основе в объединениях муниципальных образований, в межмуниципальных некоммерческих организациях, то в 2020 году – 96,3%.

Создание ассоциаций и союзов является одной из самых распространенных форм межмуниципального сотрудничества в России. Еще в Законе РСФСР 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР» отмечалось, что города, поселки, сельсоветы, сельские населенные пункты в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов вправе объединяться в ассоциации (п. 4 ст. 2). С принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ была закреплена возможность создания объединений муниципальных об-

⁵ По данным Министерства юстиции по состоянию на 1 марта 2020 года.

⁶ Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2019 – начало 2020 года). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/#section-materials>

**Таблица 2. Участие муниципальных образований
в межмуниципальном сотрудничестве в 2010-2020 гг.**

Показатель	2010 год		2020 год		Темп прироста, 2020 год к 2010 году, %
	ед.	%	ед.	%	
Количество муниципальных образований	23907	100	20846	100	87,2
Число муниципальных образований, участвующих на добровольной основе в объединениях муниципальных образований, в межмуниципальных некоммерческих организациях	20890	87,4	20075	96,3	8,9
Число муниципальных образований, состоящих в межмуниципальных коммерческих организациях	547	2,3	587	2,8	0,5
Источник: данные Росстата.					

разований в форме ассоциаций или союзов для координации своей деятельности, более эффективного осуществления своих прав и интересов. Согласно статье 10 Европейской хартии местного самоуправления, ратифицированной Федеральным законом от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления», органы местного самоуправления имеют право, при осуществлении своих полномочий, сотрудничать и в рамках закона вступать в ассоциацию с другими органами местного самоуправления для решения задач, представляющих общий интерес. Помимо этого, органы местного самоуправления имеют право вступать в международную ассоциацию органов местного самоуправления.

В настоящее время в России существует достаточно большое количество межмуниципальных объединений национального масштаба, из которых самым крупным является Общероссийский конгресс муниципальных образований (ОКМО), созданный в 2006 году в целях организации сотрудничества муниципалитетов и их региональных советов, выражения и защиты муниципальных интересов в диалоге с органами федеральной власти и организации межмуниципального сотрудничества на международном уровне. Для решения уставных задач ОКМО взаимодействует как с органами государственной власти (Государственной Думой и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Минюстом России, Минэкономразвития России, Минфином России, Минстроем России и др.), так и с

общественными и научными организациями, которые участвуют в развитии местного самоуправления.

В целом необходимо отметить, что наибольшую активность при создании ассоциаций и союзов проявляют именно городские населенные пункты. К примеру, в России функционируют такие организации, как Союз российских городов, Союз малых городов, Союз исторических городов России. На уровне макрорегионов также существует довольно большое количество объединений: Союз городов Центра и Северо-Запада России, Межрегиональная ассоциация «Города Урала», Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Союз городов Заполярья и Крайнего Севера и т. д. На региональном уровне в каждом субъекте создана ассоциация или союз муниципальных образований. Например, в Вологодской области с 2011 года функционирует ассоциация «Совет муниципальных образований Вологодской области».

Объединения муниципальных образований происходят и на международном уровне. В частности, некоторые российские города принимают участие в работе Международной ассамблеи столиц и крупных городов, Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные города и местные власти», Международной ассоциации «Породненные города» и т. д. По информации Министерства юстиции РФ, договоры о побратимстве и приграничном сотрудничестве заключены у 354 муниципальных образований, в числе которых 135 райо-

нов, 182 городских округа, 31 городское и 6 сельских поселений. Наибольшую активность в данном направлении проявляют муниципалитеты Татарстана, Мордовии, Брянской и Белгородской областей⁷. В целом можно сказать, что практически каждое муниципальное образование в России участвует в каком-либо межмуниципальном союзе и некоммерческом партнерстве.

Заключение соглашений о сотрудничестве также выступает одной из форм межмуниципального сотрудничества, при этом число и статус участников договора могут быть различными. На примере муниципалитетов Вологодской области и других регионов можно классифицировать участников соглашений следующим образом:

- примерно однородные муниципальные образования в пределах одного субъекта РФ (г. Вытегра и г. Бабаево Вологодской области);
- муниципальные образования соседних субъектов РФ (г. Великий Устюг Вологодской области и г. Котлас Архангельской области);
- муниципальные образования с примерно равным потенциалом (г. Белозерск и г. Кириллов);
- муниципальные образования, объединенные общим признаком или проблематикой (г. Сокол Вологодской области и г. Новодвинск Архангельской области – моногорода с развитой целлюлозно-бумажной промышленностью);
- городские муниципальные образования и сельские районы, функционально «дополняющие» друг друга (г. Грязовец и Грязовецкий район);
- муниципальные образования, составляющие существующую и формирующуюся агломерацию (г. Вологда и Вологодский, Грязовецкий, Сокольский муниципальные районы);
- муниципальные образования, не относящиеся к какой-либо одной группе и не связанные между собой ни территориально, ни по специфике или проблематике.

⁷ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/45496>

⁸ Информационно-аналитические материалы о текущем состоянии, актуальных правовых проблемах и перспективах развития межмуниципального сотрудничества (к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации).

Данный вид межмуниципального сотрудничества не накладывает каких-либо прямых обязательств, однако способствует созданию более благоприятных условий для налаживания взаимодействия в таких сферах, как культура, наука, торговля, спорт и т. д.

Гораздо более редкой формой взаимодействия муниципалитетов является создание межмуниципальных хозяйственных обществ. Лишь приблизительно в 20 субъектах Российской Федерации внедрена практика их организации для решения вопросов местного значения. К примеру, в муниципальных образованиях Ивановской, Липецкой, Челябинской, Смоленской, Вологодской и Новгородской областей и Республики Мордовии были созданы межпоселенческие хозяйственные общества, специализирующиеся на обслуживании коммунальных систем, организации похоронного дела, обеспечении транспортного обслуживания населения⁸.

Все формы межмуниципального сотрудничества по степени формализации можно условно подразделить на неформализованные (например, совещания мэров или других должностных лиц с целью координации деятельности); слабо формализованные (взаимодействие по договору или контракту для использования административных услуг); полностью формализованные: межмуниципальная кооперация в функциональных «предприятиях» (учреждения или предприятия, которые могут быть созданы муниципалитетами на основе публичного или частного права, выполнять одну или несколько функций, например, в сферах ЖКХ или образования, существовать за счет сборов с сотрудничающих муниципалитетов или взносов с потребителей услуг; функционировать на аутсорсинге у нескольких муниципалитетов). С учетом правовой основы межмуниципального взаимодействия можно выделить несколько его форм (табл. 3).

Результаты проведенного в 2020 году опроса глав муниципальных образований

Таблица 3. Правовые формы межмуниципального сотрудничества (кооперации)

Форма	Характеристика
Неформальное объединение	Не нуждается в правовой основе и зачастую сводится к встречам лидеров муниципальных образований для обсуждения ряда вопросов по совместным интересам
Соглашение о сотрудничестве	Позволяет обязать стороны к оговоренным действиям и четко обозначить их последовательность в документальном виде. Примеры таких соглашений (договоров) многочисленны: выполнение одноразовой задачи (культурный фестиваль), организация автобусной перевозки школьников, управление промышленной зоной, разделение работы отдельных должностных лиц на несколько муниципалитетов, поддержание трансграничного сотрудничества
Субъект частного права (ассоциация)	Учредителями и членами ассоциации являются муниципалитеты-партнеры как публично-правовые образования лица. Данная форма межмуниципальной кооперации имеет реальные преимущества с точки зрения гибкости и быстрого принятия решений. Финансовая система формируется в соответствии с правилами бухгалтерского учета в коммерческом секторе, однако бюджет организации может получать важную поддержку из бюджетов разных уровней, включая гранты от муниципалитетов. Финансовое обеспечение деятельности ассоциаций осуществляется путем уплаты членских взносов, в порядке, предусмотренном учредительными документами
Частное юридическое лицо	Компания, которая может работать в разных муниципалитетах согласно своему уставу, оговоренному с муниципалитетами. Данная форма предполагает деятельность для оказания услуг с достаточно высокой доходностью (водораспределение, сбор отходов)
Единый или многоцелевой публичный субъект	Публично-правовая компания, имеющая одноцелевые или многоцелевые конкретные технические компетенции для коммунальных служб (распределение воды, сбор и удаление отходов, общественный транспорт, коммунальное отопление и управление территорией развития)
Единый (интегрированный) территориальный государственный субъект	Реализуется на основе решения муниципалитетов-участников в отношении введения общей политики, стратегических задач или развития общей инфраструктуры. Одна из главных задач межмуниципального взаимодействия заключается в координации общего экономического развития, повышении конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности муниципалитетов

Источник: Информационно-аналитические материалы о текущем состоянии, актуальных правовых проблемах и перспективах развития межмуниципального сотрудничества (к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации).

Вологодской области⁹ подтверждают, что межмуниципальное сотрудничество в малых и средних городах еще недостаточно развито (табл. 4). Взаимодействие между муниципалитетами осуществляется в основном через организацию и проведение каких-либо совместных мероприятий или проектов, обмен опытом или благодаря маятниковой миграции. Менее 15% опрошенных представителей местной власти сотрудничают с другими муниципальными образованиями по вопросам использования ресурсов соседних территорий, развития передвижных форм обслуживания населения, органи-

зации совместного обслуживания объектов инфраструктуры.

Также в ходе опроса представителям органов местного самоуправления городских поселений был задан вопрос о приоритетных направлениях межмуниципального сотрудничества с соседними муниципалитетами. Исходя из представленных на рис. 2 данных, большинство респондентов видят перспективы в создании и развитии общих объектов инфраструктуры (57,1%) или совместном использовании уже имеющихся (42,9%). Свыше 40% опрошенных считают важным укреплять производственно-экономические и торговые связи.

⁹ Опрос глав муниципальных образований Вологодской области проводится ФГБУН ВолНЦ РАН на ежегодной основе с 2007 года по специально разработанной программе, включающей перечень вопросов, охватывающих различные аспекты социально-экономического развития и организации муниципального управления. В опросе принимают участие органы местного самоуправления городских поселений, к категории которых на территории региона относятся малые города и поселки городского типа.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «В каких формах осуществляется взаимодействие Вашего муниципального образования с соседними (имеющими общие границы) муниципальными образованиями (поселениями, районами, городскими округами)?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Доля ответивших
Организация и проведение совместных мероприятий, проектов	71,4
Обмен опытом деятельности органов власти по решению вопросов и проблем местного значения	71,4
Маятниковая миграция (регулярные, ежедневные поездки населения из одного населенного пункта, места жительства в другой на работу или учебу и обратно)	71,4
В рамках заключенных соглашений с органами местного самоуправления	14,3
Наличие производственно-экономических связей между предприятиями, организациями из соседних муниципалитетов	14,3
Развитие передвижных форм обслуживания населения	14,3
Организация совместного обслуживания и развития инфраструктуры	14,3
Использование ресурсов (природных и др.) соседнего муниципального образования	14,3

Источник: результаты опроса глав муниципальных образований Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 год.

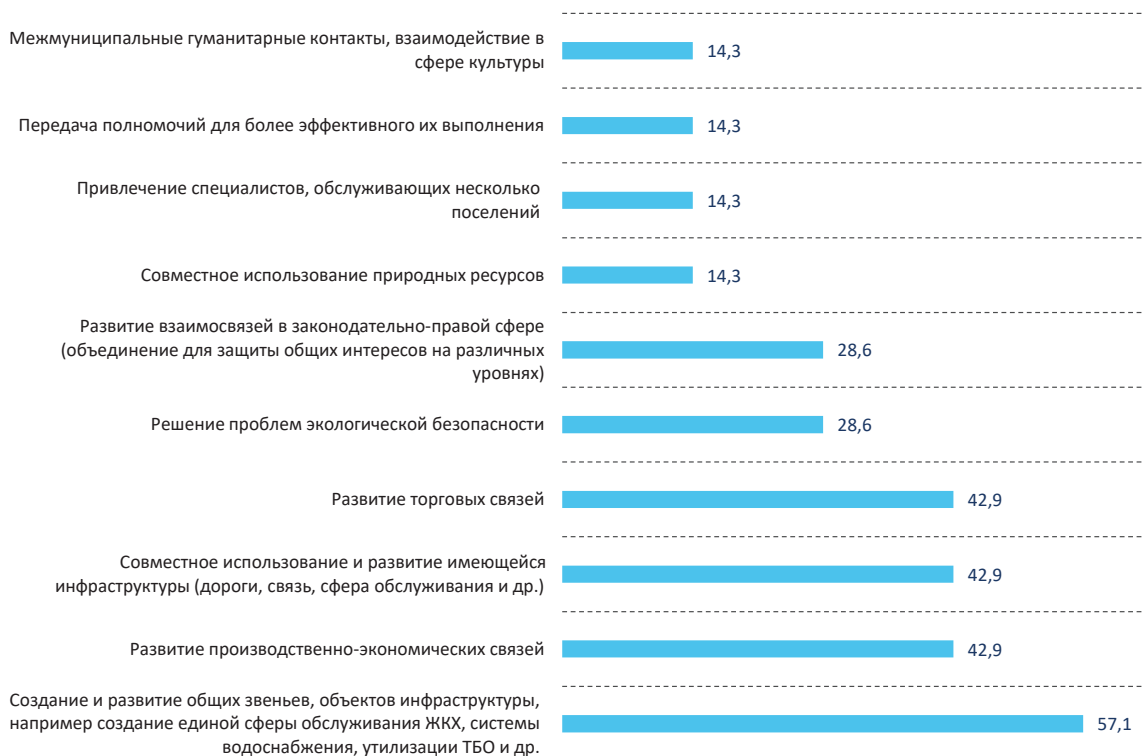

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления межмуниципального сотрудничества являются наиболее приоритетными для участия в нем Вашего муниципального образования?», % от числа ответивших

Источник: результаты опроса глав муниципальных образований Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 год.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: органы местного самоуправления городских поселений на практике реализуют в основном лишь организационные и информационные формы межмуници-

пального взаимодействия, при этом имеется потребность в его развитии для решения вопросов совместного обслуживания объектов инфраструктуры и укрепления производственных связей.

В качестве главных факторов, препятствующих развитию межмуниципального сотрудничества, представители органов местного самоуправления отметили дефицит квалифицированных управленческих кадров (83,3%); отсутствие опыта организации и реализации межмуниципальных проектов и программ (66,7%); недостаток финансовых средств для развития межмуниципального взаимодействия (66,7%); ограничения транспортно-инфраструктурного характера (50%; *рис. 3*).

Об эффективности межмуниципального сотрудничества можно судить исходя из полученных синергетических эффектов от взаимодействия муниципальных образований и степени повышения эффективности управления социально-экономическим развитием в каждом из них. Сопоставление результатов, достигнутых при самостоятельных действиях муниципалитетов и полученных в результате сотрудничества, выступает основой оценки целесообразности их взаимодействия. В частности, в одной из

работ [21] обосновывается целесообразность межмуниципального взаимодействия двух сельских поселений Краснодарского края (Староджерелиевского и Черургольского) в части предоставления транспортных услуг населению и организации транспортного обслуживания. В результате проведенных в исследовании расчетов было установлено, что организация межмуниципального сотрудничества позволяет сократить расходы бюджета в одном поселении на 21,5%, а в другом – на 24,8%.

Межмуниципальная кооперация может быть весьма эффективной в решении вопросов организации сбора и вывоза мусора; обеспечении жителей услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания; организации благоустройства и озеленения территорий и др. Однако в настоящее время реализация межмуниципального сотрудничества на практике требует развития организационно-правовых и финансово-бюджетных механизмов. Одной из главных причин отказа от межмуници-

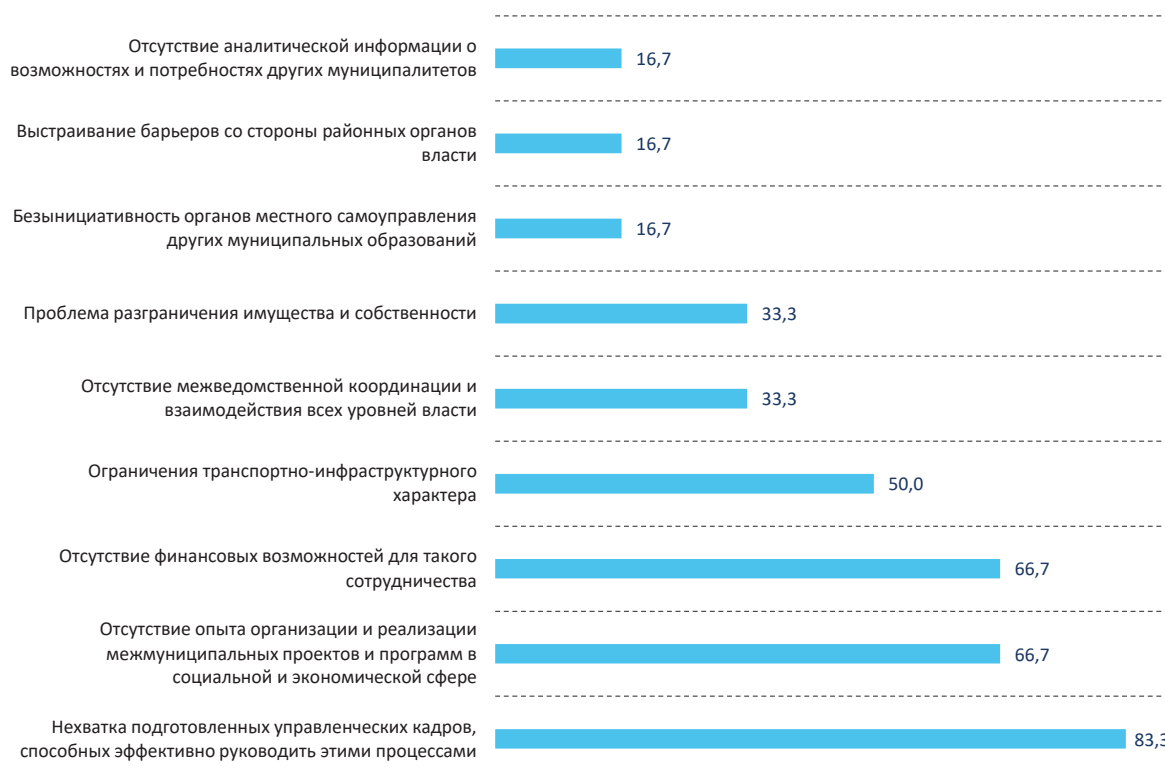

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, затрудняет развитие межмуниципального сотрудничества?», % от числа ответивших

Источник: результаты опроса глав муниципальных образований Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 год.

пального взаимодействия является наличие определенных рисков межмуниципальной кооперации, которые необходимо учитывать и соотносить с предполагаемыми выгодами. В частности, недостатками межмуниципальных хозяйствующих обществ выступают утрата права собственности на имущество, передаваемое этим организациям, и ограничение механизмов контроля со стороны органов местного самоуправления над функционированием данных организаций. Муниципальные образования, даже выступая учредителями некоммерческих организаций как одной из форм межмуниципального взаимодействия, не имеют возможности непосредственно определять содержание их работы и осуществлять контроль над распоряжением имуществом и оказанием муниципальных услуг¹⁰.

Потенциал и перспективы развития межмуниципального сотрудничества

Как показывают обзор зарубежной практики и отечественный опыт межмуниципального сотрудничества, данный инструмент обладает достаточно большим потенциалом в условиях ограниченности бюджетных средств муниципальных образований.

Одним из перспективных направлений развития межмуниципального сотрудничества, в том числе для малых и средних городов, может стать предоставление «горизонтальных» межбюджетных субсидий¹¹. Указанный механизм открывает перспективы для развития межмуниципального «хозяйственного» сотрудничества, то есть возможности софинансирования различными муниципалитетами совместных проектов, мероприятий и создания межмуниципальных организаций. Согласно «Методическим рекомендациям по предоставлению «гори-

зонтальных» субсидий на муниципальном уровне»¹², разработанным Министерством финансов, условия их предоставления устанавливаются соглашениями между местными администрациями. Субсидии могут выделяться на реализацию мероприятий по трем основным направлениям (рис. 4).

Развитие межмуниципального сотрудничества возможно и за счет предоставления «горизонтальных» кредитов из бюджета одного муниципального образования в бюджет другого, при условии, что они входят в состав одного субъекта Российской Федерации¹³. Цели предоставления бюджетного кредита и размеры платы за его пользование устанавливаются органами местного самоуправления муниципалитета-кредитора.

Однако в России внедрению и эффективному использованию межмуниципального сотрудничества, в том числе в малых и средних городах, препятствует наличие определенных проблем. Впрочем, со стороны органов государственной власти признается как целесообразность развития различных форм взаимодействия между муниципальными образованиями, так и необходимость устранения обстоятельств, препятствующих его развитию. К примеру, в декабре 2020 года в Совете Федерации Федерального Собрания РФ было проведено заседание по вопросам межмуниципального сотрудничества, на котором были рассмотрены основные проблемы, препятствующие его развитию (рис. 5).

По итогам заседания был представлен развернутый список рекомендаций как для органов государственной власти (Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство юстиции РФ, Министерство финансов РФ и др.), так и для органов мест-

¹⁰ Информационно-аналитические материалы о текущем состоянии, актуальных правовых проблемах и перспективах развития межмуниципального сотрудничества (к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации).

¹¹ Данная возможность закреплена в Федеральном законе от 2 августа 2019 года № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений».

¹² Методические рекомендации по предоставлению «горизонтальных» субсидий на муниципальном уровне: Письмо Минфина России от 30 ноября 2020 года № 06-04-11/01/104365.

¹³ Данная возможность установлена Федеральным законом от 9 ноября 2020 года № 364-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 2.1 Федерального закона «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2020 году».

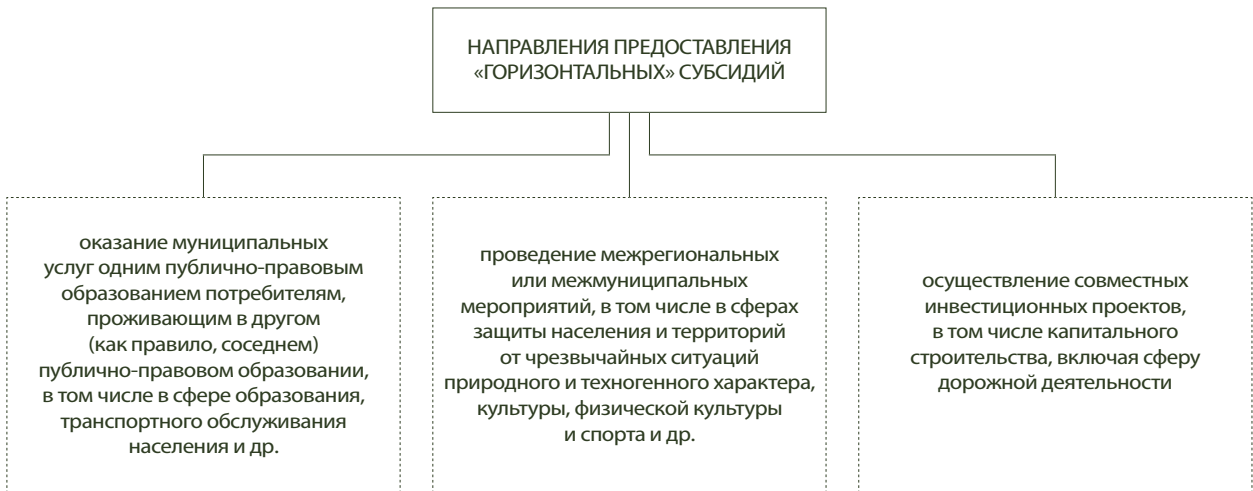

Рис. 4. Направления предоставления «горизонтальных» субсидий на муниципальном уровне

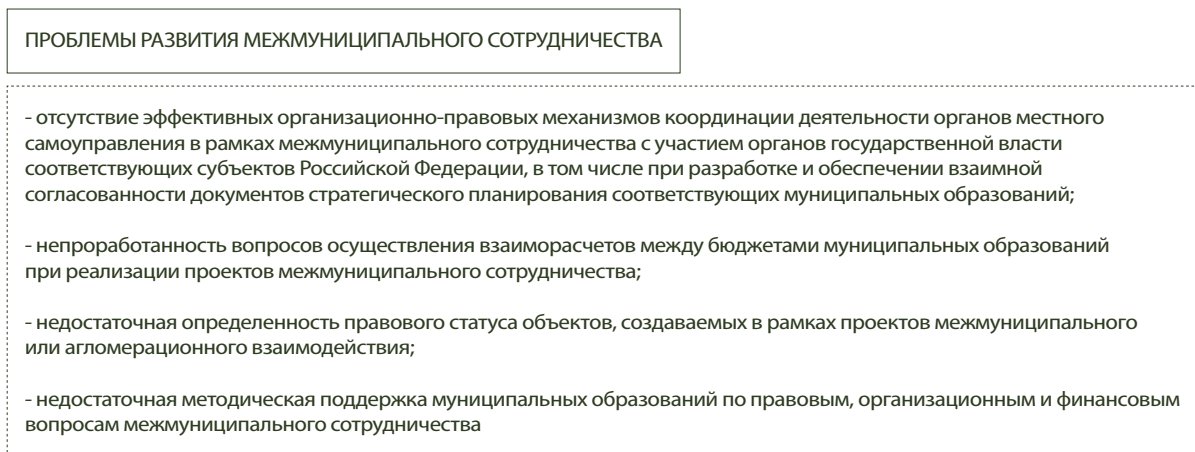

Рис. 5. Проблемы, препятствующие эффективному использованию межмуниципального сотрудничества в РФ

Источник: Информационно-аналитические материалы о текущем состоянии, актуальных правовых проблемах и перспективах развития межмуниципального сотрудничества (к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации)

ного самоуправления и советов муниципальных образований. В достаточно широком перечне направлений развития межмуниципального сотрудничества особого внимания заслуживает предложение о закреплении правовой возможности совместной разработки органами местного самоуправления муниципальных образований, входящих в состав агломерации, единой стратегии социально-экономического развития агломерации, а также иных совместных документов стратегического планирования. Вместе с тем, на наш взгляд, важно делать

акцент не только на муниципальных образованиях, входящих в состав агломерации. Разработка межмуниципальных стратегий может осуществляться и для сельских муниципальных образований или, например, для малых и средних городов и прилегающих к ним территорий со схожей специализацией и проблемами социально-экономического развития.

Российским законодательством предусмотрена возможность создания и реализации стратегий для отдельной части субъекта РФ. Однако в России данный вариант

используется крайне редко, имеющиеся в некоторых регионах документы преимущественно затрагивают вопросы развития лишь городских агломераций. При этом даже среди них не всегда учитываются отношения «центр – периферия», отражающие характер взаимодействия между муниципальными образованиями [22]. Среди территорий, включающих малые и средние города и сельские населенные пункты, практика разработки межмуниципальных стратегий и вовсе отсутствует. Объединение финансовых и административных ресурсов муниципальных образований могло бы позволить сэкономить значительную часть бюджетных средств уже на этапе создания самой стратегии в случае заказа ее разработки у сторонней научной или консалтинговой организации. Единая стратегия социально-экономического развития двух или более муниципальных образований, основанная на межмуниципальном сотрудничестве, поможет не только объединить имеющиеся ресурсы для решения актуальных на текущий момент задач, но и определить направления социально-экономического развития на дальнейшую перспективу и в целом повысить эффективность муниципального управления.

Обратной стороной сотрудничества является конкуренция. Необходимо признать, что данная форма отношений между муниципальными образованиями по-прежнему распространена. В условиях недостатка собственных бюджетных средств малые и средние города вынуждены соперничать друг с другом за получение средств из вышестоящих бюджетов. Проектное финансирование прочно вошло в российскую практику, однако, как правило, оно производится на конкурсной основе. К примеру, в рамках проведения Всероссийского конкурса лучших проектов по созданию комфортной городской среды¹⁴ ежегодно предусмотрено выделение из федерального бюджета 5 млрд рублей, которые распределяются среди 80 победителей.

Разработка проектной документации для участия в конкурсе является весьма затратной, и многие небольшие муниципальные образования не располагают средствами для этого. Вместе с тем проблемы муниципалитетов, расположенных на одной территории, весьма схожи, и возможность подачи одной заявки, к примеру от малого города и соседних сельских поселений, позволила бы достичь значительной экономии ресурсов как на этапе разработки проектной документации, так и на этапе непосредственной реализации проекта.

Выводы

Таким образом, межмуниципальное сотрудничество можно рассматривать как один из инструментов управления социально-экономическим развитием малых и средних городов, позволяющий не только укрепить хозяйственные связи, но и на основе кооперации оптимизировать размещение объектов социальной и жилищно-коммунальной инфраструктуры. Взаимодействие муниципалитетов друг с другом способствует концентрации ресурсов, объединению имеющегося экономического потенциала и направлению его на реализацию более масштабных инвестиционных проектов. В российской практике наибольшую популярность приобрела ассоциативная форма взаимодействия муниципальных образований, тогда как создание межмуниципальных хозяйственных организаций не так распространено, хотя обладает большим потенциалом в части решения таких задач, как обеспечение водоснабжения, сбор и вывоз мусора, транспортное обслуживание населения и т. д.

География межмуниципального взаимодействия достаточно широкая: малые и средние города могут сотрудничать друг с другом как внутри одного района, так и внутри одного субъекта РФ, региона (например, Европейского Севера России или Дальнего Востока) или страны. Основой установления связи и развития взаимодействия могут вы-

¹⁴ Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды включен в федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда». Конкурс проводится по поручению Президента РФ с 2018 года.

ступать территориальная близость, выгоды от решения схожих социально-экономических проблем и наличие каких-то общих характеристик, содержащих потенциальные возможности для развития всех муниципалитетов-участников [23].

В целом можно сказать, что в настоящее время межмуниципальное сотрудничество в России, в том числе в малых и средних городах, используется недостаточно активно в силу целого ряда причин, к основным из которых относятся дефицит финансовых ресурсов, недостаток опыта и нехватка подготовленных управленческих кадров по реализации межмуниципальных проектов или программ, отсутствие межведомственной координации и взаимодействия всех уровней власти и т. д. Однако нельзя не отметить, что со стороны органов государственной власти внимание к межмуниципальному сотрудничеству с каждым годом растет. К органам местного самоуправления малых и средних городов также приходит понимание,

что территориям выгоднее сотрудничать, чем конкурировать друг с другом.

Полученные выводы вносят вклад в развитие представлений о межмуниципальном сотрудничестве как способе осуществления совместной деятельности муниципальных образований, а также как инструменте социально-экономической политики по их развитию. Результаты опроса глав городских поселений могут быть использованы органами государственной власти в целях оценки уровня внедрения межмуниципального сотрудничества в практику управления социально-экономическим развитием малых и средних городов, а также для определения причин, препятствующих этому. Представленная информация о возможных формах межмуниципального сотрудничества обладает практической значимостью для органов местного самоуправления и может применяться ими в рамках реализации своих полномочий и в процессе разработки межмуниципальных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатъева А.В. Анализ проблемного поля развития системы местного самоуправления Российской Федерации // Местное право. 2020. № 5. С. 51–54.
2. Секушина И.А. Тенденции социально-экономического развития малых и средних городов регионов Европейского Севера России // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2019. № 5. С. 73–90. DOI: 10.26653/2076-4650-2019-5-07
3. Попадюк Н.К. Межмуниципальное взаимодействие как императив противостояния деструктивным процессам мирового финансово-экономического кризиса // Самоуправление. 2020. Т. 2. № 1 (118). С. 332–335.
4. Гутникова Е.А. Межмуниципальное сотрудничество как фактор активизации экономического и социального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 218–230.
5. Остапец О.Г. Система правового регулирования межмуниципального сотрудничества в России // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2017. Т. 17. № 1. С. 56–61.
6. Teles P., Swianiewicz P. *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2018. 354 p. DOI: 10.1007/978-3-319-62819-6
7. Bel G., Sebő M. Does inter-municipal cooperation really reduce delivery costs? An empirical evaluation of the role of scale economies, transaction costs, and governance arrangements. *Urban Affairs Review*, 2021, no. 57 (1), pp. 153–188. DOI: 10.1177/1078087419839492
8. Silva P., Teles F., Ferreira J. Intermunicipal cooperation: The quest for governance capacity? *International Review of Administrative Sciences*, 2018, no. 84 (4), pp. 619–638. DOI: 10.1177/0020852317740411
9. Allers M.A., de Greef J.A. Intermunicipal cooperation, public spending and service levels. *Local Government Studies*, 2018, no. 44 (1), pp. 127–150. Available at: <https://doi.org/10.1080/03003930.2017.1380630>

10. Pascaru M. Inter-municipal cooperation: World realities and Romanian strategies. *Journal of Community Positive Practices*, 2017, no. 17 (3), pp. 3–13. Available at: <http://www.jpcc.ro/index.php/jpcc/article/view/196>
11. Rakar I., Ticar B., Klun M. Territorial changes to municipalities and inter-municipal cooperation: A comparative overview and orientations for Slovenia. *Lex Lokalis*, 2014, vol. 12, no. 3. Available at: [https://doi.org/10.4335/12.3.731-748\(2014\)](https://doi.org/10.4335/12.3.731-748(2014))
12. Ростанец В., Топилин А., Бурак П. Проблема консолидации процессов межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества: возможные подходы к исследованию // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 7. С. 22–27.
13. Москвина О.С. Неспанова И.В. Развитие межмуниципального сотрудничества как фактор активизации инвестиционных процессов в регионе (на примере Вологодской области) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Экономика. 2020. Т. 28. № 3. С. 479–490. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-3-479-490
14. Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9
15. Трофимова Н.В. Развитие межмуниципального сотрудничества в Республике Башкортостан // Единство. Гражданственность. Патриотизм: сб. науч. тр. к 100-летию Республики Башкортостан, 22–23 марта 2019 г. Уфа: Мир печати, 2019. С. 138–143.
16. Соколова Л.Г., Астахова А.Л. Критерии обоснования развития эффективного межмуниципального сотрудничества // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61-5. С. 75–78.
17. Ильинская Е.В. Межмуниципальное сотрудничество как инструмент повышения конкурентоспособности сельских муниципальных образований // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2017. № 1. С. 183–185.
18. Павлов Ю.В. Развитие городских агломераций: проблемы и решения // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 112–140.
19. Миронова С.М. Особенности реализации финансово-правового статуса муниципальных образований, входящих в городские агломерации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 1. С. 85–95.
20. Колесников А.В. Организационно-правовое взаимодействие органов местного самоуправления как способ межмуниципального сотрудничества // Научное обозрение. Междунар. науч.-практ. журн. 2021. № 2. URL: <https://srjournal.ru/2021/id304>
21. Арумова Е. Организационные схемы и механизмы межмуниципального сотрудничества // Государственное управление. 2013. № 5. С. 59–72.
22. Кайбичева Е.И. Методические подходы к формированию межмуниципальных стратегий в контексте отношений «центр-периферия» // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 6. С. 1036–1051.
23. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 216 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Анатольевна Секушина – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

Sekushina I.A.

INTER-MUNICIPAL COOPERATION AS A TOOL FOR MANAGING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED CITIES

In the post-Soviet period, a significant part of small and medium-sized Russian cities faced a whole range of socio-economic problems. In conditions of limited financial and resource opportunities, the issues of finding effective methods and tools for managing their development are becoming especially relevant. The purpose of the research is to study inter-municipal cooperation as one of the promising tools for ensuring socio-economic development of small and medium-sized cities. The paper considers theoretical and regulatory bases of interaction between municipalities, gives a general assessment of the level of using its various forms in practice. As a result of a survey of local self-government authorities of the Vologda Oblast, the author identifies the main problems of implementing inter-municipal cooperation. The article establishes that at present in Russia, including in small and medium-sized cities, this tool is not used actively enough which is largely due to the lack of financial resources from municipalities, lack of experience in developing and implementing inter-municipal projects and programs of economic and social orientation. The work proves that inter-municipal cooperation can act as one of the tools for managing socio-economic development of small and medium-sized cities that allow concentrating municipalities' resources and combine their economic potential. We propose to use inter-municipal cooperation as a basis for developing municipal strategies of socio-economic development of two or more municipalities. The study uses the methods of system analysis, expert survey, and tabular and graphical data visualization. The information base is Rosstat data and information provided on the official websites of state authorities and local self-government authorities. The obtained results can be used in the work of federal and regional authorities, and local governance in improving socio-economic policy regarding development of small and medium-sized cities.

Inter-municipal cooperation, small and medium-sized cities, socio-economic development, municipalities' association, Vologda Oblast.

REFERENCES

1. Ignat'eva A.V. Analysis of problem field of development of local self-government system of the Russian Federation. *Mestnoe pravo=Local Law*, 2020, no. 5, pp. 51–54 (in Russian).
2. Sekushina I.A. Trends in socio-economic development of small and medium-sized cities of the regions of the European North of Russia. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo=Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 2019, no. 5, pp. 73–90. DOI: 10.26653/2076-4650-2019-5-07 (in Russian).
3. Popadyuk N.K. Inter-municipal interaction as an imperative to resist the destructive processes of the global financial and economic crisis. *Samoupravlenie=Local Government*, 2020, vol. 2, no. 1 (118), pp. 332–335 (in Russian).
4. Gutnikova E.A. Inter-municipal cooperation as a factor of activation of economic and social development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2012, no. 6 (24), pp. 218–230 (in Russian).
5. Ostapets O.G. The system of legal regulation of inter-municipal cooperation in Russia. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya=Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 56–61 (in Russian).
6. Teles P., Swianiewicz P. *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2018. 354 p. DOI: 10.1007/978-3-319-62819-6

7. Bel G., Sebő M. Does inter-municipal cooperation really reduce delivery costs? An empirical evaluation of the role of scale economies, transaction costs, and governance arrangements. *Urban Affairs Review*, 2021, no. 57 (1), pp. 153–188. DOI: 10.1177/1078087419839492
8. Silva P., Teles F., Ferreira J. Intermunicipal cooperation: The quest for governance capacity? *International Review of Administrative Sciences*, 2018, no. 84 (4), pp. 619–638. DOI: 10.1177/0020852317740411
9. Allers M.A., de Greef J.A. Intermunicipal cooperation, public spending and service levels. *Local Government Studies*, 2018, no. 44 (1), pp. 127–150. Available at: <https://doi.org/10.1080/03003930.2017.1380630>
10. Pascaru M. Inter-municipal cooperation: World realities and Romanian strategies. *Journal of Community Positive Practices*, 2017, no. 17 (3), pp. 3–13. Available at: <http://www.jppc.ro/index.php/jppc/article/view/196>
11. Rakar I., Ticar B., Klun M. Territorial changes to municipalities and inter-municipal cooperation: A comparative overview and orientations for Slovenia. *Lex Lokalis*, 2014, vol. 12, no. 3. Available at: [https://doi.org/10.4335/12.3.731-748\(2014\)](https://doi.org/10.4335/12.3.731-748(2014))
12. Rostanets V., Topilin A., Burak P. Problem of consolidation of the processes of interregional and inter-municipal economic cooperation: possible approaches to the study. *Problemy teorii i praktiki upravleniya=International Journal of Management Theory and Practice*, 2015, no. 7, pp. 22–27 (in Russian).
13. Moskvina O.S. Nespanova I.V. Development of inter-municipal cooperation as a factor in the intensification of investment processes in a region (on the example of the Vologda region). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika=RUDN Journal of Economics*, 2020, vol. 28, no. 3, pp. 479–490. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-3-479-490 (in Russian).
14. Kozlova O.A., Makarova M.N. Inter-municipal cooperation as an institution of strategic development of territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9 (in Russian).
15. Trofimova N.V. Development of inter-municipal cooperation in the Republic of Bashkortostan. In: *Edinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm: sbornik nauchnykh trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan, 22–23 marta 2019* [Unity. Citizenship. Patriotism: Stat. Coll. for the 100th Anniversary of the Republic of Bashkortostan dated March 22–23, 2019]. Ufa: Mir Pechati, 2019, pp. 138–143 (in Russian).
16. Sokolova L.G., Astakhova A.L. Criteria for substantiating the development of effective inter-municipal cooperation. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya=Trends in Developing Science and Education*, 2020, no. 61-5, pp. 75–78 (in Russian).
17. Il'inskaya E.V. Inter-municipal cooperation as a tool for improving the competitiveness of rural municipalities. *Zakonomernosti razvitiya regional'nykh agropredovol'stvennykh sistem=Development Patterns of Regional Agri-Food Systems*, 2017, no. 1, pp. 183–185 (in Russian).
18. Pavlov Yu.V. Improvement of legal regulation of urban agglomerations development. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk=Central Russian Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 14, no. 5, pp. 112–140 (in Russian).
19. Mironova S.M. Features of the implementation of the financial and legal status of municipalities, included in urban agglomerations. *Pravoprimerenie=Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 85–95 (in Russian).
20. Kolesnikov A.V. Organizational and legal collaboration of local authorities as a technique of inter-municipal cooperation. *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal=Research Review. International Scientific and Practical Journal*, 2021, no. 2. Available at: <https://srjournal.ru/2021/id304> (in Russian).

21. Arumova E. Organizational schemes and mechanisms of inter-municipal cooperation. *Gosudarstvennoe upravlenie=Public Administration*, 2013, no. 5, pp. 59–72 (in Russian).
22. Kaibicheva E.I. Methodological approaches to the development of inter-municipal strategies in the context of core-periphery relations. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economy: Theory and Practice*, 2020, vol. 18, no. 6, pp. 1036–1051 (in Russian).
23. Uskova T.V. et al. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii: monografiya* [Socio-Economic Problems of Local Territories: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 216 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Sekushina – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.7

УДК 332.135 | ББК 65.04

© **Беилин И.Л.**

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ ДОХОДОВ НА СТРУКТУРУ И ДИНАМИКУ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ БЕИЛИН

Российский государственный университет правосудия

г. Казань, Российская Федерация

e-mail: i.beilin@rambler.ru

ORCID: [0000-0002-5878-4915](https://orcid.org/0000-0002-5878-4915); ResearcherID: [M-5033-2013](https://publons.com/urn:li:member:5033-2013)

В статье представлен анализ структуры и динамики инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа, производственная деятельность по добыче и переработки нефти и газа в которых является основной доходной частью их бюджетной системы. В частности, их бюджеты формируются главным образом из налогов на прибыль и имущество организаций, а также НДС от нефтегазовых видов экономической деятельности. К таким регионам в Приволжском федеральном округе относятся Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Оренбургская область и Самарская область. Проведен регрессионный анализ динамики распределения инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источникам финансирования и формам собственности. К первым отнесены собственные и привлеченные средства, кредиты банков и бюджетные средства, федеральный и региональный бюджет, ко вторым – российская государственная и частная формы собственности. Результаты регрессионного анализа привели к разработке нового подхода к оценке влияния нефтегазовых доходов на структуру и динамику инвестиций в основной капитал региона путем кластерного анализа инвестиций в основной капитал по производственным видам основных фондов и производственным видам экономической деятельности. Исследование позволило обнаружить дисбалансы инвестиций в основной капитал отдельных нефтегазовых регионов и предложить вариант решения проблемы. Он заключается в создании органами региональной власти индикативных условий для развития межрегиональных

Для цитирования: Беилин И.Л. Оценка влияния нефтегазовых доходов на структуру и динамику инвестиций в основной капитал региона (на примере Приволжского федерального округа)// Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 119–138. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.7

For citation: Beilin I.L. Impact assessment of oil and gas revenues on the structure and dynamics of investments in the regional fixed assets (the case of the Volga Federal District). *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 119–138. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.7

нефтегазовых финансово-промышленных групп как структур, консолидирующих инвестиционную и производственную составляющую деятельности по добыче и переработке нефти и газа с учетом ее традиционно высокой рентабельности. Такие структуры могут позволить системно решить комплекс материально-технических проблем ряда нефтегазовых регионов в области добычи трудноизвлекаемой нефти, рациональной утилизации попутного нефтяного газа, повышения конкурентоспособности продукции глубокой химической переработки углеводородного сырья.

Нефтегазовый регион, инвестиции в основной капитал, региональная экономика, основные фонды, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства.

Введение

В настоящее время в мировой экономической науке сложился ряд относительно противоречивых и регулярно нуждающихся в переосмыслении научных парадигм в области «нефтяного пика», «ресурсного проклятия», «законов петрополитики» и других. Отсутствие мирового научного консенсуса в этих вопросах формирует проблему распределения нефтегазовых доходов на российском региональном уровне в условиях высокого значения нефти и газа, продуктов их первичной и глубокой химической переработки для экономики страны. Актуальна и проблема эффективности организационной структуры нефтегазовой отрасли на межрегиональном уровне, например, в настоящее время происходит слияние бюджетобразующих нефтегазохимических компаний «СИБУР Холдинг» (компания федерального уровня) и «ТАИФ» (компания регионального уровня (Республика Татарстан)). Этот процесс оказался возможен под влиянием созданных государственных индикативных условий, а проблема структуры инвестиций является в нем центральной.

Цель работы заключается в исследовании влияния доходов нефтегазовой отрасли на структуру и динамику инвестиций в основной капитал нефтегазового региона как одной из важнейших характеристик его производственного развития.

Задачи:

- экономико-теоретический обзор научных исследований в отношении особенностей и закономерностей российской рентносырьевой модели экономики, в том числе на региональном уровне;

- выбор и обработка данных о распределении инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов, наиболее характеризующих их производственное развитие;

- анализ структуры и динамики инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов;

- кластеризация нефтегазовых регионов по инвестициям в основной капитал (производственным видам основных фондов и производственным видам экономической деятельности);

- моделирование вариантов межрегиональной производственной интеграции деятельности по добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производств на основе анализа структуры и динамики инвестиций в основной капитал нефтегазового региона.

Аналитический обзор

Объем и динамика инвестиций в основной капитал могут являться одними из главных индикаторов эффективности инновационного производственного развития региона, так как представляют совокупность затрат, направленных на сооружение и модернизацию объектов, приводящих к увеличению первоначальной стоимости в результате процесса получения продукции с добавленной стоимостью. Основным капиталом нефтегазовых регионов (НГР) в большой степени сосредоточен в деятельности по добыче и переработке нефти и газа. В ПФО к НГР относятся Республика Башкортостан (РБ), Республика Татарстан (РТ), Удмуртская Республика (УР), Пермский край (ПК), Оренбургская область (ОО) и Самарская область (СО). Для них характерна значительная нефтедобыча (от 7 до 2% от российского

уровня в Республике Татарстан и Удмуртской Республике соответственно) и эквивалентная ей добыча попутного нефтяного газа. Оренбургская область (4% добываемой российской нефти) занимает третье место в России по добыче природного газа.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости НГР доля деятельности по добыче полезных ископаемых составляет от 15% в Самарской области до 34% в Оренбургской области. Этот же показатель в ненефтегазовых регионах ПФО не превышает 0,3%, только в Саратовской и Ульяновской областях равняется 1,9 и 2,2% соответственно, однако сравнительно малые объемы добываемой нефти не позволяют отнести их к нефтегазовым регионам. В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости Республики Башкортостан доля деятельности по добыче полезных ископаемых составляет относительно малую для НГР величину 3,7%, что обусловлено высоким уровнем развития обрабатывающих производств (в отраслевой структуре их доля достигает 27,4%), включая четыре нефтеперерабатывающих завода. При этом около 3% от российского уровня добываемой нефти также позволяют отнести Республику Башкортостан к нефтегазовым регионам. Согласно структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в НГР ПФО на добычу сырой нефти и природного газа приходится около 90% всей добычи полезных ископаемых, до 10% – на предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых.

Следует отметить, что если НДС и экспортная пошлина через специальную систему налогообложения практически полностью поступают в федеральный бюджет, то налог на прибыль и имущество организаций, а также НДС выступают наиболее значительной статьей доходной части регионального бюджета (статья 56 Налогового кодекса РФ). Приволжский федеральный округ занимает первое место в России по объемам продукции нефтегазоперерабатывающих и нефтегазохимических предприятий, а сами

они, в абсолютном большинстве, сосредоточены в нефтегазовых регионах и являются бюджетобразующими.

На мировых товарно-сырьевых рынках оборот углеводородов в стоимостном выражении составляет более 90% от всего объема торговли ресурсами. В экономических исследованиях сложился ряд относительно противоречивых и требующих постоянных обновлений научных концепций в области «нефтяного пика», «ресурсного проклятья», «законов петрополитики» и др. [1–6]. Механизмы российского экономического развития, использующие значительные объемы нефтегазовой ренты, активно изучаются многие десятилетия, но изменения в мировой и отечественной экономике, конъюнктура мировых товарно-сырьевых рынков, волатильность котировок самых продаваемых на планете товаров – нефти и газа, инновационное развитие промышленности и научно-технической сферы непрерывно определяют новые направления исследований в этой области. В работах А.И. Кузовкина и соавторов рассмотрены проблемы взаимосвязи цены и налогов на нефть и нефтепродукты в долгосрочной перспективе в России. «Анализируется принятый в августе 2018 года закон о постепенной (в течение 6 лет) отмене экспортной пошлины на нефть с соответствующим увеличением налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), это приведет к росту внутренней цены нефти и нефтепродуктов, росту инфляции и отрицательно отразится на темпах роста» [7–9].

Большинство исследователей отмечает особенности рентно-сырьевой модели развития современной российской экономической системы. В работе Л.Н. Даниленко «сделан вывод, что потоки рентных доходов, их величина и стабильность определяют динамику и модель развития страны», отмечают стимулирующие и ограничивающие условия постиндустриальной трансформации рентно-сырьевой модели экономики России [10].

О.И. Маликова и ее соавторы исследовали появляющиеся риски и возможности для России при изменении нефтяных котировок на мировом рынке. Также раскрыты особен-

ности влияния новых технологий на условия конкуренции на энергетическом рынке и в смежных отраслях, проанализированы особенности функционирования российского нефтесервисного рынка и энергетического машиностроения. Выявлено, что изменения цен на энергоносители на мировом энергетическом рынке в последние десятилетия оказывали значительное, подчас определяющее влияние на траекторию экономического развития России [11].

Т. Густафсон рассмотрел перспективы российской нефтедобычи: истощение старых «советских» месторождений и освоение новых; сотрудничество и соперничество с иностранными нефтяными компаниями; будущее «шельфовых», «сланцевых» и «сжиженных» участков российской нефтегазовой отрасли. На оценках взаимозависимости российской нефтяной промышленности, политики и экономики Т. Густафсон показал как возможные положительные прямые и косвенные эффекты стимулирования энергетической отрасли, так и потенциальные угрозы дестабилизации экономики России [3]. В работах Т.В. Натхова и Л.И. Полищук представлен критический взгляд на исследования Д. Асемоглу и Дж. Робинсона о влиянии институциональных механизмов на экономический рост различных стран и регионов, являющихся крупными экспортёрами нефти и газа [12]. В том числе «основное внимание уделяется противопоставлению инклюзивных и экстрактивных институциональных режимов, первый из которых способствует экономическому развитию, а второй – изъятию ренты и ее присвоению элитами. Экстрактивные институты, несмотря на их экономическую неэффективность, выгодны элитам и могут поэтому воспроизводиться в течение длительного времени в порочном круге экономического и политического неравенства» [13].

В исследовании Д.В. Мишиной экспорт ресурсов признается фактором, затормаживающим инновационное развитие России. Это объясняется следующими недостатками рентно-сырьевой модели: «а) макроэкономическая нестабильность, периоди-

чески приводящая к финансовым и социально-политическим кризисам, что, в свою очередь, сопровождается неустойчивостью инвестиционного спроса инновационного типа; б) «сырьевая» модель экономики не может обеспечивать переход к устойчивому социально-экономическому развитию на основе инвестиционного спроса инновационного типа потому, что, как известно, запасы полезных ископаемых со временем истощаются, а разведка новых месторождений требует все более высоких удельных капитальных вложений; в) наличие монополизма нескольких крупных компаний, которые играют важную роль в экономической и политической жизни страны, что порождает тесные связи между государством и добывающими отраслями» [14].

Пространственные аспекты российско-нефтегазового комплекса исследованы в работах Ю.К. Шафраника. Он отмечает, что развитие нефтегазового сектора России имеет особенности, обусловленные не только характеристиками ресурсной базы, но и значительным влиянием пространственного фактора. «Наукоёмкие и априори инновационные малые и средние компании имеют более благоприятные перспективы в ранее освоенных районах, в то время как выход в новые районы в большей степени отвечает особенностям функционирования крупных вертикально интегрированных компаний-лидеров» [15].

В научных трудах М.М. Соловьева освещаются ключевые проблемы российских нефтегазовых регионов с новым освоением и варианты их трансформации. В том числе «излагаются аспекты распределения доходов от нефтяной отрасли между уровнями бюджетной системы РФ. Показаны проблемы нефтеориентированных регионов, определен предельный масштаб локализации затрат нефтяного комплекса, предложены меры по стимулированию смежных отраслей» [16].

Наиболее значительным вкладом в научные исследования региональных аспектов российского нефтегазового комплекса на современном этапе можно по праву назвать

работы В.А. Крюкова, А.Н. Токарева их соавторов. Ими изучены проблемы пространственного развития российской газохимии, особенности политики в развитии ресурсного региона, подходы к комплексному развитию российских сырьевых регионов в современных условиях, институциональные системы территорий добычи и переработки нефти и газа [17; 18].

Большой вклад в исследования экономики нефтегазовых регионов внес также коллектив авторов: Л.В. Эдер, И.В. Филимонова, И.В. Проворная и др. Среди прочего ими изучена региональная и организационная структура добычи и переработки нефти, даны рекомендации по повышению экономической эффективности нефтегазового комплекса в ресурсных регионах, разработаны научные инновационные технологические подходы к пространственной экономической организации ресурсных регионов России [19].

Источники финансирования регионального производственного развития могут являться одним из основных критериев для моделирования этого процесса. В настоящем исследовании использованы данные о распределении инвестиций в основной капитал НГР по источникам финансирования: собственные и привлеченные средства, кредиты банков и бюджетные средства, федеральный и региональный бюджет.

Управление производственным развитием территории неотъемлемо связано с учетом структуры поступления инвестиций в основной капитал по формам собственности. В нефтегазовых регионах одни бюджетобразующие компании являются государственными, например Роснефть, осуществляющая значительные объемы добычи и переработки нефти в Самарской области, Республике Башкортостан, Оренбургской области и Удмуртской Республике, а другие частными: Лукойл в Пермском крае или Татнефть и ТАИФ в Республике Татарстан. Соответственно, целесообразно выявить закономерности поступления инвестиций в основной капитал по формам собственности в НГР для оценки степени их возможного

влияния на инновационное производственное развитие территории.

Более 70% общего объема инвестиций в основной капитал региона распределяются на такие виды основных фондов, как «Здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель» и «Машины, оборудование, транспортные средства», которые относятся в большинстве случаев к производственной деятельности. В НГР это, прежде всего, добыча и переработка полезных ископаемых.

Важнейшей характеристикой производственного развития региона могут являться инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства». Их доля в нефтегазовых регионах значительно выше средней по ПФО, причем не только по первому показателю, что действительно очевидно, но и по второму, что может объясняться высокоразвитой сферой нефте- и газопереработки, инновационностью за счет привлечения высокотехнологичных наукоемких разработок в эту отрасль и перспективами спроса на продукцию, несмотря на многочисленные международные программы по развитию «зеленой энергетики».

Методами исследования послужили регрессионный и кластерный анализ, а также симплексная оптимизация. Они широко используются в региональных исследованиях и наиболее соответствуют выборке собранных статистических данных о распределении инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО [20; 21].

Результаты и их обсуждение

Динамика поступления инвестиций в основной капитал как нефтегазовых, так и всех регионов ПФО демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению процентной доли собственных средств и, соответственно, пропорциональному снижению объема привлеченных банковских кредитных и бюджетных средств. Следует отметить, что линии тренда с высокой величиной достоверности аппроксимации показывают значитель-

ное сокращение разрыва инвестирования в основной капитал между нефтегазовыми и всеми регионами ПФО по соотношению привлеченных и собственных средств. Это может объясняться внедрением демпферных механизмов в налогообложение и компенсационное бюджетное инвестирование нефтегазовых компаний (рис. 1, 2).

Анализ динамики привлеченных инвестиций в основной капитал в форме кредитов банков как в нефтегазовых, так и во всех регионах ПФО не позволяет прийти к однозначным выводам из-за низкой величины достоверности аппроксимации обеих линий тренда (рис. 3). При этом динамика привлеченных инвестиций в основной капитал

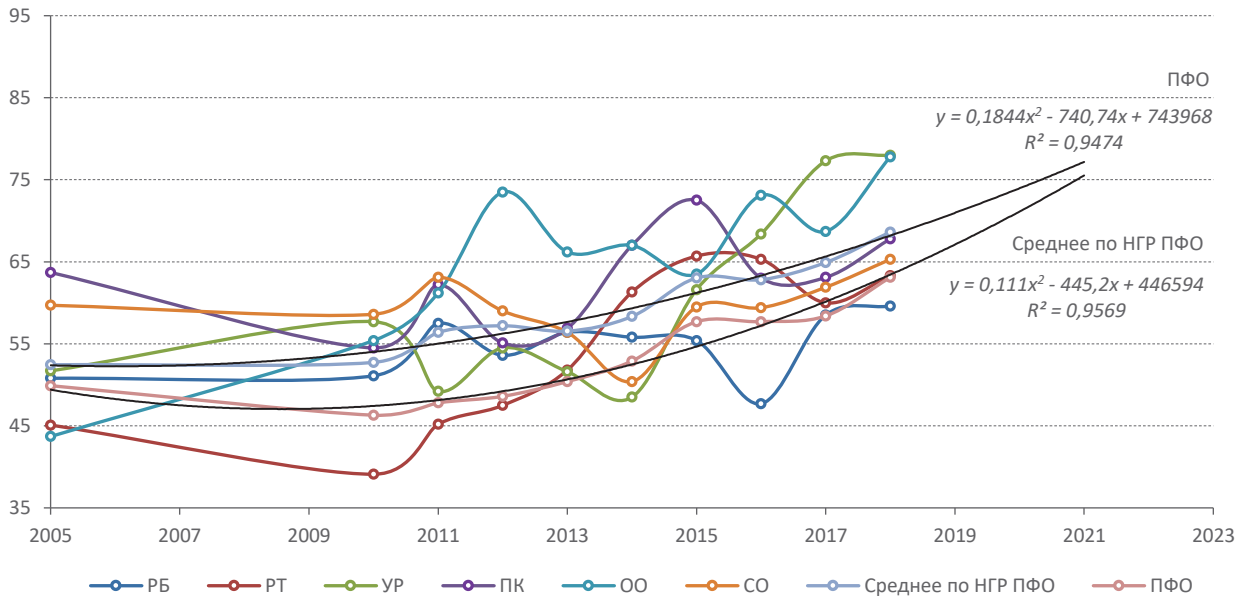

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источнику финансирования «Собственные средства», %
Источник: данные Росстата.

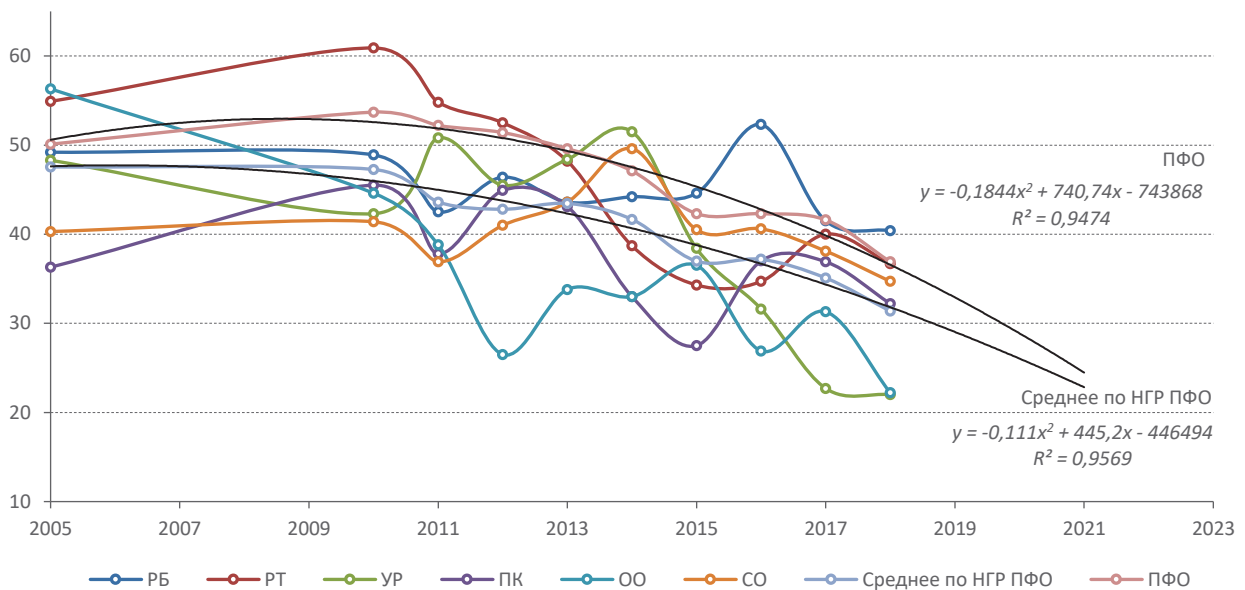

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источнику финансирования «Привлеченные средства», %
Источник: данные Росстата.

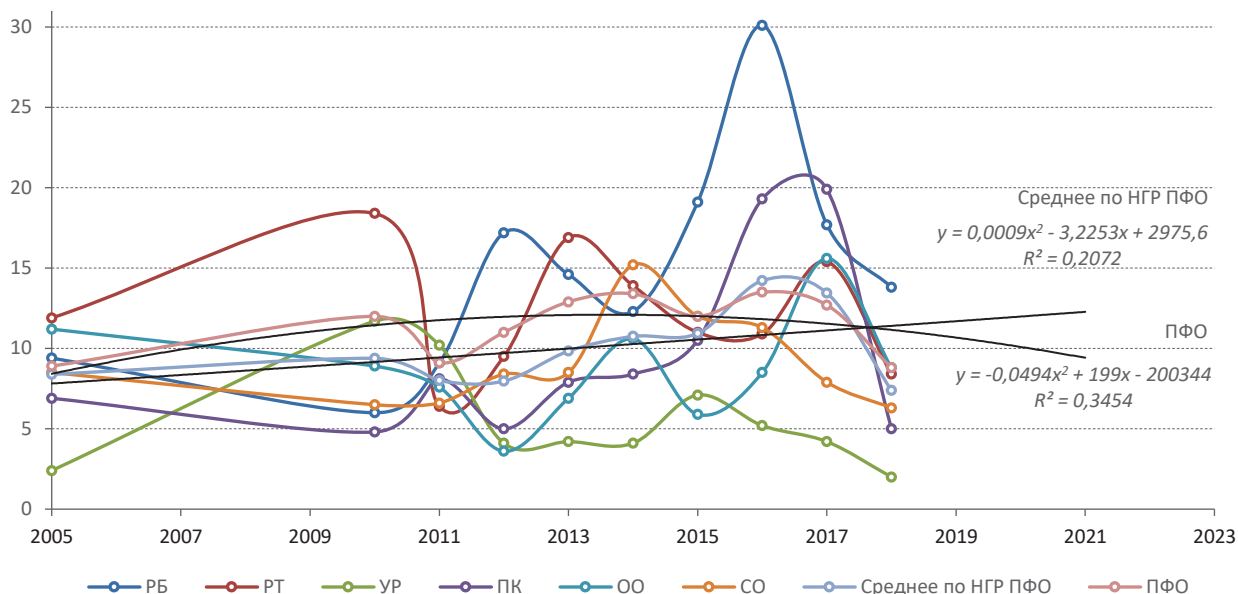

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источнику финансирования «Кредиты банков», %
 Источник: данные Росстата.

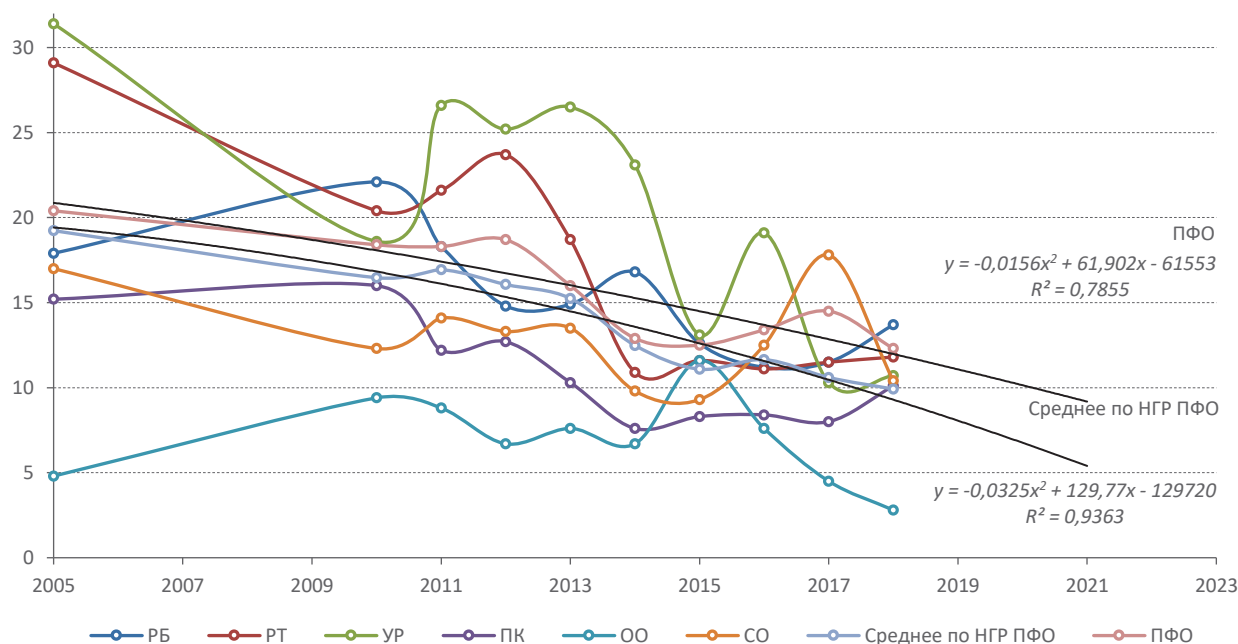

Рис. 4. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источнику финансирования «Бюджетные средства», %
 Источник: данные Росстата.

в форме бюджетных средств с высокой величиной достоверности аппроксимации обеих линий тренда свидетельствует о снижении такой формы инвестирования одновременно и в нефтегазовых, и во всех регионах ПФО, а разница между ними по объему полученных бюджетных средств показала устойчивую тенденцию к увеличению (рис. 4).

Однотипная динамика снижения бюджетного инвестирования в основной капитал как нефтегазовых, так и в среднем всех регионов ПФО повторяется в случае федерального и регионального финансирования. Диспропорциональным представляется значительное снижение трендов федерального инвестирования в основной капитал нефте-

газовых регионов по сравнению со средним значением этого показателя по ПФО, в то время как тренды объемов финансирования на эти же цели из региональных бюджетов практически совпадают. Такое положение может объясняться высокой рентабельностью производственной деятельности нефтегазовых компаний, составляющих существенную долю в основном капитале нефтегазовых регионов,

но налог на прибыль и имущество компаний, согласно статье 56 Бюджетного кодекса РФ, направляется по нормативу 100% не в федеральный, а в региональный бюджет. Отдельно можно отметить, что значительный разрыв в величине федерального и регионального бюджетного инвестирования в основные фонды нефтегазовых регионов ПФО, характерный для 2005 года, явно снизился к 2019 году (рис. 5, б).

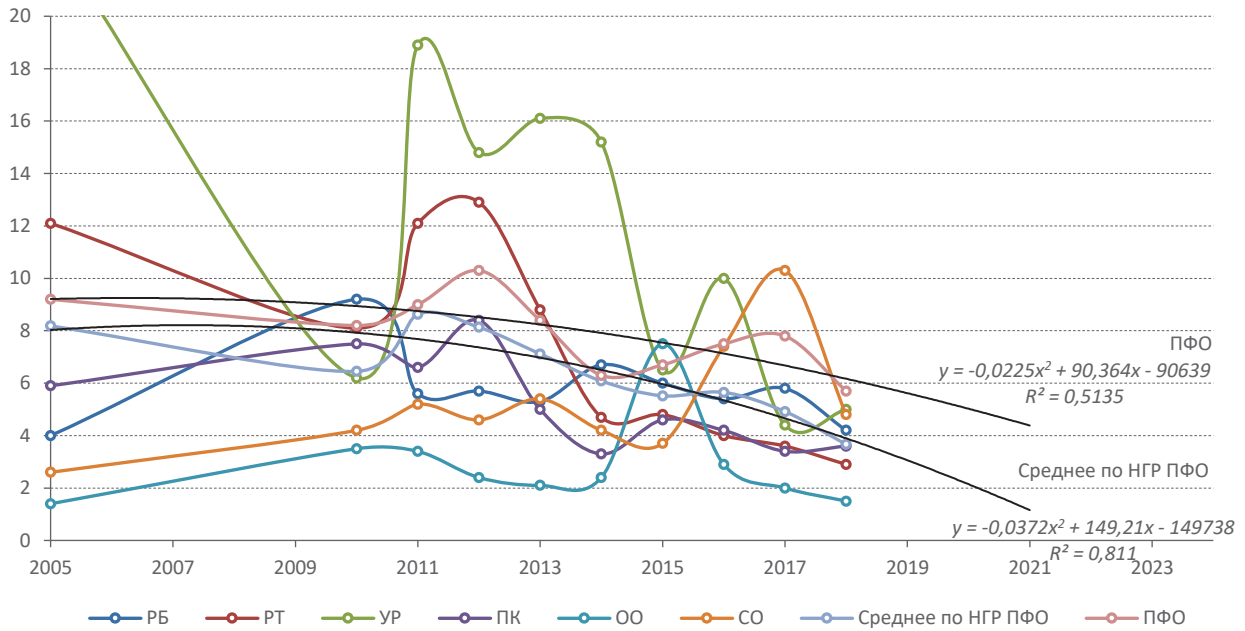

Рис. 5. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источнику финансирования «Федеральный бюджет», %

Источник: данные Росстата.

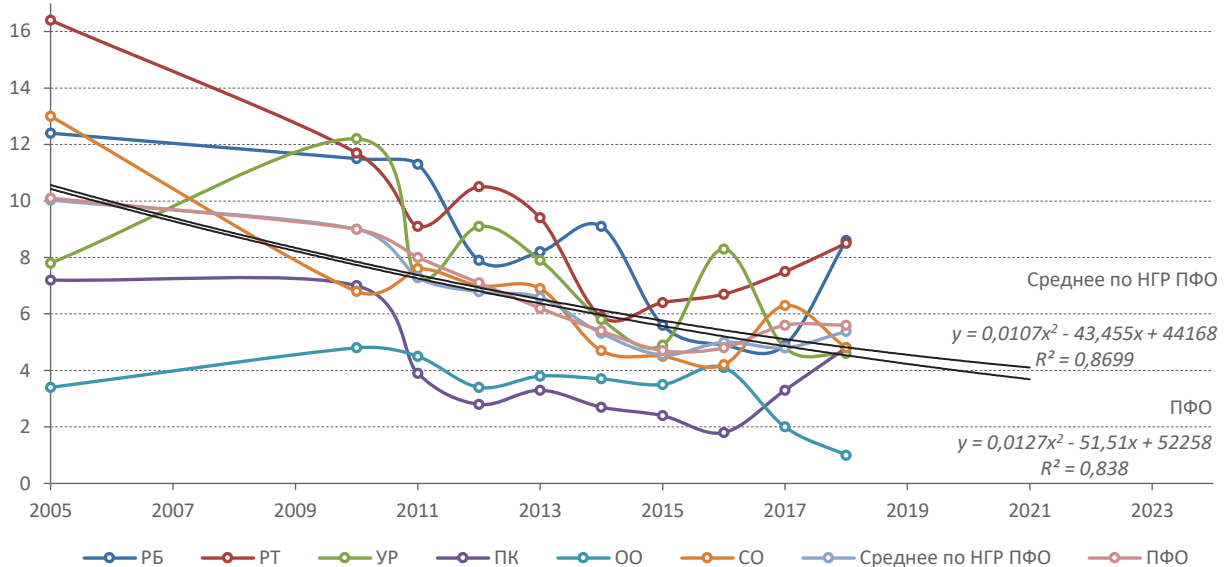

Рис. 6. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источнику финансирования «Региональный бюджет», %

Источник: данные Росстата.

Динамика инвестиций в основной капитал по государственной и частной формам собственности значительно отличается. В первом случае можно отметить устойчивую тенденцию к снижению, во втором, напротив, к возрастанию, что свидетельствует об увеличении доли частной собственности в регионах ПФО. При этом рост инвестиций в основной капитал НГР ПФО по частной форме собственности значительно превышает аналогичный показатель в целом по ПФО, что может быть обусловлено, в том числе, интенсивной инновационной деятельностью таких крупных частных нефтяных компаний, как Татнефть и ТАИФ в Республике Татарстан, Лукойл в Пермском крае, нефтеперерабатывающий завод «Орскнефтеоргсинтез» в Оренбургской области, ОАО «Белкамнефть» в Удмуртской Республике и др. Также, если динамика инвестиций в основной капитал по частной форме собственности для нефтегазовых регионов и в целом по ПФО практически совпадает, то по государственной форме собственности показатель значительно различается (рис. 7, 8). Это может быть обусловлено производственной деятельностью государственной компании «Роснефть» в Самарской области, Республи-

ке Башкортостан, Удмуртской Республике («Удмуртнефть»), Оренбургской области («Оренбургнефть») и компании «Газпром» («Газпром добыча Оренбург»).

Процентное соотношение инвестиций в основной капитал по видам основных фондов производственной деятельности (здания, кроме жилых, и сооружения, расходы на улучшение земель, машины, оборудование, транспортные средства) в нефтегазовых регионах практически полностью совпадает со средним по ПФО. При этом следует отметить, что инвестиции в производственную деятельность Самарской области и Пермского края значительно превышают инвестиции в остальные виды основных фондов региона (жилые здания и помещения, объекты интеллектуальной собственности и прочее). Это свидетельствует как о высокой изношенности основных фондов в производстве, так и о запуске масштабных инновационных проектов по производственному развитию данных регионов. В отличие от них в Республике Татарстан, которая является лидером в ПФО по ВРП и добыче нефти, объем инвестиций в машины и оборудование существенно ниже объема инвестиций в другие основные фонды, а в Республике

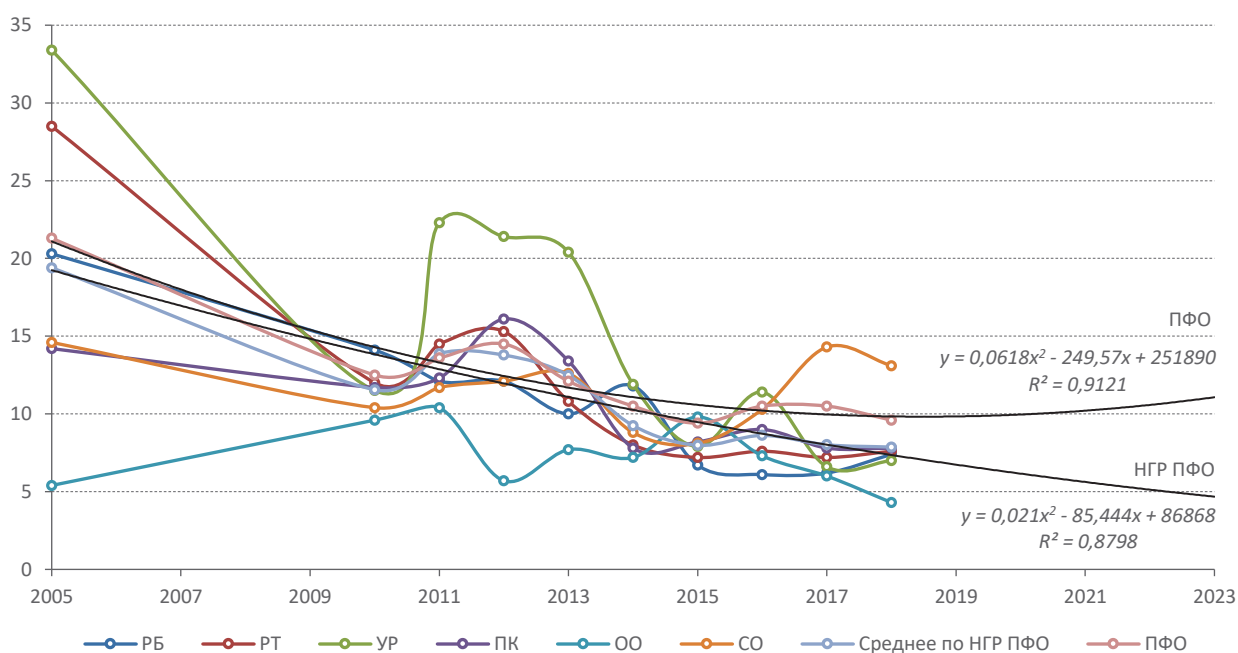

Рис. 7. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по государственной форме собственности, %

Источник: данные Росстата.

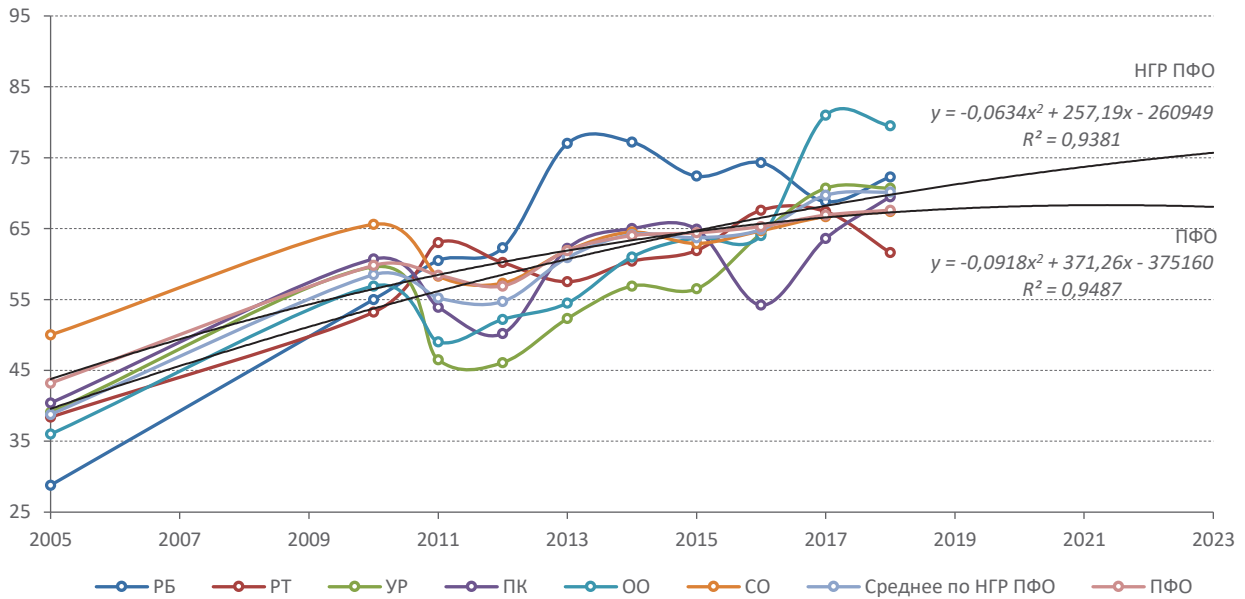

Рис. 8. Динамика инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по частной форме собственности, %

Источник: данные Росстата.

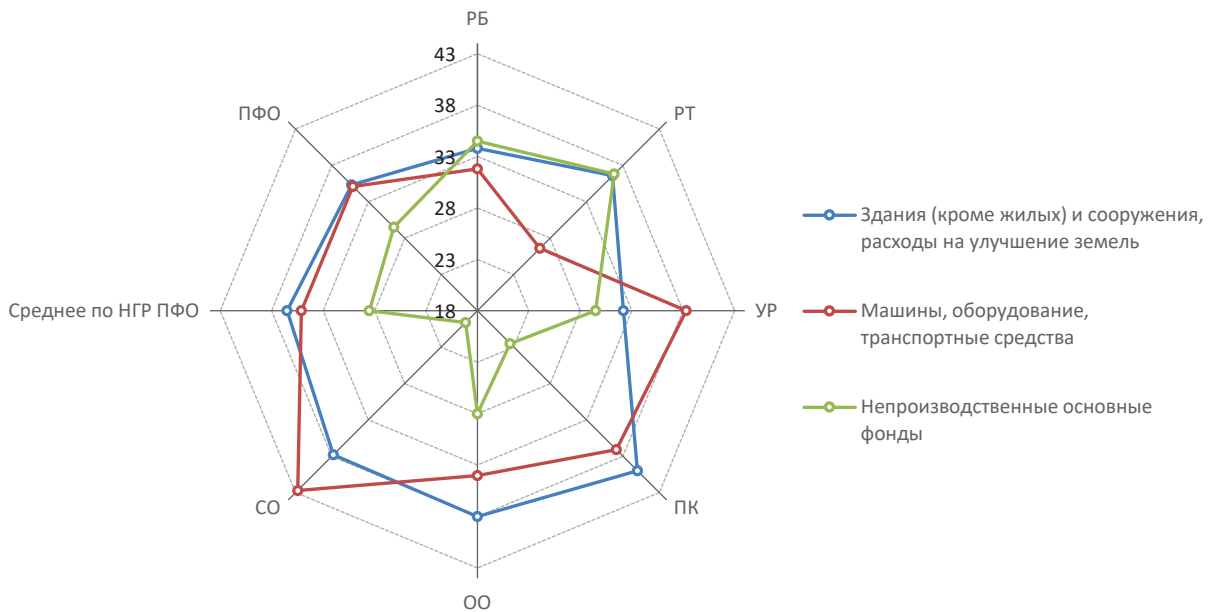

Рис. 9. Соотношения инвестиций в основной капитал по видам основных фондов в нефтегазовых регионах ПФО, % от общего объема инвестиций

Источник: данные Росстата.

Башкортостан инвестиции во все три обобщенные категории основных фондов практически одинаковы. Это может объясняться высокой диверсификацией производственной деятельности, с большой долей в добыче и переработке нефти. Наконец, похожая структура инвестиций в основной капитал

по видам основных фондов Оренбургской области и Удмуртской Республики свидетельствует о сырьевой специализации данных регионов, в которых производственная деятельность по добыче углеводородных ресурсов значительно превышает деятельность по их переработке (рис. 9).

Согласно данным о соотношении инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» можно подтвердить сделанное выше наблюдение об общности производственной деятельности Республики Татарстан и Республики Башкортостан. В Пермском крае объем инвестиций в обрабатывающие производства заметно превышает инвестиции в добычу полезных ископаемых, а в Самарской области и Удмуртской Республике они практически равны. Заметное превышение объема инвестиций в добычу полезных ископаемых в Оренбургской области над другими видами экономической деятельности, в том числе обрабатывающими производствами, подтверждает сделанное выше предположение о необходимости повышения диверсификации в этом регионе (рис. 10).

На основе данных о структуре инвестиций в основной капитал по видам основных фондов и структуре инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности нефтегазовых регионов ПФО (см. рис. 9, 10) представляется целесообразным проведение кластерного анализа производственной деятельности. Так, в качестве компонентов производственной деятельности инвестиций в основной капитал региона по видам основных фондов можно принять «Здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель» и «Машины, оборудование, транспортные средства» в процентах от общего объема инвестиций. Для инвестиций в основной капитал региона по видам экономической деятельности такими компонентами являются «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» в процентах от общего объема инвестиций (табл. 1).

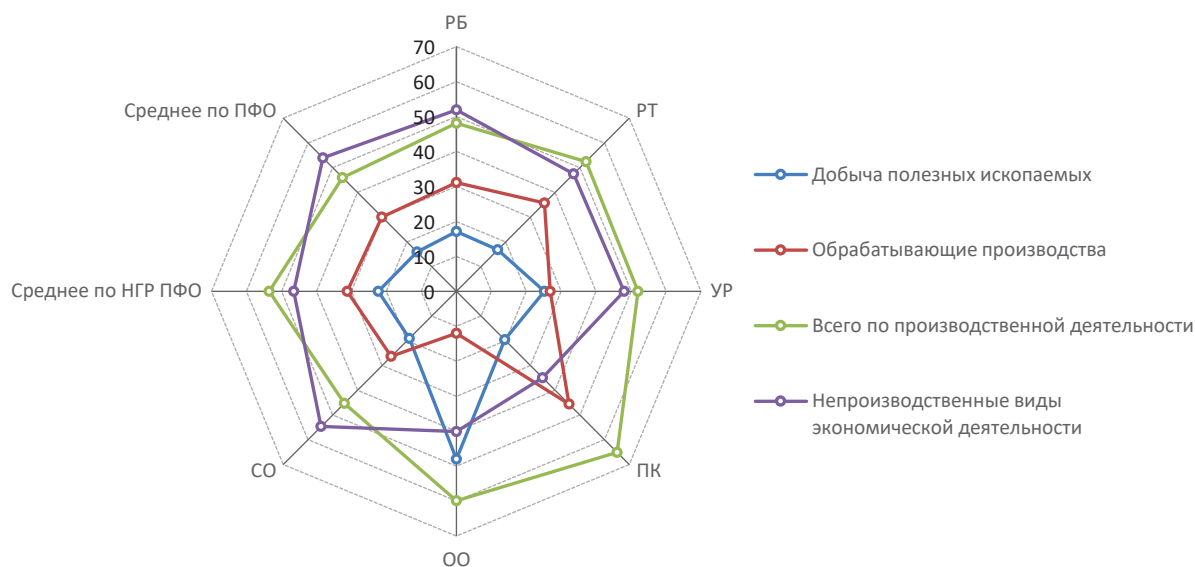

Рис. 10. Соотношения инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по видам экономической деятельности, % от общего объема инвестиций

Источник: данные Росстата.

Таблица 1. Сумма инвестиций в основной капитал по производственным видам основных фондов и производственным видам экономической деятельности нефтегазовых регионов ПФО, % от общего объема инвестиций

Регион	1	2	3	4	5	6
	РБ	РТ	УР	ПК	ОО	СО
Сумма инвестиций в основной капитал по производственным видам основных фондов	65,6	63,2	70,5	71,1	72,0	80,5
Сумма инвестиций в основной капитал по производственным видам экономической деятельности	48,1	52,5	52,0	65,1	59,9	45,3

Источник: данные Росстата.

Кластерный анализ данных табл. 1 показал совпадение результатов использования методов «ближайшего соседа» и «дальнего соседа» и позволил сформировать кластер из пяти нефтегазовых регионов ПФО, наиболее близкими из которых оказались Республика Башкортостан и Республика Татарстан, Пермский край и Оренбургская область соответственно. Удмуртская Республика является пятым регионом данного кластера по инвестициям в основной капитал производственных видов основных фондов и производственных видов экономической деятельности, а Самарская область значительно выходит за пределы кластера по результатам иерархической классификации обоих использованных методов. Это может объясняться высокой долей в производственной деятельности Самарской области автомобильной промышленности (АО «АвтоВАЗ») и космической отрасли (ПАО «Кузнецов», РКЦ «Прогресс» и другие). В результате, несмотря на самый высокий объем инвестиций среди нефтегазовых регионов ПФО в основной капитал по производственным видам основных фондов, в Самарской области самый низкий объем инвестиций в основной ка-

питал по производственным видам экономической деятельности, значительную часть которых составляет «Добыча полезных ископаемых». Результаты кластерного анализа по названным критериям показали отличие Самарской области от остальных нефтегазовых регионов ПФО методом «ближайшего соседа» на 12,04 пункта, а методом «дальнего соседа» – на 21,92 пункта (рис. 11).

Моделирование кластерной организации нефтегазовых регионов на основе данных об инвестициях в основной капитал по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» может сформировать представление как об общих закономерностях их производственного развития, так и о значении природной ренты в их экономической системе (табл. 2).

Иерархическая классификация инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» показала практически одинаковый результат как по принципу «ближайшего соседа», так и по принципу «дальнего соседа». В частно-

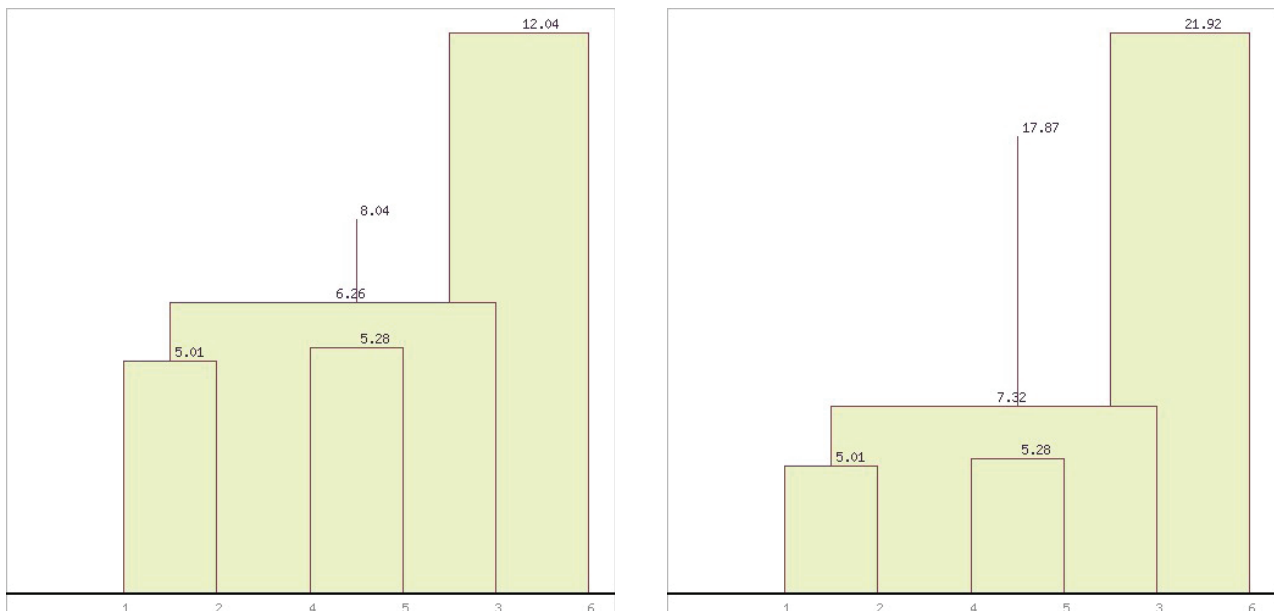

Рис. 11. Результаты иерархической классификации суммы инвестиций в основной капитал по производственным видам основных фондов и суммы инвестиций в основной капитал по производственным видам экономической деятельности нефтегазовых регионов ПФО по принципу «ближайшего соседа» (слева) и принципу «дальнего соседа» (справа)

Источник: составлено автором.

Таблица 2. Структура инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства», % от общего объема инвестиций

Регион	1	2	3	4	5	6
	РБ	РТ	УР	ПК	ОО	СО
Добыча полезных ископаемых	17,1	16,8	25,2	19,6	48,0	19,0
Обрабатывающие производства	31,1	35,7	26,9	45,6	12,0	26,3

Источник: данные Росстата.

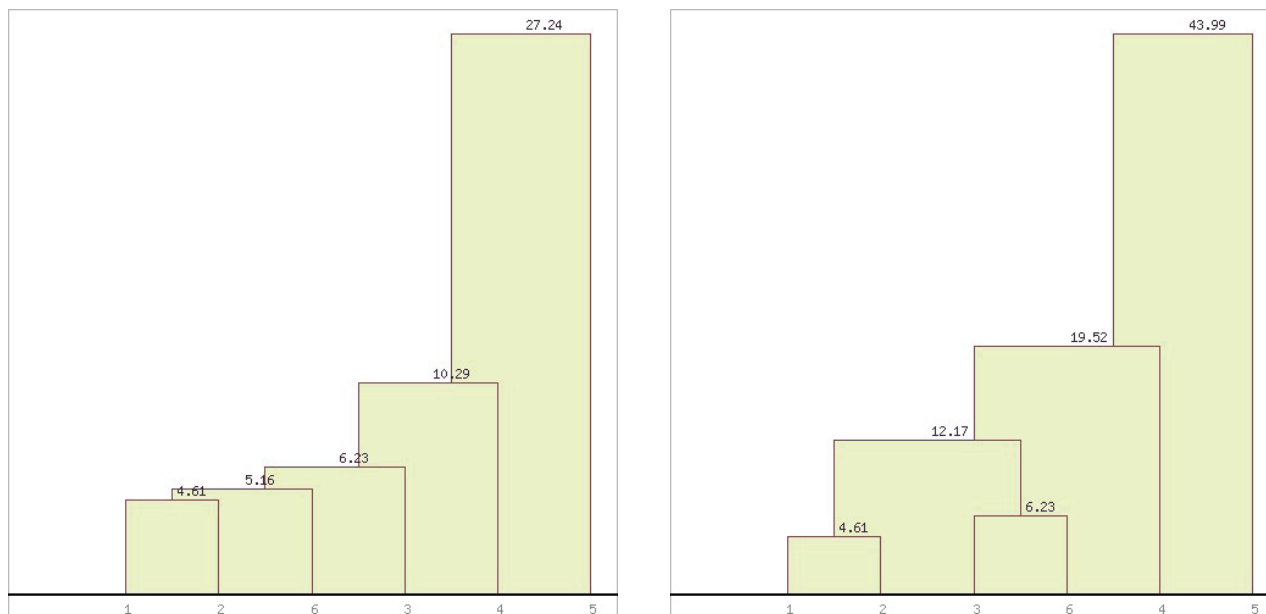

Рис. 12. Результаты иерархической классификации инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» по принципу «ближайшего соседа» (слева) и принципу «дальнего соседа» (справа)

Источник: составлено автором.

сти, в сформированном кластере наиболее близкими друг другу по анализируемым показателям стали Республика Башкортостан и Республика Татарстан, что подтверждают результаты кластерного анализа, представленного на рис. 11. Также в сформированный кластер вошли Удмуртская Республика, Самарская область и Пермский край. Оренбургская область оказалась за пределами данного кластера с отрывом от него при использовании метода «ближайшего соседа» на 27,24 пункта, а методом «дальнего соседа» – на 43,99 пункта (рис. 12). Это может объясняться высокой сырьевой ориентацией экономической системы Оренбургской области, которая находится на четвертом

месте в стране по объемам добычи нефти, на втором по объемам добычи природного газа и располагает крупными запасами газового конденсата. В результате этого инвестиции в основной капитал Оренбургской области по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» значительно превышают инвестиции в основной капитал по «Обрабатывающим производствам».

Кластерный анализ инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по производственным видам основных фондов также показал некоторые расхождения результатов использования методов ближайшего и дальнего соседа. Так, в первом случае формирование кластеров

не представляется возможным, а во втором четко прослеживается три кластера: Пермский край и Оренбургская область с расстоянием 3,74, Республика Татарстан и Республика Башкортостан с расстоянием 5,91 и Удмуртская Республика и Самарская область с расстоянием 7,12 (табл. 3; рис. 13).

Проведенные три варианта кластерного анализа позволили выявить дисбаланс между инвестициями в основной капитал по производственным видам основных фондов и производственным видам экономической деятельности в Самарской области, дисбаланс между инвестициями в основной капитал по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» в Оренбургской области. Кластерный анализ

инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по производственным видам основных фондов, к которым относятся «Здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель» и «Машины, оборудование, транспортные средства», показал отсутствие дисбалансов. Одним из вариантов решения выявленных проблем может быть стимулирование органами региональной власти развития межрегиональных финансово-промышленных групп как структур, консолидирующих инвестиционную и производственную составляющую деятельности по добыче и переработке нефти и газа с учетом ее традиционно высокой рентабельности. Такие структуры могут позволить системно решить комплекс материально-технических проблем ряда нефте-

Таблица 3. Структура инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по производственным видам основных фондов, % от общего объема инвестиций

Регион	1	2	3	4	5	6
	РБ	РТ	УР	ПК	ОО	СО
Здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	33,8	36,6	32,2	40,1	38,0	37,8
Машины, оборудование, транспортные средства	31,8	26,6	38,3	37,1	34,0	42,7

Источник: данные Росстата.

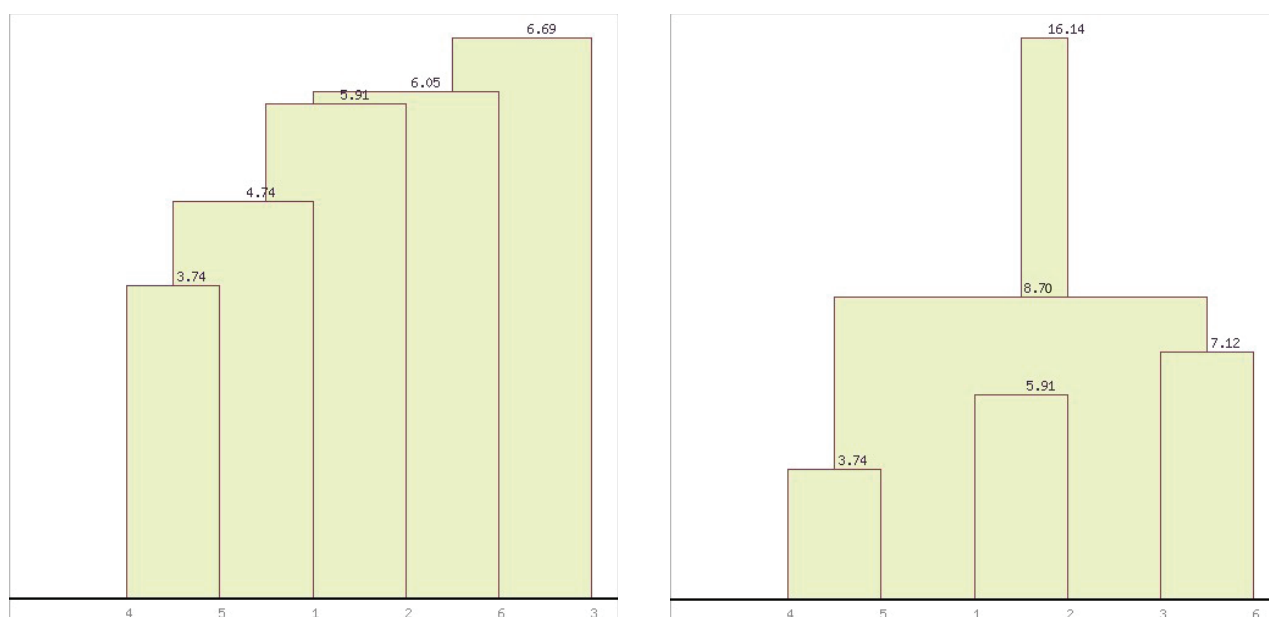

Рис. 13. Результаты иерархической классификации инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по производственным видам основных фондов по принципу «ближайшего соседа» (слева) и принципу «дальнего соседа» (справа)

Источник: составлено автором.

газовых регионов в области добычи трудно-извлекаемой нефти, рациональной утилизации попутного нефтяного газа, повышения конкурентоспособности продукции глубокой химической переработки углеводородного сырья. Именно Волжско-Уральская нефтегазоносная провинция отличается высокой выработанностью месторождений, а Приволжский федеральный округ является лидером в стране по объемам переработки нефти и газа. В результате синергетический экономический эффект от деятельности межрегиональных финансово-промышленных групп способен привести к дополнительным поступлениям в соответствующие региональные бюджеты налога на прибыль организаций и физических лиц, занятых в этом секторе. С учетом обозначенных выше проблем в инвестировании Самарской и Оренбургской областей представляется целесообразным именно с участием указанных регионов организовать финансово-промышленную группу с включением в нее

также Республики Татарстан как региона с наиболее высоким и диверсифицированным инвестированием в нефтегазовую отрасль.

Оптимальные соотношения предложенных регионов в финансово-промышленной группе можно определить симплексным методом на основе данных об инвестициях в основной капитал по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» (см. табл. 2). Согласно полученным результатам, оптимальное соотношение инвестирования в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» в финансово-промышленной группе РТ (x1) : СО (x2) : ОО (x3) обнаружено в области около 25% : 20% : 55% соответственно, а по виду деятельности «Обрабатывающие производства» в области около 50% : 35% : 15% соответственно (рис. 14, 15).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов органами федеральной власти

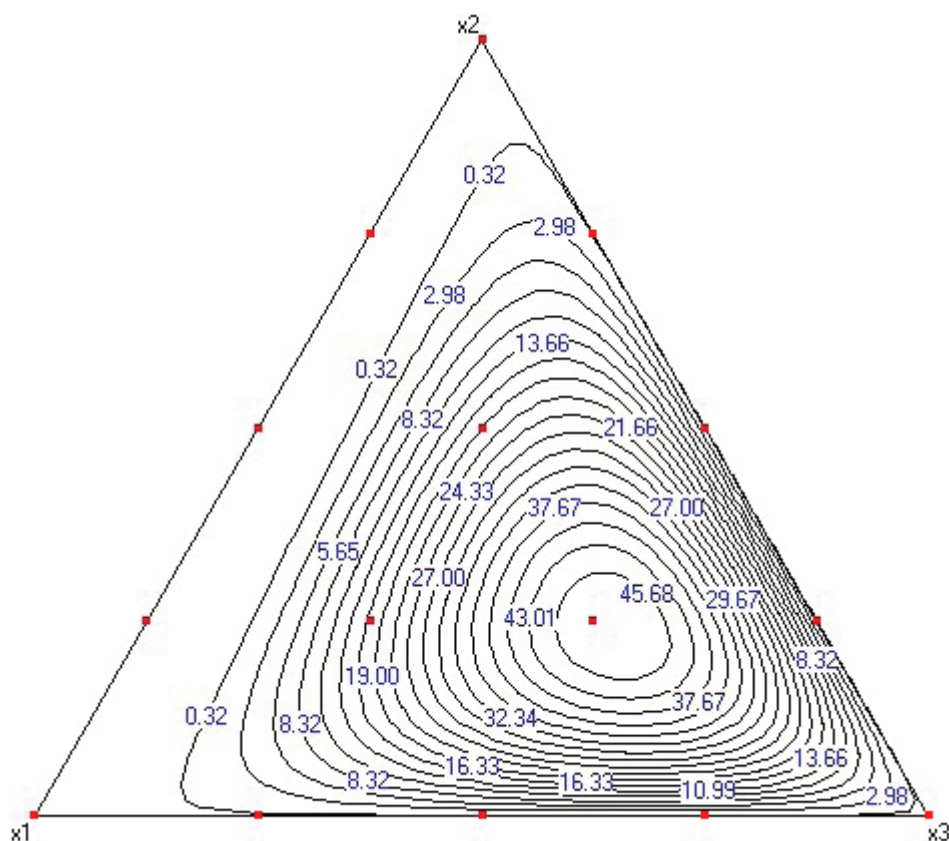

Рис. 14. Симплексная решетка инвестирования в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» в финансово-промышленной группе РТ : СО : ОО

Источник: составлено автором.

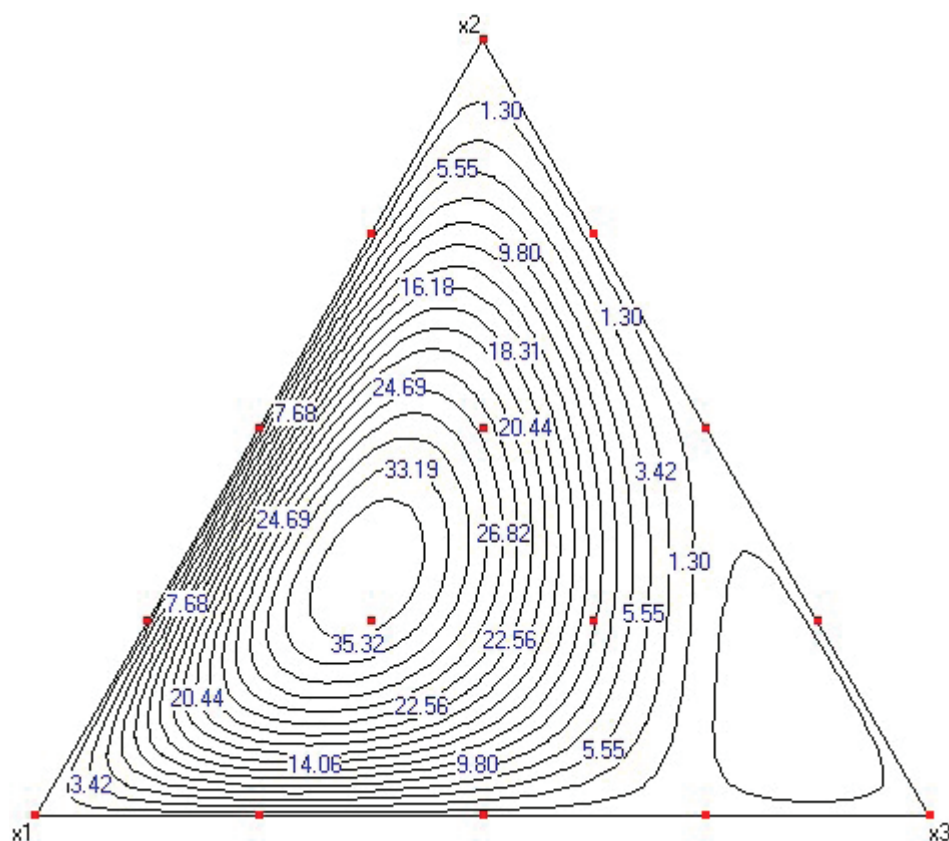

Рис. 15. Симплексная решетка инвестирования в основной капитал по виду деятельности «Обрабатывающие производства» в финансово-промышленной группе РТ : СО : ОО

Источник: составлено автором.

в топливно-энергетической политике, на уровне управления нефтегазовым регионом, в управлении нефтегазовыми компаниями, в образовательной деятельности по направлению «Экономика» и научно-исследовательской работе по научным специальностям «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством» и др.

Работа является методологическим подходом к экономико-теоретическим исследованиям влияния доходов нефтегазовой отрасли на эффективность регионального производственного развития, а с практической точки зрения предложены варианты межрегиональной интеграции нефтегазовых комплексов на основе данных об инвестировании в основной капитал.

Заключение

Анализ динамики инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по источникам финансирования показал тенденцию к значительному увеличению

собственных средств и, соответственно, снижению привлеченных. При этом полиномиальные линии тренда с высокой степенью достоверности аппроксимации (95–96%) показывают сокращение различия в этих показателях между нефтегазовыми регионами ПФО и общим средним значением по данному федеральному округу. Наблюдается тенденция к превышению объема собственных средств в инвестициях в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО над этим же показателем относительно среднего по всем регионам округа. Следует отметить, что в структуре привлеченных средств во всех регионах ПФО за рассматриваемый период произошло значительное сокращение бюджетных инвестиций. При этом объем инвестиций в основной капитал из федерального бюджета наибольшим образом снизился в нефтегазовых регионах ПФО, а динамика снижения данного показателя из региональных бюджетов практически не отличима для обеих групп регионов. Такой ре-

зультат может свидетельствовать о том, что нефтегазовые компании, направляющие большие отчисления в федеральный бюджет в форме НДС и экспортных пошлин, а в региональный бюджет налоги на прибыль и имущество, которые образуют его основную часть, практически не получают инвестиционных преференций над компаниями из других отраслей экономики. На основании этого можно предположить, что бюджетобразующая нефтегазовая отрасль требует реструктуризации института региональных финансово-промышленных групп (ФПГ) как объединений свободных денежных средств (банки, финансовые и инвестиционные фонды и т. п.) и производственных компаний, испытывающих необходимость в инвестициях и прочих заемных средствах. Так, динамика инвестиций в основной капитал НГР ПФО по источнику финансирования «кредиты банков» за отчетный период имеет хаотичный характер с низкой достоверностью аппроксимации линии тренда (21%), что может говорить о низком уровне использования банковского потенциала в производственном развитии регионов.

Создание финансово-промышленных групп может привести к повышению конкурентоспособности и эффективности производств,

привлечению дополнительных инвестиций и их контролю, созданию рациональных технических связей, новых рабочих мест и расширению рынков сбыта продукции. Учитывая, что нефтегазовая отрасль высоко национализирована, а крупнейшие нефтегазовые компании развиваются под прямым или косвенным (индикативным) управлением органов государственной власти, образование таких ФПГ возможно по инициативе правительства с привлечением госкомпаний или на основе межправительственных соглашений. Тенденция уменьшения инвестиций в основной капитал нефтегазовых регионов ПФО по государственной форме собственности за отчетный период и одновременного ее увеличения по частной форме собственности с высокой достоверностью аппроксимации доказывает рациональность предположения о необходимости внедрения ФПГ в нефтегазохимический комплекс на региональном уровне. Это подтверждается также и тем, что динамика снижения инвестиций в основной капитал по государственной форме собственности и возрастание по частной форме собственности в нефтегазовых регионах значительно интенсивнее, чем в среднем по ПФО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ергин Д. В поисках энергии. Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики. М.: Альпина Паблишер, 2016. 720 p.
2. Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy. *The Economic Journal*, 1982, no. 368, pp. 825–848.
3. Gylfason Th. Nature, power and growth. *Scottish Journal of Political Economy*, 2001, pp. 558–588.
4. Mavrotas G., Murshed S.M, Torres S. Natural resource dependence and economic performance in the 1970–2000 period. *Review of Development Economics*, 2011, vol. 15, iss. 1, pp. 124–138.
5. Rodriguez F., Rodrik D. Trade policy and economic growth: A skeptic's guide to the cross-national evidence. *NBER Macroeconomics Annual*, 2000, vol. 15, pp. 261–338.
6. Sachs J. Government, geography, and growth: The true drivers of economic development. *Foreign Affairs*, 2012, vol. 91, no. 5, pp. 142–150.
7. Кузовкин А.И. Влияние отмены экспортной пошлины на нефть на внутренние цены на нефть и нефтепродукты в России и в других странах ЕАЭС // Микроэкономика. 2017. № 2. С. 44–49.
8. Волконский В.А., Кузовкин А.И. Цены и налоги на нефть и нефтепродукты в контексте долгосрочного экономического развития России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 28–39.

9. Голубченко Н.В., Кузовкин А.И. Налоговая реформа в нефтяной промышленности России и оценка природной ренты // Микроэкономика. 2016. № 5. С. 28–36.
10. Даниленко Л.Н. Рентно-сырьевая российская экономика: миф или реальность? // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 19. С. 34–47.
11. Маликова О.И. Влияние технологических изменений на энергетическом рынке на условия конкуренции и цены на энергоносители // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2015. № 1. С. 41–59.
12. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business, 2012. 571 p.
13. Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson «Why Nations Fail» // Журн. новой экон. ассоциации. 2017. № 3. С. 12–38.
14. Мишина Д.В. Экспортно-сырьевая модель экономического роста как фактор, препятствующий инновационному развитию России // Фундамент. иссл. 2014. № 9. С. 644–648.
15. Шафраник Ю.К., Крюков В.А. Можно ли соединить «пространство нефти» и «нефть в пространстве»? // ЭКО. 2018. № 1. С. 68–77.
16. Соловьев М.М. Проблемы и вызовы нефтяной отрасли России в XXI веке // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. 2015. № 2. С. 147–154.
17. Крюков В.А., Шмат В.В. Российская нефтегазохимия в пространстве и времени // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 56–65.
18. Токарев А.Н. Особенности социально-экономического развития ресурсных регионов России // Вестн. Сев.-Вост. фед. ун-та им. М.К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 1. С. 7–15.
19. Комплексное исследование состояния нефтегазового комплекса ресурсных регионов / Л.В. Эдер [и др.] // Эколог. вестн. России. 2018. № 10. С. 1–6.
20. Беилин И.Л. Трехфакторная модель управления устойчивостью инновационного химического проекта в условиях экономической неопределенности // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 1. С. 141–154.
21. Беилин И.Л., Хоменко В.В. Управление себестоимостью инновационного химического проекта на основе подходов нечеткой логики // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7. № 4. С. 437–448.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Леонидович Беилин – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». Российская Федерация, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а; e-mail: i.beilin@rambler.ru

Beilin I.L.

IMPACT ASSESSMENT OF OIL AND GAS REVENUES ON THE STRUCTURE AND DYNAMICS OF INVESTMENTS IN THE REGIONAL FIXED ASSETS (THE CASE OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT)

The article presents an analysis of the structure and dynamics of investments in fixed assets of the oil and gas regions of the Volga Federal District. Their production activities for extraction and processing of oil and gas are the main revenue part of their budget system. In particular, their budgets are formed mainly from taxes on organizations' profit and property, as well as personal income tax from oil and gas economic activities. Such regions in the Volga Federal District include the Republic of Bashkortostan, the Republic of Tatarstan, the Udmurt Republic, the Perm Krai, the Orenburg Oblast and the Samara Oblast. The author has carried out a regression analysis of the dynamics of investments' distribution in fixed assets of the oil and gas regions of the Volga Federal District by sources of financing and forms of ownership. The first includes own and borrowed funds, bank loans and budget funds, federal and regional budget, the second is the Russian state and private forms of ownership. The results of the regression analysis led to the development of a new approach to assessing the impact of oil and gas revenues on the structure and dynamics of fixed capital investments in the region by cluster analysis of fixed capital investments by production types of fixed assets and production types of economic activity. The study allowed detecting the imbalances of investments in fixed assets of individual oil and gas regions and offering a solution to the problem. It consists in the creation by regional authorities of indicative conditions for development of interregional oil and gas financial and industrial groups as structures that consolidate the investment and production component of oil and gas production and processing activities taking into account its traditionally high profitability. Such structures can systematically solve a complex of material and technical problems of a number of oil and gas regions in the field of production of hard-to-recover oil, rational utilization of associated petroleum gas, increasing competitiveness of products of deep chemical processing of hydrocarbon raw materials.

Oil and gas region, investments in fixed assets, regional economy, fixed funds, mining, manufacturing.

REFERENCES

1. Ergin D. *V poiskakh energii. Resursnyye voiny, novye tekhnologii i budushchee energetiki* [In Energy Search. Resources Wars, New Technologies and Future of Energy]. Moscow: Al'pina Publisher, 2016. 720 p.
2. Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy. *The Economic Journal*, 1982, no. 368, pp. 825–848.
3. Gylfason Th. Nature, power and growth. *Scottish Journal of Political Economy*, 2001, pp. 558–588.
4. Mavrotas G., Murshed S.M, Torres S. Natural resource dependence and economic performance in the 1970–2000 period. *Review of Development Economics*, 2011, vol. 15, iss. 1, pp. 124–138.
5. Rodriguez F., Rodrik D. Trade policy and economic growth: A skeptic's guide to the cross-national evidence. *NBER Macroeconomics Annual*, 2000, vol. 15, pp. 261–338.
6. Sachs J. Government, geography, and growth: The true drivers of economic development. *Foreign Affairs*, 2012, vol. 91, no. 5, pp. 142–150.
7. Kuzovkin A.I. The impact of export duty abolition on oil on domestic prices for oil and petroleum products in Russia and in other EAEU countries. *Mikroekonomika=Microeconomics*, 2017, no. 2, pp. 44–49 (in Russian).
8. Bolkonskii V.A., Kuzovkin A.I. Prices and taxes on oil and petroleum products in the context of Russia's long-term economic development. *Problemy prognozirovaniya=Forecasting Problems*, 2019, no. 3, pp. 28–39 (in Russian).

9. Golubchenko N.V., Kuzovkin A.I. Tax reform in the Russian oil industry and the assessment of natural oil. *Mikroekonomika=Microeconomics*, 2016, no. 5, pp. 28–36 (in Russian).
10. Danilenko L.N. Russian mineral-resource-renting economy: a myth of reality? *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*, 2014, no. 19, pp. 34–47 (in Russian).
11. Malikova O.I. The influence of technological changes on the energy market on the conditions of competition and on energy sources prices. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika=The Moscow University Economics Bulletin*, 2015, no. 1, pp. 41–59 (in Russian).
12. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business, 2012. 571 p.
13. Natkhov T.V., Polishchuk L.I. Political economy of institutions and development: the importance of being inclusive. Reflection on “Why Nations Fail” by D. Acemoglu and J. Robinson. Part II. Institutional change and implication for Russia. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=The Journal of the New Economic Association*, 2017, no. 3, pp. 12–38 (in Russian).
14. Mishina D.V. Export of raw materials model of economic growth as a factor impeding the innovative development of Russia. *Fundamental’nye issledovaniya=Fundamental Research*, 2014, no. 9, pp. 644–648 (in Russian).
15. Shafranik Yu.K., Kryukova V.A. Is it possible to join “Space of oil” and “Oil in space”? *EKO=ECO Journal*, 2018, no. 1, pp. 68–77 (in Russian).
16. Solovyov M.M. The issues and the challenges for Russian oil industry in the XXI century. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 2, pp. 147–154 (in Russian).
17. Kryukov V.A., Shmat V.V. Russian oil and gas chemistry in space and time. *Problemy prognozirovaniya=Forecasting Problems*, 2020, no. 6, pp. 56–65 (in Russian).
18. Tokarev A.N. Features of the socio-economic development of Russian resource region. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal’nogo unstituta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul’turologiya=Vestnik of North-Eastern federal University. Economics, Sociology, Culturology*, 2017, no. 1, pp. 7–15 (in Russian).
19. Eder L.V. et al. Comprehensive study of the state of oil and gas complex of resource regions. *Ekologicheskii vestnik Rossii=Russian Ecological Bulletin*, 2018, no. 10, pp. 1–6 (in Russian).
20. Beilin I.L. Three-factor model for managing the sustainability of an innovative chemical project under conditions of economic uncertainty. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki=Russian Journal of Innovation Economics*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 141–154 (in Russian).
21. Beilin I.L., Khromchenko V.V. Cost management of an innovative chemical project based on fuzzy logical approaches. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki=Russian Journal of Innovation Economics*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 437–448 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor’ L. Beilin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”. 7A, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation; e-mail: i.beilin@rambler.ru

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.8

УДК 338.48 | ББК 65.04

© Лебедева М.А.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕГИОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РОССИИ¹

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

ORCID: [0000-0002-7310-6143](https://orcid.org/0000-0002-7310-6143); ResearcherID: [R-8097-2018](https://orcid.org/R-8097-2018)

Одной из важнейших проблем человечества в XXI веке является глобальное изменение климата, основную причину которого ученые видят в чрезмерных объемах выброса парниковых газов. Ключевая роль в решении этой проблемы отведена альтернативной энергетике как отрасли, характеризующейся очень низким углеродным следом или его отсутствием. В условиях российских регионов, особенно северных, в наибольшей степени подверженных негативному воздействию последствий климатических изменений, актуальность развития альтернативной энергетики возрастает в связи с тем, что некоторые из них или энергодефицитны, или изолированы от единой энергетической системы страны. Цель работы заключается в анализе состояния и перспектив развития альтернативной энергетики в регионах Крайнего Севера России. В ходе исследования установлено, что на краткосрочной основе наиболее перспективна и конкурентоспособна распределенная альтернативная энергетика, в силу малой мощности ее объектов и очаговости размещения производительных сил. Погодно-климатический барьер северной зоны можно преодолеть, используя инновационные адаптированные технологии, комбинированные установки и энергонакопители. На данный момент главными барьерами для развития зеленой энергетики на Севере выступают недостаточный уровень развития транспортной инфра-

Для цитирования: Лебедева М.А. Состояние и перспективы развития возобновляемой энергетики в регионах Крайнего Севера России // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 139–155. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.8

For citation: Lebedeva M.A. The state and prospects of renewable energy development in the regions of the Far North of Russia. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 139–155. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.8

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

структуры, дороговизна строительства объектов возобновляемой энергетики и их внедрения в существующую схему энергоснабжения. Северные регионы остаются малопривлекательными для развития в них зеленой энергетики по причине наличия выявленных барьеров, но при этом имеют необходимые природно-климатические ресурсы. Основными экономическими стимулирующими инструментами являются договоры поставленной мощности и субсидии-компенсации затрат на технологическое присоединение объектов возобновляемой энергетики. Несмотря на это, в перспективе на 2024 год значительное увеличение мощностей объектов зеленой энергетики на Севере России не планируется.

Крайний Север России, устойчивое развитие, зеленая экономика, возобновляемая энергетика, возобновляемые источники энергии, несубсидированная нормированная стоимость, ценовой паритет, межрегиональное сотрудничество.

Введение

В настоящее время обеспечение устойчивого развития социально-экономических систем различного уровня является важнейшей задачей, от решения которой зависит благополучие всего человечества. Учитывая это, 2022 год объявлен Международным годом фундаментальных исследований в целях устойчивого развития человечества². В «Повестке дня на период до 2030 года» Генеральной ассамблеей ООН были определены 17 целей устойчивого развития, среди них следует выделить «борьбу с изменением климата», а также «недорогую и чистую энергию». Ключевым элементом при достижении указанных целей выступает переход от традиционной к альтернативной энергетике. Обусловлено это тем, что альтернативная энергетика является отраслью с низким антропогенным воздействием на природу (в т. ч. меньшими объемами выбросов парниковых газов – основной причины современного изменения климата) [1–3]. Более того, развитие такой низкоуглеродной энергетики позволяет положительно воздействовать не только на экологию, но и на экономику через создание рабочих мест, повышение надежности энергогенерации, формирование добавленной стоимости [4–6].

Переход к альтернативной энергетике важен и с точки зрения здоровья человека, так как энергетика, функционирующая на ископаемом топливе, негативно влияет на здоровье и жизни людей, а также на концентрацию парниковых газов (ПГ) в приземном слое атмосферы (табл. 1).

Таблица 1. Влияние объектов энергетики на смертность населения и эмиссию ПГ

Источник	Смертность от несчастных случаев на производстве и загрязнения воздуха, случаев на тераватт-час произведенной энергии	Эмиссия парниковых газов, т
Уголь (25% мировой энергетики)	24,60	820
Нефть (31% мировой энергетики)	18,40	720
Природный газ (23% мировой энергетики)	2,80	490
Биомасса (7% мировой энергетики)	4,60	78–230
Гидроэнергетика (6% мировой энергетики)	0,02	34
Ядерная энергия (4% мировой энергетики)	0,07	3
Ветер (2% мировой энергетики)	0,04	4
Солнечная радиация (1% мировой энергетики)	0,02	5

Источник: Ritchie H. What are the safest and cleanest sources of energy. URL: <https://ourworldindata.org/safest-sources-of-energy> (accessed 27.01.2021).

Как видно из таблицы 1, наименьшее воздействие оказывают атомные электростанции (АЭС), гидроэлектростанции (ГЭС), солнечные и ветровые электростанции (СЭС и ВЭС соответственно). Однако в случае аварий на СЭС и ВЭС неблагоприятными последствиями окажутся только проблемы в энергообеспечении территории, в то время как при авариях на ГЭС и АЭС помимо прекращения энергогенерации последствиями будут человеческие жертвы, экологические

² Денисова А. Когда дом един. Сохранить Землю для людей удастся лишь сообща // Поиск. 2021. № 19–20. С. 12.

Таблица 2. Прогнозируемые изменения температуры у земной поверхности по причине изменения климата

Территория	Прогнозные сценарии температуры у земной поверхности, °С								
	сценарий RCP 2,6			сценарий RCP 4,5			сценарий RCP 8,5		
	2011–2031 гг.	2041–2060 гг.	2080–2099 гг.	2011–2031 гг.	2041–2060 гг.	2080–2099 гг.	2011–2031 гг.	2041–2060 гг.	2080–2099 гг.
Крайний Север	1,6–2,7	2,4–4,6	2,3–4,7	1,5–2,7	2,7–5,4	3,6–7,5	1,6–2,9	3,6–6,7	6,2–12,2
Средняя полоса РФ	1,3–1,5	1,5–2,3	1,7–2,3	1,2–1,4	2,3–2,8	2,9–3,8	1,3–1,6	2,9–3,4	5,5–7,0
Юг России	1,0–1,5	1,5–2,4	1,5–2,2	1,0–1,5	1,8–2,9	2,4–3,8	1,1–1,5	2,8–3,6	4,3–6,9

Составлено по: Сценарные прогнозы на основе глобальных моделей. URL: <https://cc.voeikovmgo.ru/ru/klimat/izmenenie-klimata-rossii-v-21-veke>; Сценарии RCP (Representative Concentration Pathways) – сценарии эволюции антропогенных выбросов парниковых газов в атмосферу в будущем. Индекс сценария соответствует величине глобального антропогенного радиационного воздействия, достигаемого в 2100 году, а именно: 2,6; 4,5 и 8,5. В нашей работе показаны три базовых сценария: RCP 2,6; RCP 4,5; RCP 8,5.

катастрофы и кризисы, а в некоторых случаях – полностью парализованная экономика территории.

Так же как и в большинстве стран мира, актуальность развития альтернативной энергетики в российских регионах обусловлена необходимостью предотвращения климатических изменений. По данным Климатического центра Росгидромета, при наиболее неблагоприятном сценарии (RCP 8,5) через 70 лет изменения среднегодовой температуры у земной поверхности могут достичь 12,2 °С относительно периода 1981–2000 гг. (табл. 2).

Как можно заметить, наибольшее негативное воздействие последствия изменения климата окажут на северные и арктические территории, где даже в рамках наиболее оптимистичного сценария повышение температуры через 70 лет может достигнуть почти 5 °С.

Если же рассматривать самый пессимистичный сценарий, то изменение температуры в пределах 6,4–12,2 °С может отразиться на здоровье и смертности населения, на природно-ресурсном потенциале, в частности биоразнообразии, а также имеющихся на этой территории сооружениях вследствие таяния многолетней мерзлоты. Профессор ИНП РАН Б. Ревич отмечает, что эти последствия изменения климата проявляются уже в настоящее время⁵.

Кроме того, актуальность развития альтернативной энергетики обусловлена и определенными проблемами с энергообеспечением, несмотря на значительные запасы топливно-энергетических ресурсов на севере страны (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, четыре из 14 регионов Крайнего Севера изолированы от общей энергетической системы страны и еще четыре являются энергодефицитными. Отмечается, что в таких условиях при наличии соответствующих природно-климатических ресурсов и потенциальных потребителей численностью около 20 млн человек (примерная численность населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему территорий) альтернативная энергетика, возможно, будет более эффективной и конкурентоспособной, чем функционирующие сейчас котельные на дизельном топливе [7].

В связи с этим целью нашего исследования является анализ состояния и перспектив развития альтернативной энергетики в регионах Крайнего Севера России.

Новизна работы заключается в определении барьеров для развития объектов возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в северных регионах, а также в систематизации основных способов их преодоления.

⁵ Дризе Ю. Жаркое дыхание Севера // Поиск. 2020. № 39. С. 8–9.

Таблица 3. Соотношение потребления и выработки электроэнергии в регионах Крайнего Севера России, %

Год	Регион										Чукотский авт. округ	Магаданская область	Камчатский край	Сахалинская область
	Архангельская область + НАО	Республика Карелия	Республика Коми	Мурманская область	Иркутская область	Тюменская область + ХМАО + ЯНАО	Красноярский край	Республика Тыва*	Республика Саха (Якутия)	Хабаровский край				
2011	118,4	224,9	91,2	74,5	88,0	90,4	88,2	1335,7	51,3	131,5	Изолированы от ЕЭС России			
2012	115,7	172,2	93,9	76,9	88,2	90,2	93,8	1659,1	53,0	125,2				
2013	115,4	172,9	95,3	72,8	100,0	88,2	100,0	100,1	100,0	100,0				
2014	115,0	166,1	92,4	74,4	95,9	89,3	0	1666,9	55,6	101,7				
2015	117,6	156,0	91,0	73,9	109,4	90,2	73,1	2135,4	53,3	92,6				
2016	114,2	163,2	93,3	72,1	107,9	90,2	100,0	2056,7	58,3	102,8				
2017	116,8	150,8	92,9	73,2	111,3	93,3	75,6	2199,2	59,6	97,9				
2018	117,5	158,8	89,4	72,5	108,1	92,0	77,1	2103,9	66,4	95,8				
2019	117,1	159,1	88,8	76,3	96,4	92,1	80,0*		89,1**	125,6				
2020	115,7	142,9	88,7	75,1	93,8	93,0	82,1		89,5	126,9				
2020 год к 2011 году, п. п.	-2,7	-82,0	-2,6	0,6	5,8	2,6	-6,1	768,2	38,3	-4,6				

Курсивом выделены энергодефицитные регионы.
 * С 2019 года системный оператор единой энергетической системы учитывает генерацию и потребление энергии Республикой Тыва совместно с Красноярским краем, чем обусловлен небольшой рост соотношения потребление/выработка в последнем.
 ** В Якутии до 2018 года системный оператор единой энергетической системы учитывал только Южно-Якутский энергоцентр, чем обусловлено увеличение соотношения потребление/генерация с 2018 года.
 Составлено по: данные информационных ежемесячных обзоров Единой энергетической системы России: промежуточные итоги (оперативные данные) за период с 2011 по 2020 год.

Теоретические

основы исследования

В настоящее время не сложилось единое определение категории «альтернативная энергетика». Наряду с ней используются такие понятия, как «возобновляемая энергетика», «зеленая энергетика», «устойчивая энергетика». Как правило, под альтернативной энергетикой понимаются все те объекты и способы генерации энергии, которые нельзя отнести к традиционным. К возобновляемой энергетике относятся объекты и генерация на основе возобновляемых и/или неисчерпаемых ресурсов. Низкоуглеродную энергетику чаще называют зеленой. Большинство исследователей проблем устойчивого раз-

вития используют эти категории как синонимы, под ними, как правило, подразумевается энергия, доступная для потребителей физически и финансово, генерация которой экономически выгодна и экологически безопасна [1; 3; 4; 8; 9].

Единственное, на что стоит обратить внимание, на наш взгляд, это гидроэнергетика и атомная энергетика – типы энергетики, которые, в отличие от прочих традиционных и нетрадиционных типов генерации, могут быть охарактеризованы с помощью различных категорий. Так как в основе работы гидроэлектростанций лежит движение водного потока, а атомной электростанции – ядерная реакция, то они являются низко-

Таблица 4. Виды альтернативной энергии

Объект энергетики	Источник энергии
Солнечные электростанции (СЭС)	Электромагнитное излучение Солнца
Ветряные электростанции (ВЭС)	Кинетическая энергия ветра
Малые ГЭС (МГЭС)	Движение воды в реках
Приливные и волновые электростанции	Движение воды в океанах и морях
Геотермальные станции (ГеоЭС)	Тепловая энергия горячих источников планеты
Сжигание возобновляемого топлива	Химическая энергия возобновляемого топлива
Криоэнергетика	Накопление избыточной энергии посредством сжижения воздуха
Водородная энергетика	Использование водорода в качестве средства для аккумуляирования, транспортировки, производства и потребления энергии
Грозовая энергетика	Улавливание и перенаправление энергии молний в электросеть
Гравитационная энергетика	Накопление избыточной энергии посредством запасаания ее в виде потенциальной энергии гравитационного поля
Источник: составлено автором.	

углеродными (зелеными). В то же время крупные гидроэлектростанции и атомные электростанции относятся к традиционным источникам энергии, а аварии на таких объектах влекут за собой не только проблемы с энергообеспечением, но и человеческие жертвы, экологические катастрофы, в связи с чем в рамках нашего исследования эти типы генерации будут рассматриваться как традиционные. Малые ГЭС (МГЭС), которые, подобно крупным, работают на движении водного потока, в случае аварии не провоцируют более серьезных проблем, чем временные перебои в энергообеспечении, поэтому будут отнесены нами к альтернативной энергетике.

Основной принцип генерации альтернативной энергии заключается в ее извлечении из постоянно происходящих в окружающей среде процессов или возобновляемых органических ресурсов и предоставлении для технического применения. Возобновляемую энергию получают из природных ресурсов, таких как солнечный свет, водные потоки, ветер, приливы и геотермальная теплота, которые являются возобновляемыми (пополняются естественным путем), а также из биотоплива древесины, растительного мас-

ла (рапс, рыжик и т. д.), этанола [2; 10; 11] (табл. 4).

Практика показывает, что такие виды энергетике, как криоэнергетика, грозовая, гравитационная энергетика, не получили столь широкого применения в мире, как ветровая, солнечная, био- и малая гидроэнергетика.

По мнению А. Кокорина, В. Бердина [10], Т. Klarin [11], J. Randers, D. Meadows [12], д-ра экон. наук Н.Н. Яшаловой [13], д-ра экон. наук М.Ф. Замятиной [14], а также ОЭСР⁴, ЮНЕП⁵, альтернативная энергетика является неотъемлемой составляющей реализации концепций зеленой экономики и устойчивого развития.

В рамках концепций устойчивого развития и зеленой экономики альтернативной энергетике необходимо стать устойчивой и обладать следующими признаками:

- 1) источники энергии должны быть возобновляемыми или неисчерпаемыми;
- 2) энергия должна эффективно производиться и эффективно использоваться;
- 3) быть экономически и финансово жизнеспособной;
- 4) быть безопасной и разнообразной (по используемым источникам);

⁴ Declaration on Green Growth Adopted at the Meeting of the Council at Ministerial Level on 25 June 2009. 2 p.

⁵ Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011. 52 с.; Будущее, которого мы хотим. Рио-де-Жанейро, 2012. 66 с.

Таблица 5. Преимущества и недостатки альтернативной энергетики

Преимущества	Недостатки
Стимулирование развития наукоемких технологий	В большинстве случаев энергия альтернативных источников носит рассеянный характер и характеризуется небольшой плотностью энергетических потоков, что ведет к необходимости больших габаритов энергоустановок
Экономия собственных ископаемых (нефть, газ, уголь)	Более низкие экономические показатели (большой срок окупаемости, низкая привлекательность для инвесторов)
Ориентация на использование местных энергоресурсов, что позволяет снизить энергопотери	Нестабильность выдачи мощности, которая снижает эффективность прогнозирования и управления электростанцией
Низкая вероятность техногенных катастроф (аварий, наводнений)	Сильная зависимость от погодных условий, необходимость резервировать мощностями традиционной энергетики (для нестабильных источников энергии, таких как солнце, ветер)
Меньшее воздействие на окружающую среду	Сооружение сложной дорогой инфраструктуры для обеспечения возможности получения электроэнергии от других производителей (или из других районов) в случае снижения выработки электроэнергии от нестабильных источников, необходимость создания «умных сетей» (smart-grid)
Источник: [15].	

5) быть социально справедливой (доступной в физическом и экономическом аспектах);

6) оказывать положительное социальное воздействие;

7) минимизировать воздействие на окружающую среду [8].

В целом возобновляемые источники энергии, такие как солнечная, ветровая и гидроэлектрическая энергия, широко считаются устойчивыми.

Альтернативная энергетика, так же как и традиционная (ТЭС, ГЭС, АЭС), имеет свои плюсы и минусы (табл. 5).

Основными предпосылками, определившими необходимость развития возобновляемой энергетики в мире, стали:

1) необходимость смягчения последствий изменения климата [16];

2) сокращение местного загрязнения воздуха и связанных с ним затрат и последствий для здоровья; по оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), 7,3 млн преждевременных смертей в год связаны с загрязнением воздуха; более низкие уровни загрязнения воздуха могут быть достигнуты путем перехода на более чистую энергию⁶;

3) повышение энергетической безопасности за счет снижения зависимости от им-

порта энергоносителей и защиты от непредсказуемых глобальных энергетических рынков [16];

4) повышение устойчивости энергетической системы в ожидании более частых событий, связанных с изменением климата, и стихийных бедствий; использование распределенных систем возобновляемой энергии и интеграции микросетей, наряду с более широким применением аккумуляторных батарей, может защитить от сбоя всю энергетическую систему [16];

5) возможность расширенного доступа к энергии;

6) средство создания добавленной стоимости;

7) создание рабочих мест.

В мире за последние годы мощность электростанций, функционирующих на основе ВИЭ, значительно выросла, так же как и инвестиции в ее развитие (табл. 6).

К концу 2019 года мощность ветрогенераторов выросла более чем в 4 раза (651 ГВт) по сравнению с показателем 2009 года (159 ГВт), а солнечных – в 29 раз (с 21 до 627 ГВт).

Особую актуальность переход от традиционной энергетики к альтернативной приобрел вследствие обострения проблемы глобального изменения климата. Одной из

⁶ Air quality and health. Copenhagen, 2018. 9 p.

Таблица 6. Показатели развития альтернативной энергетике в мире

Год	Инвестиции в новые возобновляемые мощности, млрд долл.	Возобновляемые источники энергии, ГВт	Мощность ГЭС, ГВт	Мощность ВЭС, ГВт	Мощность СЭС, ГВт	Производство этанола, млрд л	Производство биодизеля, млрд л
2005	40,0	930	750	59	3,5	33,0	3,9
2006	55,0	970	763	74	5,1	39,0	6,0
2007	104,0	1070	830	94	7,5	50,0	9,0
2008	120,0	1140	860	121	13,5	67,0	12,0
2009	150,0	1230	980	159	21	76,0	17,0
2010	220,0	1260	945	198	40	96,5	18,5
2011	257,0	1360	970	238	70	86,1	21,4
2012	249,0	1440	960	283	100	82,6	23,6
2013	214,4	1560	1000	318	139	87,2	26,3
2014	273,0	1701	1036	370	177	94,5	30,4
2015	312,2	1856	1071	433	228	98,3	30,1
2016	241,6	2017	1096	487	303	98,6	30,8
2017	279,8	2195	1114	539	402	106,0	36,9
2018	296,0	2387	1135	591	512	111,0	47,0
2019	301,7	2588	1150	651	627	114,0	53,5

Источник: Renewables Global Status Report. REN21, 2005–2019 гг.

первых попыток решения этой проблемы на международном уровне стала Рамочная конвенция ООН об изменении климата, подписанная более чем 150 странами мира в 1992 году⁷. Главная ее цель – стабилизация концентрации парниковых газов для недопущения негативного воздействия на климатическую систему. Страны-участники в зависимости от уровня экономического развития должны были действовать в направлении снижения, предотвращения выбросов ПГ, что главным образом обеспечивалось за счет низкоуглеродной и альтернативной энергетики. Основными недостатками данного документа явились отсутствие юридических обязательств государств по количественному сокращению выбросов ПГ, а также тот факт, что предписанные обязательства ограничивались 2000

годом и в дальнейшем были признаны недостаточными.

Следующим этапом действий по предотвращению изменения климата на международном уровне стал Киотский протокол⁸, созданный с целью практической реализации положений Рамочной конвенции и коррекции ее недостатков в 1997 году. Этот документ представлял собой только первый этап решения проблемы по снижению выбросов и концентрации ПГ в атмосферном воздухе. Основными принципами его реализации стали предосторожность и дифференцированность ответственности. Именно на этом этапе признавалась важность перестройки всей экономики (переход к зеленой экономике), прежде всего энергетики (переход от традиционной энергетики к альтернативной).

⁷ Рамочная Конвенция ООН об изменении климата. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/climate.pdf

⁸ Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml

После прекращения действия Киотского протокола было разработано и подписано Парижское соглашение⁹, направленное на «укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в контексте устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты» посредством низкоуглеродного развития, особенно важной составляющей которого выступает энергетический сектор, потому как существенное снижение концентрации ПГ в приземном слое атмосферы возможно только при условии снижения выбросов ПГ в энергетике.

Как отмечалось ранее, в России актуальность перехода к альтернативной энергетике обусловлена как необходимостью предотвращения последствий изменения климата, так и решением проблем энергообеспечения. Исследования на эту тему немногочисленны и, как правило, ориентированы на использование имеющихся местных природно-климатических ресурсов [9; 10]. В то же время есть ряд других аспектов, которые необходимо учитывать при развитии альтернативной энергетике в России.

Результаты исследования

Как отмечают чл.-корр. РАН, д-р геогр. наук, проф. В.Н. Лажнецов и канд. экон. наук С.А. Кожевников, северные регионы обладают огромным природно-ресурсным, транзитным и геостратегическим потенциалом [17; 18]. Однако существует ряд факторов, отличающих северные территории от других регионов и накладывающих определенные ограничения на развитие некоторых отраслей, в частности альтернативной энергетике.

Во-первых, это *погодно-климатические и географические особенности*. Северные регионы, особенно находящиеся за полярным кругом, характеризуются низкими, а иногда экстремально низкими температурами атмосферного воздуха, что накладывает некоторые технические ограничения на оборудование, а также может вызвать дополнительные тепловые потери. Кроме того,

в случае регионов Крайнего Севера имеют место довольно большие различия в продолжительности светового дня. Современные солнечные электростанции способны генерировать энергию и в пасмурную погоду, но в полярную ночь генерация энергии на таких электростанциях очень сильно снизится.

Во-вторых, *очаговое размещение производительных сил*, препятствующее развитию альтернативной энергетике, т. к. объекты такого вида энергогенерации характеризуются, как правило, небольшой мощностью и не могут при локально ограниченном размещении обеспечить энергией территории с очень высокой концентрацией потребителей. Альтернативная энергетика для производства большого количества энергии требует большого количества энергоустановок, которые в свою очередь займут обширную территорию (или акваторию), удаленную от места производства на значительные расстояния.

Помимо возможных энергопотерь это повлечет за собой регулярное значительное перемещение рабочей силы из места проживания к месту размещения энергоустановок, барьером чему послужит низкий уровень развития инфраструктуры. Для развития возобновляемой энергетике необходимо транспортировать энергетические установки, аккумуляторы, линии электропередач, для чего требуется хорошо развитая инфраструктура. В случае северных регионов и зависимости состояния инфраструктуры от погоды необходимы дополнительные затраты (от расчистки дорог от снега до ремонта).

Учитывая вышесказанное, выражаем солидарность с мнением ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН о том, что целевым направлением для развития ВИЭ на Севере РФ на краткосрочную перспективу должна стать именно распределенная энергетика. Это обусловлено как недостаточной энергообеспеченностью отдельных регионов и их частей, так и невозможностью быстрого перехода к альтернативной энергетике и смены специализа-

⁹ Парижское соглашение (на русском языке). URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf

ции некоторых регионов с добычи полезных (топливно-энергетических) ископаемых [7].

Для нивелирования воздействия суровых погодных-климатических условий, а также сильно выраженной сезонности в северных регионах целесообразно использовать комбинированные установки. Они представляют собой единый энергетический комплекс, который ориентируется на доступность необходимых ресурсов. То есть когда светит солнце – работают солнечные панели, когда дует ветер – работают ветрогенераторы, когда нет солнца и ветра, включается дизель-генератор. Однако он начинает функционировать, только если в прилегающей батарее совсем не осталось энергии, если есть необходимый ток и напряжение, то включается батарея. Такая комбинация позволяет не только бесперебойно обеспечивать потребителей электричеством, но и уменьшить стоимость за кВт*ч до 15–25 руб.¹⁰ Ситуация, когда на одном месте одновременно производится топливо и на его основе генерируется и потребляется энергия, позволяет снизить стоимость генерации [19–21].

Множество населенных пунктов регионов Крайнего Севера обеспечивается энергией из изолированных систем. Основными объектами их генерации являются дизельные электростанции с низким коэффициентом полезного действия (КПД) и высокой себестоимостью энергогенерации (доходит до 80–120 руб. за кВт*ч, при условии, что дизельное топливо доставляется один раз в год во время зимнего завоза). Для сравнения, цена централизованной электроэнергии составляет 3–4 руб. за кВт*ч для конечного потребителя¹¹.

Также стоит отметить, что сфера производства объектов альтернативной энергетики активно развивается. В первую очередь разрабатываются конструкции для повышения эффективности генерации, что в значительной степени позволяет преодолеть погодных-климатический барьер. Так, в ясные дни в Арктике при падении лучей

на оптимально ориентированную поверхность поступление энергии может достигать 6–8 кВт*ч/м² в день, что сравнимо с южными территориями России. На горизонтальную поверхность поступление солнечной энергии варьируется от 2 до 5 кВт*ч/м² в день.

Что касается ветровой энергетики, то вследствие обледенения эффективность ветряка может снизиться вплоть до нуля. В случае возникновения поверхностного обледенения наблюдается резкое снижение номинальной мощности оборудования ВЭУ, вплоть до его полного отказа. В Швеции для борьбы с экстремальным обледенением используются вертолеты, которые распыляют горячую воду, для того чтобы растопить ледяную корку на поверхности лопастей. Данный способ борьбы с обледенением преподносится как аварийный, применяющийся лишь в крайних случаях. Однако его стоимость весьма значительна и составляет величину стоимости электроэнергии, получаемой за несколько дней работы ветряка, поэтому для эксплуатации в арктических областях части ветрогенератора должны быть изготовлены из специальных морозостойких материалов и оборудованы эффективной системой антиобледенения. При этом все технические жидкости, используемые в генераторе, не должны замерзнуть. Однако, учитывая, что в настоящее время уже разработаны технологии безлопастных ветряков, плавучих приливных (волновых) электростанций, а также довольно энергоемких накопителей, в целом проблему снижения эффективности генерации из-за сурового климата можно решить.

Ассоциацией развития возобновляемой энергетики (АРВЭ) на основе данных реестров Ассоциации «НП Совет рынка», АО «АТС», региональных схем и программ развития электроэнергетики была составлена карта развития возобновляемой энергетики в регионах России 1 и 2 ценовой зоны оптового рынка электроэнергии и мощности. Согласно информации карты регионы

¹⁰ Перспективы использования альтернативных источников энергии в условиях Арктики // Альба парогенераторы. URL: <https://albamakina.ru/o-kompanii/articles/perspectivy> (дата обращения 22.03.2021).

¹¹ Эксперты: в Арктике возможно широкое применение альтернативной энергетики / ТАСС. URL: <https://tass.ru/v-strane/4382568> (дата обращения 22.03.2021).

Таблица 7. Природно-климатические ресурсы в регионах Крайнего Севера

Регион	Солнечная инсоляция, кВт*ч/м ²	Среднегодовая скорость ветра, м/с
Республика Карелия	947,0	8,2
Республика Коми	839,5	7,5
Ненецкий АО	839,5	7,7
Архангельская область без Ненецкого АО	912,5	7,8
Мурманская область	800,0	8,9
Ханты-Мансийский АО – Югра	949,0	6,9
Ямало-Ненецкий АО	839,5	8,9
Тюменская область	1091,0	7,93
Республика Тыва	1390,0	7,65
Красноярский край	1054,0	8,61
Иркутская область	1183,0	6,6
Республика Саха (Якутия)	1095,0	8,6
Камчатский край	1058,5	8,8
Хабаровский край	1241,0	6,7
Магаданская область	1022,0	9,1
Сахалинская область	949,0	10,4
Чукотский автономный округ	876,0	9,3

Источники: Карта развития возобновляемой энергетики в регионах России 1 и 2 ценовой зоны оптового рынка электроэнергии и мощности / Ассоциация развития возобновляемой энергетики. URL: <http://portal.rreda.ru> (дата обращения 28.04.2021); Карты ресурсов. ГИС ВИЭР. URL: <https://gisre.ru/maps> (дата обращения 28.04.2021).

Крайнего Севера на данный момент остаются непривлекательными для развития в них энергетики на основе ВИЭ, несмотря на наличие необходимых природно-климатических ресурсов. В другом источнике¹² указано: если посмотреть на соотношение объектов энергогенерации, то можно сделать вывод о том, что в настоящее время в северных регионах преобладает энергетика, функционирующая на основе ископаемого топлива. Исключением является только Республика Карелия, где из тринадцати эксплуатирующихся электростанций десять ГЭС, из них шесть – малые ГЭС.

В 2020 году только в семи из 14 регионов Крайнего Севера России эксплуатируются (или эксплуатируются и строятся одновременно) объекты генерации на основе ВИЭ, еще в одном регионе такие объекты только строятся (ВЭС «Звездочка» и ВЭС «Мирный», мощностью 25 и 60 МВт соответственно). Также строятся пять ВЭС в Мурманской области (Ветропарк «Лодейное», Мурманская

ВЭС, Кольская ВЭС, ВЭС «Териберка», Сеть-Наволоцкая ВЭС общей проектируемой мощностью 719 МВт). Лидером по внедрению объектов альтернативной энергетики среди северных регионов можно назвать Камчатский край, где в настоящее время эксплуатируются 12 объектов, работающих на основе ВИЭ (3 ВЭС, 6 МГЭС и 3 ГеоЭС). Наиболее тяжелая ситуация с энергообеспечением как за счет традиционных, так и за счет альтернативных источников наблюдается в Республике Тыва, где есть только один объект генерации энергии – Кызылская ТЭЦ мощностью 17 МВт, а эксплуатирующихся и строящихся объектов возобновляемой энергетики нет. Стоит отметить, что в соседнем с Республикой Тыва Красноярском крае, регионе, богатом топливно-энергетическими ресурсами и не испытывающем проблем с энергообеспечением, в настоящее время строится СЭС мощностью 2,5 МВт, и это при условии обеспечения среднегодовой солнечной инсоляцией 1054 Вт*ч/м² (табл. 7).

¹² Energybase.ru. URL: <https://energybase.ru/region> (дата обращения 10.05.2021).

Для сравнения, в Республике Тыва аналогичный показатель солнечной инсоляции составляет $1390 \text{ Вт}^*\text{ч}/\text{м}^2$ – самый высокий среди северных регионов. Возможно, строительство СЭС здесь позволило бы и повысить эффективность использования имеющегося природно-ресурсного потенциала, и смягчить проблему энергодефицита. Вторым северным регионом по количеству солнечной инсоляции является Хабаровский край ($1242 \text{ Вт}^*\text{ч}/\text{м}^2$), где СЭС не эксплуатируются и не строятся.

Развитие альтернативной энергетики на Крайнем Севере, как и в других регионах России, стимулируется посредством договоров о предоставлении мощности (ДПМ) ВИЭ на оптовом рынке электроэнергии и мощности, которые устанавливают право инвесторов на получение выгод от регулируемых цен. Механизм таких договоров предусматривает решение юридических и технических проблем, появляющихся при применении «зеленых» (более высоких) цен на электроэнергию ВИЭ. Как отмечают В. Бердин, А. Кокорин, Г. Юлкин, «объектом регулирования является не объем в $\text{кВт}^*\text{ч}$ (как в других странах), а мощность в МВт (то есть не продукт, а способность его произвести). Такая форма поддержки уникальна, поскольку она предполагает финансирование строительства энергетических мощностей, а не продажи электроэнергии. Механизм был запущен в 2013 году и рассчитан на период до 2024 года. Он охватывает солнечную, ветровую генерацию и малую гидроэнергетику (до 25 МВт)» [21].

Кроме договоров поставленной мощности Министерство энергетики РФ периодически организует комиссию по предоставлению субсидий из федерального бюджета в порядке компенсации стоимости технологического присоединения для владельцев объектов ВИЭ мощностью до 25 МВт.

К настоящему времени такую компенсацию получили ООО «АльтЭнерго» (строительство биоэлектростанций, Белгородская область) и АО «НордГидро» (строительство малых гидроэлектростанций, Республика Карелия)¹³. По правилам предоставления таких субсидий их размер не должен превышать 70% стоимости технологического присоединения. Максимальный размер субсидии составляет 15 млн руб. на один генерирующий объект. Для ее получения организация-владелец генерирующего объекта ВИЭ должна представить документы, подтверждающие право собственности на объект, соответствие электростанции технологическим требованиям (работает на основе ВИЭ мощностью не более 25 МВт), платежные документы и подтверждение проведенных работ. Так, в отношении двух вышеуказанных организаций Минэнерго вынесло следующее решение: при затраченных на технологическое присоединение БиоЭС ООО «АльтЭнерго» 9,77 млн руб. выделить субсидию в размере 4,88 млн руб.; при затраченных на две МГЭС АО «НордГидро» 1,61 млн руб. выделить субсидию в размере 806,9 тыс. руб.

В стратегическом аспекте на национальном уровне наблюдается смена приоритетов и целей развития энергетики в стране. В предыдущей версии генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до 2020 года¹⁴ кроме обеспечения надежности энергообеспечения и развития энергетической инфраструктуры значительное внимание в формулировках целей уделялось экологическому аспекту: сокращению потребления невозобновляемых топливно-энергетических ресурсов; снижению экологической нагрузки от деятельности топливно-энергетического комплекса.

В новой версии Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до

¹³ Решения о предоставлении субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку технологического присоединения генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии / Министерство энергетики России. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/12223> (дата обращения 09.02.2021).

¹⁴ Об одобрении Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до 2020 года: Распоряж. Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2008 года № 215-р.

Таблица 8. Доля ВИЭ в энергобалансе объединенных энергосистем (ОЭС), %

Энергосистема	2020 год	2025 год	2030 год	2035 год
ЕЭС РФ	0,9	0,9	0,9	1,0
ОЭС Северо-Запада	0,6	0,6	0,6	0,6
ОЭС Центра	0,2	0,2	0,2	0,2
ОЭС Средней Волги	0,7	0,8	0,8	0,7
ОЭС Юга	4,6	4,7	4,6	5,6
ОЭС Урала	0,9	0,9	0,9	0,9
ОЭС Сибири	0,4	0,4	0,4	0,4
ОЭС Востока России	0,0	0,0	0,0	0,0
Изолированные энергосистемы	2,2	2,3	2,5	2,9

Источник: Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2035 года.

2035 года¹⁵ основные цели направлены на энергообеспечение изолированных от единой энергосистемы территорий, повышение надежности энергообеспечения; обеспечение инфраструктуры для транспортировки энергии в соседние страны. Среди основных целей снижение экологической нагрузки и использования невозобновляемых ископаемых ресурсов не отражено. В то же время в этом документе планируется развитие ВИЭ, однако, по каким-то причинам, его доля в энергобалансе не запланирована как устойчиво растущая (табл. 8).

Согласно последней редакции Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики за период с 2020 по 2035 год планируется увеличить долю ВИЭ в энергобалансе страны только на 1 п. п. и тем самым довести ее до 1%. В Восточной объединенной энергосистеме вовсе не планируется внедрять мощности объектов ВИЭ в энергобаланс. Наибольшее количество мощности возобновляемой энергетики планируется в объединенной энергосистеме Юга.

Положительным моментом для северных территорий является тот факт, что в энергобаланс регионов, изолированных от Единой энергосистемы страны, планируется вовлечь 166 МВт (2,9% от общей мощности энергосистемы) мощностей объектов ВИЭ.

Опыт разных стран мира свидетельствует, что обширному внедрению альтернатив-

ных источников энергии главным образом способствовали три ключевых фактора: достижение ценового паритета и производительности с традиционной энергетикой; возможность экономичной и стабильной интеграции энергосетей; стимулирование развития технологических инноваций [22].

Во многих государствах несубсидированная нормированная стоимость электроэнергии (Levelized Cost of Energy, LCOE), получаемой с помощью наземных ВЭС и СЭС, уже фактически сравнялась или стала ниже стоимости энергии, генерируемой посредством большинства других технологий. Основным недостатком ВИЭ, препятствующим инвестированию и дальнейшему развитию этой сферы, считалась нестабильная генерация энергии по причине зависимости от погодных условий. Однако растущая доступность различных инноваций, в том числе аккумуляторных батарей, позволяет повысить надежность ВИЭ, необходимую для конкуренции с традиционными источниками [22].

С точки зрения цены наземные ветровые установки стали самым дешевым источником электроэнергии в мире (рис.).

Показатель LCOE для ВЭС и СЭС составляет 30–60 долл. США за 1 МВт*ч, что ниже цен на природный газ – наиболее дешевое ископаемое топливо (42–78 долл. США за 1 МВт*ч). По экономичности крупные фотоэлектрические СЭС лишь немного уступа-

¹⁵ Об утверждении Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики на период до 2035 года: Распоряж. Правительства Российской Федерации от 9 июня 2017 года № 1209-р. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/8504>

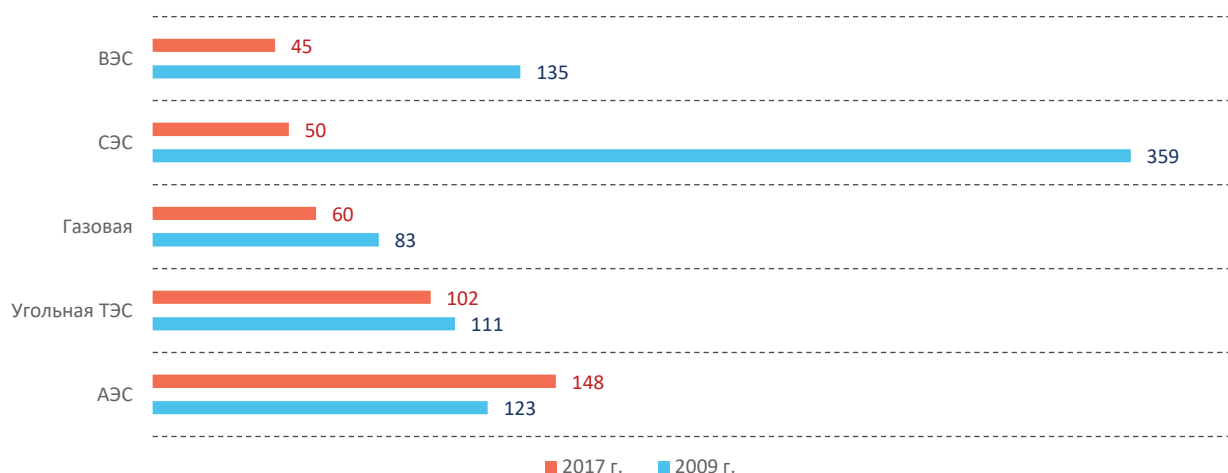

Рис. Медианное значение несубсидированной стоимости 1 МВт*ч, долл.

Источник: Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение: монография / под ред. О.В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 456 с.

ют ВЭС, занимая второе место. В частности, верхняя граница диапазона нормированной стоимости электроэнергии для крупных фотоэлектрических СЭС (43–53 долл. США / МВт*ч) ниже, чем для любого другого источника энергии [22]. Модернизация и техническое перевооружение ВЭС в развитых странах также приводят к снижению средней общемировой стоимости ветровой энергии за счет повышения коэффициента использования установленной мощности (КИУМ)¹⁶.

В случае распределенного производства электроэнергии (целесообразного для Крайнего Севера России) ценовой паритет будет достигнут тогда, когда самостоятельно вырабатывать энергию станет дешевле, чем платить по счетам энергетической компании. В области распределенной солнечной энергетики в государствах-лидерах по развитию ВИЭ ценовой паритет уже достигнут даже без субсидирования со стороны государства¹⁷.

Более того, отмечается, что достижению ценового паритета будет способствовать межгосударственная и межрегиональная работа над совместными проектами альтернативной энергетики. Такое партнерство также будет полезно при решении про-

блемы дисбаланса энергоресурсов. В качестве примера можно привести Германию и Великобританию с достаточно скромным количеством поступающего солнечного излучения, но в то же время именно в этих странах наблюдается передовое развитие солнечной энергетики. Одновременно Африка и Южная Америка располагают наибольшим объемом солнечных ресурсов, но значительная часть из них до сих пор не используется.

В Северной Европе и на некоторых территориях США особенно широко распространено создание энергообъединений с соседними государствами и регионами. Такое расположение энергообъектов может обеспечить более стабильную выработку энергии. Например, датская и немецкая энергосети интегрированы между собой и являются самыми надежными в мире. У регионов Крайнего Севера есть опыт такого энергообъединения. Речь идет о совместном (Россия и Норвегия) Пазском каскаде ГЭС на реке Паз, протекающей из Финляндии через Мурманскую область в Норвегию. В каскад входят семь ГЭС, пять из них в Мурманской области, две – в Норвегии. Генерируемая ими энергия распределяется

¹⁶ Мотыка М., Слотер Э.Э.К. Международные тенденции в области возобновляемых источников энергии. Солнечно-ветровая энергия: больше чем мейнстрим. Лондон: Delight Insight 2019. 39 с.

¹⁷ Эксперты: в Арктике возможно широкое применение альтернативной энергетики / ТАСС. URL: <https://tass.ru/v-strane/4382568> (дата обращения 22.03.2021).

в Россию, Норвегию и Финляндию. В то же время стоит отметить ограниченность возможности использовать такой инструмент в регионах Крайнего Севера России в международном масштабе по причине отсутствия у них большого количества межгосударственных границ (единственным северным регионом, у которого есть граница с другими странами, является Мурманская область). Тем не менее создание межрегиональных энергообъединений позволит, на наш взгляд, снизить энергодефицитность некоторых регионов, не оказывая значительного влияния на соседние. Например, при объединении энергосистем Республики Тыва и Красноярского края соотношение потребления и генерации окажется менее единицы, соответственно, не будет энергодефицитным (см. табл. 3).

Заключение

Таким образом, в ходе работы установлено, что основным направлением развития ВИЭ на Севере в краткосрочной перспективе должна стать распределенная энергетика. В настоящее время развитие ВИЭ в северных регионах не является приоритетным по сравнению традиционной энергетикой. Эти территории на данный момент оста-

ются малопривлекательными для развития альтернативной энергетики, несмотря на обеспеченность природно-климатическими ресурсами. Основными факторами, ограничивающими развитие альтернативной энергетики на Севере, выступают недостаточная развитость инфраструктуры и определенная дороговизна внедрения ВИЭ в текущую схему энергообеспечения изолированных от ЕЭС регионов. В то же время анализ показал возможность преодоления погодно-климатического барьера через применение инновационных адаптированных технологий генерации энергии на основе ВИЭ.

Дальнейшие этапы исследования будут посвящены проблемам преодоления выявленных барьеров, а также перспективам применения технологических решений («умные» сети, трансформация), разработке ГИС, отражающей текущее и оптимальное размещение объектов и инфраструктуры альтернативной энергетики.

Исследование вносит вклад в расширение понимания роли альтернативной энергетики в решении проблем изменения климата, энергообеспечения энергодефицитных и изолированных северных регионов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Irrsryad M.I., Halog, A., Nepal R. Renewable energy projections for climate change mitigation: An analysis of uncertainty and errors. *Renewable Energy*. Elsevier Ltd, 2019, vol. 130, pp. 536–546.
2. Solaun K., Cerda E. Climate change impacts on renewable energy generation. A review of quantitative projections. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2019, vol. 116, art. 109415 Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032119306239> (accessed 27.02.2021). DOI: 10.1016/j.rser.2019.109415
3. Guarda E.L., Domingos A., Mansuelo R., Jorge A., Hoffmann S., Martins D., Cleonice L., Sanches J., Machado C., Marlon L., Callejas I.J. The influence of climate change on renewable energy systems designed to achieve zero energy buildings in the present: A case study in the Brazilian Savannah. *Sustainable Cities Society*, 2020, vol. 52, art. 101843. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2210670719304512> (accessed 27.01.2021). DOI: 10.1016/j.scs.2019.101843
4. Chen A.A. [et al.]. Pathways to climate change mitigation and stable energy by 100% renewable for a small island: Jamaica as an example. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Elsevier Ltd, 2020, vol. 121, art. 109671. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032119308767> (accessed 27.04.2021). DOI: 10.1016/j.rser.2019.109671
5. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.

6. Кожевников С.А., Лебедева М.А. Проблемы перехода к зеленой экономике в регионе (на материалах Европейского Севера России) // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 72–88. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4
7. Порфирьев Б., Широков А., Колпаков А. Как пройти тур // Эксперт. 2021. № 4. С. 66–69.
8. Davidsdottir B. Sustainable energy development. *Comprehensive Renewable Energy*, 2012. Available at: <https://www.sciencedirect.com/topics/engineering/sustainable-energy-development/pdf> (accessed 27.01.2021).
9. Слепухина Т.А. Взаимодействие государства и бизнеса в сфере альтернативной энергетики стран Азиатско-Тихоокеанского региона на примере КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. 18. № 3. С. 117–124.
10. Бердин В., Кокорин А., Поташников Г. Развитие ВИЭ в России: потенциал и практические шаги // Экономическая политика. 2020. № 2. С. 106–135.
11. Klarin T. The Concept of sustainable development: From its beginning to the contemporary issues. *Zagreb International Review of Economics and Business*, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 67–94.
12. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. *The Limits to Growth*. New York: Universe book, 1997. 211 p.
13. Яшалова Н.Н. Стимулирование устойчивого эколого-экономического развития региона. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 372 с.
14. Замятина М.Ф. Теоретико-методологические проблемы управления регионом на принципах эколого-экономической и эколого-социальной сбалансированности // Экономика и управление. 2012. Т. 4. № 78. С. 54–59.
15. Гасникова А.А. Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. Т. 29. № 5. С. 77–88.
16. Ferroukhi R., Frankl P., Lins C. *Renewable Energy Policies in a Time of Transition*. Paris: REN21, IRENA, 2018. 112 p.
17. Кожевников С.А. Интеграция экономического пространства северного региона: особенности и проблемы обеспечения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6 (72). С. 68–83.
18. Лаженцев В.Н. Экономико-географические аспекты развития Севера России. Сыктывкар: ИСЭиЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2018. 93 с.
19. Использование возобновляемых источников энергии для энергоснабжения потребителей в Арктической зоне Российской Федерации / О.С. Попель [и др.] // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1. С. 64–69.
20. Смоленцев Д.О. Развитие энергетики Арктики: проблемы и возможности малой генерации // Арктика: экология и экономика. 2012. № 3. С. 22–29.
21. Возобновляемые источники энергии в изолированных населенных пунктах Российской Арктики / В.Х. Бердин [и др.]. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2017. 80 с.
22. Ермоленко Г., Сапаров М. Широкомасштабное развитие возобновляемых источников энергии и его влияние на рынок электроэнергии и сетевую инфраструктуру. ЕЭК ООН, 2020. 84 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Анатольевна Лебедева – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

Lebedeva M.A.

THE STATE AND PROSPECTS OF RENEWABLE ENERGY DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE FAR NORTH OF RUSSIA

One of the most important humanity problems in the 21st century is global climate change, the main cause of which scientists see in excessive amounts of greenhouse gas emissions. A key role in solving this problem is assigned to alternative energy as an industry characterized by a very low carbon footprint or its absence. In the conditions of the Russian regions, especially the northern ones, which are the most exposed to the negative impact of the consequences of climate change, the relevance of the alternative energy development increases due to the fact that some of them are either energy deficient or isolated from the unified energy system of the country. The purpose of the work is to analyze the state and prospects for developing alternative energy in the regions of the Far North of Russia. The study found that distributed alternative energy is the most promising and competitive on a short-term basis, due to the low capacity of its facilities and placement focality of productive forces. The weather and climate barrier of the northern zone can be overcome using innovative adapted technologies, combined installations and energy accumulators. At the moment, the main barriers to the green energy development in the North are insufficient level of transport infrastructure development, high cost of building renewable energy facilities and their introduction into the existing energy supply scheme. The northern regions remain unattractive for their green energy development due to the identified barriers, but at the same time, they have necessary natural and climatic resources. The main economic incentive instruments are contracts for the delivered capacity and subsidies-compensation for the costs of technological connection of renewable energy facilities. Despite this, there are no plans to significantly increase the capacity of green energy facilities in the Russian North in the future for 2024.

The Far North of Russia, sustainable development, green economy, renewable energy, renewable energy sources, non-subsidized normalized cost, price parity, interregional cooperation.

REFERENCES

1. Irrsryad M.I., Halog, A., Nepal R. Renewable energy projections for climate change mitigation: An analysis of uncertainty and errors. *Renewable Energy*. Elsevier Ltd, 2019, vol. 130, pp. 536–546.
2. Solaun K., Cerda E. Climate change impacts on renewable energy generation. A review of quantitative projections. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2019, vol. 116, art. 109415 Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032119306239> (accessed 27.02.2021). DOI: 10.1016/j.rser.2019.109415
3. Guarda E.L., Domingos A., Mansuelo R., Jorge A., Hoffmann S., Martins D., Cleonice L., Sanches J., Machado C., Marlon L., Callejas I.J. The influence of climate change on renewable energy systems designed to achieve zero energy buildings in the present: A case study in the Brazilian Savannah. *Sustainable Cities Society*, 2020, vol. 52, art. 101843. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2210670719304512> (accessed 27.01.2021). DOI: 10.1016/j.scs.2019.101843
4. Chen A.A. [et al.]. Pathways to climate change mitigation and stable energy by 100% renewable for a small island: Jamaica as an example. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Elsevier Ltd, 2020, vol. 121, art. 109671. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032119308767> (accessed 27.04.2021). DOI: 10.1016/j.rser.2019.109671
5. Uskova T.V. et al. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of the Territory's Economic Growth]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 170 p.
6. Kozhevnikov S.A., Lebedeva M.A. Problems of transition to green economy in the region (based on materials of the European North of Russia). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2019, vol. 4, no. 4 (102), pp. 72–88. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4 (in Russian).

7. Porfir'ev B., Shirov A., Kolpakov A. How to complete the tour. *Ekspert=Expert*, 2021, no. 4, pp. 66–69 (in Russian).
8. Davidsdottir B. Sustainable energy development. *Comprehensive Renewable Energy*, 2012. Available at: <https://www.sciencedirect.com/topics/engineering/sustainable-energy-development/pdf> (accessed: January 27, 2021).
9. Slepukhina T.A. State and business interaction in the field of alternative energy in the Asia-Pacific region by the example of the PRC. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, parvo=Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 117–124 (in Russian).
10. Berdin B., Kokorin A., Potashnikov G. Renewable energy development in Russia: potential capacities and practical steps. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*, 2020, no. 2, pp. 106–135 (in Russian).
11. Klarin T. The Concept of sustainable development: From its beginning to the contemporary issues. *Zagreb International Review of Economics and Business*, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 67–94.
12. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. *The Limits to Growth*. New York: Universe book, 1997. 211 p.
13. Yashalova N.N. *Stimulirovanie ustoichivogo ekologo-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Stimulating Sustainable Ecological and Economic Development of the Region]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2015. 372 p.
14. Zamyatina M.F. Theoretical and methodological problems of regional management in the sphere of ecological, economic and social balance. *Ekonomika i upravlenie=Economics and Management*, 2012, vol. 4, no. 78, pp. 54–59 (in Russian).
15. Gasnikova A.A. The role of conventional and alternative energy in the region of the North. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, vol. 29, no. 5, pp. 77–88 (in Russian).
16. Ferroukhi R., Frankl P., Lins C. *Renewable Energy Policies in a Time of Transition*. Paris: REN21, IRENA, 2018. 112 p.
17. Kozhevnikov S.A. Integration of economic space of the Northern region: features and problems of ensuring. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 6 (72), pp. 68–83 (in Russian).
18. Lazhentsev V.N. *Ekonomiko-geograficheskie aspekty razvitiya Severa Rossii* [Economic and Geographical Aspects of the Development of the Russian North]. Syktyvkar: ISE&EPN Komi SC UB RAS, 2018. 93 p.
19. Popel O.S. et al. Renewable energy for power supply in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika: ekologiya i ekonomika=Arctic: Ecology and Economy*, 2015, no. 1, pp. 64–69 (in Russian).
20. Smolentsev D.O. Arctic energy development: problems and opportunities of small-scale generation. *Arktika: ekologiya i ekonomika=Arctic: Ecology and Economy*, 2012, no. 3, pp. 22–29 (in Russian).
21. Berdin V.Kh. et al. *Vozobnovlyaemye istochniki energii v izolirovannykh naseleennykh punktakh Rossiiskoi Arktiki* [Renewable Energy Sources in Isolated Settlements of the Russian Arctic]. Moscow: World Wide Fund for Nature (WWF), 2017. 80 p.
22. Ermolenko G., Saparov M. *Shirokomasshtabnoe razvitie vozobnovlyaemykh istochnikov energii i ego vliyanie na rynek elektroenergii i setevuyu infrastrukturu* [Large-Scale Development of Renewable Energy Sources and Its Impact on the Electricity Market and Network Infrastructure]. ECE, UN, 2020. 84 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Lebedeva – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: МАЙ 2021 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹

Российская экономика продолжает медленное восстановление после кризиса 2020 года. По данным Росстата, снижение ВВП страны замедлилось с 1,8% в IV квартале 2020 года до 0,7% в I квартале 2021 года (рис. 1). В дальнейшем на фоне низкой базы соответствующих месяцев прошлого года темпы восстановления увеличились. По оценке Минэкономразвития России, в апреле и мае 2021 года темпы прироста ВВП относительно аналогичного периода предыдущего года составили соответственно 10,8 и 10,9%. Позитивную динамику ВВП формируют преимущественно несырьевые отрасли – обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство.

1. Производство валового продукта

⬆️ Объем **промышленного производства** в целом по стране в январе – мае 2021 года относительно аналогичного периода 2020 года²

вырос на 3,2% (табл. 1), при этом заметный подъем обрабатывающей промышленности (на 6%) компенсировал спад добычи полезных ископаемых (на 2,4%).

⬆️ В Вологодской области также отмечен рост выпуска промышленности (на 2%), что связано в первую очередь с расширением производства обрабатывающей индустрии (на 3,4% в сравнении с 1,1% в предыдущем году). Отметим, что в других регионах-металлургах объем выпуска промышленности увеличивался быстрее: в Челябинской области – на 13,6%, в Кемеровской – на 6,9%, в Липецкой – на 3,5%.

Преобладающей тенденцией в обрабатывающей промышленности был рост производства в большинстве ее секторов. Так, отмечено развитие в **секторе промышленности конечного спроса**.

⬆️ В пищевой промышленности зафиксирован рост: в целом по стране выпуск увеличился на 2,3% (годом ранее – 5,5%; табл. 2). При этом было произведено больше мясных полуфабрикатов (на 11,9%), колбасных изделий (на 3,4%), а также безалкогольных напитков (на 21,1%). Рост выпуска пищевой промышленности в Вологодской обла-

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: май 2021 года // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 156–167. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.9

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy in May 2021. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 156–167. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.9

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – май 2021 года с январем – маем 2020 года.

сти был незначительным и составил 0,4%. В частности, отмечено сокращение производства колбасных изделий (на 6,1%), при этом на 30,1% увеличились объемы переработки свинины.

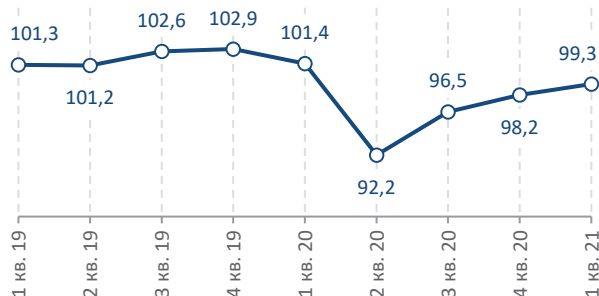

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.	Р**
Промышленное производство						
РФ	99,0	97,0	97,4	99,1	103,2	–
ВО	101,4	101,6	102,3	102,3	102,0	52
МО	97,0	97,1	98,2	102,1	103,9	46
РКА	101,8	103,3	102,2	97,4	99,2	63
АО	98,0	91,3	92,2	89,3	94,9	76
РКО	100,0	94,0	93,0	89,4	92,6	79
Добыча полезных ископаемых						
РФ	97,8	93,4	93,1	93,1	97,6	–
ВО	103,2	112,7	111,0	81,7	87,7	61
МО	97,0	103,8	104,7	103,7	106,3	15
РКА	99,1	106,2	104,2	100,6	103,3	20
АО	92,9	86,7	87,1	84,7	93,7	44
РКО	101,0	93,0	91,1	84,6	88,0	60
Обрабатывающие производства						
РФ	100,7	100,0	100,6	101,4	106,0	–
ВО	101,1	101,4	102,3	103,6	103,4	56
РКО	96,4	95,7	97,0	100,5	104,3	51
МО	97,2	94,2	95,7	100,2	102,9	59
АО	109,4	99,8	101,5	96,2	95,9	71
РКА	104,2	100,5	99,8	92,0	93,7	75

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.
 ** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – мае 2021 года (если не оговорено иное).

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.
Пищевое производство					
РФ	105,5	104,3	103,3	100,6	102,3
ВО	112,2	110,8	109,7	98,7	100,4
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	100,8	100,6	100,9	103,4	107,8
ВО	148,3	144,2	139,7	114,3	116,1
Химическое производство					
РФ	107,9	108,4	110,3	113,4	110,4
ВО	107,8	103,6	103,3	101,2	100,3
Металлургическое производство					
РФ	99,1	99,3	99,1	96,2	102,6
ВО	98,9	100,8	101,2	104,2	103,6
Деревообработка					
РФ	96,0	98,5	100,2	105,2	113,1
ВО	101,2	104,1	106,8	101,1	108,9
Машиностроение					
РФ	90,7	93,7	98,6	113,2	123,2
ВО	83,9	90,6	94,3	102,6	89,9
Производство стройматериалов					
РФ	96,6	96,5	97,9	100,3	109,2
ВО	123,4	110,6	99,7	76,7	109,6

➤ Объем изготовления продукции целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности в целом по стране вырос на 7,8%. Ускорение темпов роста отчасти обусловлено расширением производства обоев (на 65,7%), а также полиграфических услуг, связанных с печатанием (на 43%). В Вологодской области выпуск этой отрасли увеличился на 16,1%, на что во многом повлияла активизация производства бумаги и картона (+20,2%).

Группа компаний «КАМА» из Пермского края приступила к промышленному производству первого российского мелованного коробочного картона. Объем инвестиций банка «Открытие» в создание производственного комплекса составил 25 млрд руб. Мелованный коробочный картон применяется при изготовлении упаковок для различных видов продукции, в том числе пищевой. В России такой картон для упаковки ранее не производился. После выхода на проектную мощность объем производ-

ства FBB-картона составит 220 тыс. т в год, что позволит покрыть до половины объема российского рынка³.

Отрасли **сектора промышленности промежуточного спроса** возобновили рост производства.

▲ Российская химическая промышленность увеличила выпуск на 10,4%. Одним из ключевых факторов стало наращивание производства лекарственных препаратов (на 23,2%), синтетических каучуков (на 17,5%) и пластмасс в первичных формах (на 11,8%). В Вологодской области выпуск химической индустрии изменился незначительно, при этом позитивная динамика производства зафиксирована в сфере пластмасс в первичных формах (на 41,4%), негативная – в производстве азотных удобрений (на 2,7%), что может быть связано с открытием новой производственной линии ФосАгро в Ленинградской области⁴.

В Воронежской области открыт завод «Ламплекс Композит». Объем инвестиций в проект оценивается в 500 млн руб. Предприятие ориентировано не только на импортозамещение, но и на экспорт. Основные направления деятельности – разработка технологий и производство композитных материалов на высокотехнологичном европейском оборудовании последнего поколения, здесь будут выпускать технические ламинаты, фольгированные диэлектрики и препреги⁵.

Новое производство азотной кислоты запущено во вторник на крупнейшем за Уралом химическом заводе «Азот» в Кемерово. Производственная мощность нового технологического комплекса составляет

около 500 т в сутки. После выхода цеха на производственную мощность завод «Азот» увеличит выпуск аммиачной селитры на 20%, до 620 т в сутки. Инвестиции в строительство цеха составили 3,1 млрд руб.⁶

▲ Металлургическая индустрия увеличила производство на 2,6%, что во многом объясняется расширением выпуска готовых металлических изделий (на 11,6%) и готового проката (на 7,9%). В Вологодской области продукции металлургии было произведено на 3,6% больше, на что повлияло увеличение выпуска чугуна (на 9,4%) и готовых металлических изделий (на 45,2%).

▲ Объем деревообрабатывающего производства страны существенно вырос (на 13,1%). Резко увеличилось производство щитового паркета (на 53,4%), древесностружечных (на 31%) и древесноволокнистых (на 26,7%) плит. В Вологодской области объем деревообработки вырос на 8,9%, в т. ч. деревянных строительных конструкций – на 75,6%, строительных материалов на 22%.

Первая очередь завода по производству строительных конструкций и комплектов готовых зданий на основе панелей из перекрестно-клееной древесины (CLT) открылась в поселке Аврово Волховского района Ленобласти, общий бюджет инвестиционного проекта составляет 5,1 млрд руб. Реализацией проекта занялась «Ладожский ДСК» совместно с компанией ООО «ПК Ладога Еврострой». Производительность первой очереди завода составляет 120 тыс. куб. м конструкционного материала, что позволит предприятию войти в тройку производителей панелей⁷.

³ На КДМ-9 началось производство картона с двусторонним мелованием. URL: <https://cbk-kama.com/rus/novosti> (дата обращения 20.07.2021).

⁴ «Апатит» начал выпуск аммофоса. URL: <https://econ.lenobl.ru/ru/news/35630> (дата обращения 20.07.2021).

⁵ В Особой экономической зоне открылся завод композитных материалов. URL: <https://www.govrn.ru/novost/-/~/id/7889152> (дата обращения 20.07.2021).

⁶ Сергей Цивилев принял участие в запуске первой в России установки по экологически безопасному производству азотной кислоты. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-prinyal-uchastie-v-zapuske-pervoy-v-rossii-ustanovki-po-ekologicheski-bezopasnomu-pr> (дата обращения 20.07.2021).

⁷ В Ленинградской области открылся завод древесных строительных панелей. URL: <https://reality.ria.ru/20210416/zavod-1728583713.html> (дата обращения 20.07.2021).

ЗАО «Плайтерра» запустило в поселке Умет Республики Мордовии вторую очередь завода по производству фанеры. Объем инвестиций в новое производство превысил 2,25 млрд руб. С привлечением льготного займа ФРП предприятие запустило вторую очередь завода по производству белой (березовой) большеформатной и ламинированной фанеры. Общая мощность предприятия выросла на 40% – с 115 до 160 тыс. куб. м продукции в год⁸.

В секторе промышленности инвестиционного спроса зафиксировано ускорение темпов роста выпуска.

Объем производства продукции машиностроения в целом по стране увеличился на 23,2%. Зафиксировано удвоение производства электронных печатных плат, существенное увеличение выпуска грузовых (на 55,6%) и легковых (на 51,4%) автомобилей, а также компьютеров, электронных и оптических изделий (на 17,4%).

В Татарстане стартовало серийное производство Aurus Senat – легкого (незащищенного) седана в шести базовых цветах. Впервые в стране была с нуля создана линейка автомобилей представительского класса. Проект важен для развития отечественного автопрома и экспорта, а также экономики Татарстана. На заводе около 50% используемого оборудования российского производства. Порядка 70% поставщиков комплектующих на конвейер – это российские компании. До 2022 года уровень локализации производства планируется поднять на 80%. На сегодня это около 53%⁹.

В Вологодской области динамика выпуска машиностроения была негативной (объем снизился на 10,1%). Продолжилось сокращение производства подшипников (на 11,2%, годом ранее спад составил 26%). Автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов было выпущено на 5,2% меньше. В то же время в сфере электрооборудования производство выросло на 3,7%.

Возобновившийся рост производства стройматериалов (на 9,2%) во многом обусловлен всплеском спроса на новостройки, вызванный действием программы льготного ипотечного кредитования. В частности, был существенно увеличен выпуск товарного бетона (на 14,9%) и цемента (на 13,2%). В Вологодской области производство стройматериалов также выросло (на 9,6%), при этом наиболее востребованными товарами стали асфальтобетонные дорожные смеси и строительные блоки (их выпуск увеличился на 26,7 и 16,5% соответственно). Отчасти это связано с тем, что Вологодская область получила дополнительно 500 млн руб. на реализацию национального проекта «Безопасные качественные дороги», благодаря чему с опережением будет отремонтировано 33 км дорог¹⁰.

В г. Невинномысске на площадке ТОСЭР состоялся запуск производственной линии предприятия «Кингспан – Невинномыск», специализирующегося на производстве сэндвич-панелей и быстровозводимых зданий. На новой площадке в Невинномысске будут производиться теплоизоляционные сэндвич-панели. Мощности нового завода составят 1,5 млн кв. м продукции в год¹¹.

⁸ Заемщик ФРП запустил вторую очередь завода по производству фанеры для «Икеа» и «Леруа Мерлен». URL: <https://frprf.ru/press-tsentr/novosti/zaemshchik-frp-zapustil-vtoruyu-ochered-zavoda-po-proizvodstvu-fanery-dlya-ikea-i-lerua-merlen> (дата обращения 20.07.2021).

⁹ В Татарстане дан старт серийному производству автомобилей Aurus Senat. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/1980821.htm> (дата обращения 20.07.2021).

¹⁰ Вологодская область получит дополнительно полмиллиарда рублей на ремонт дорог. URL: <https://vologdazso.ru/events/174147> (дата обращения 20.07.2021).

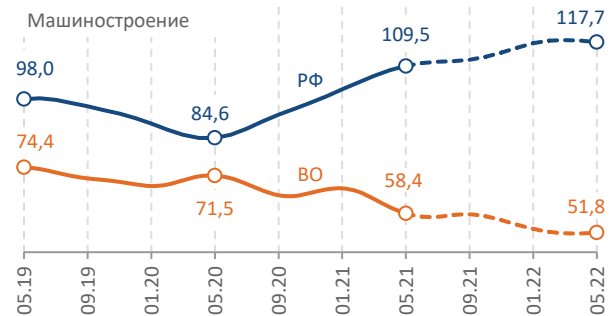
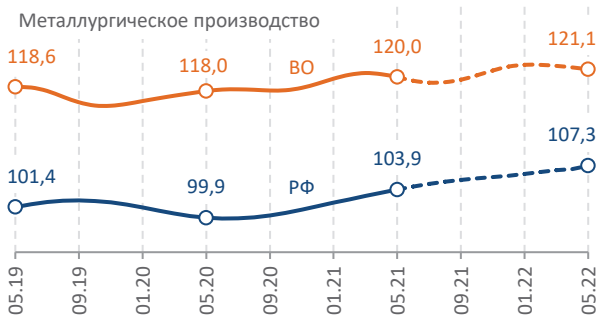
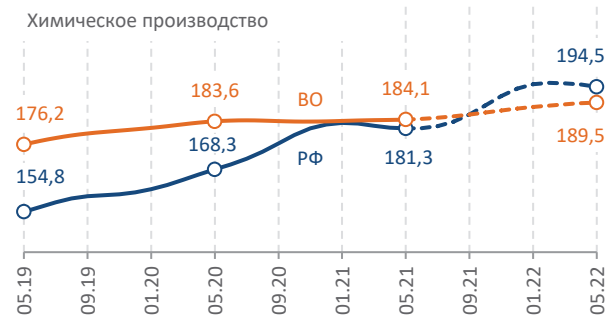
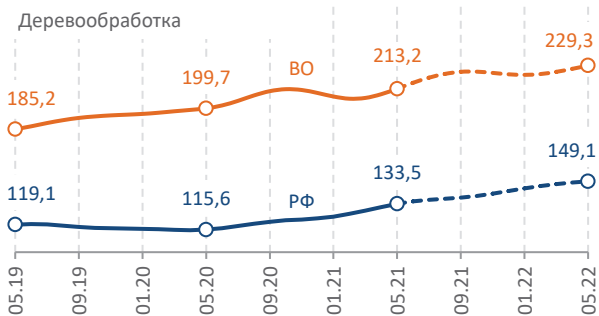
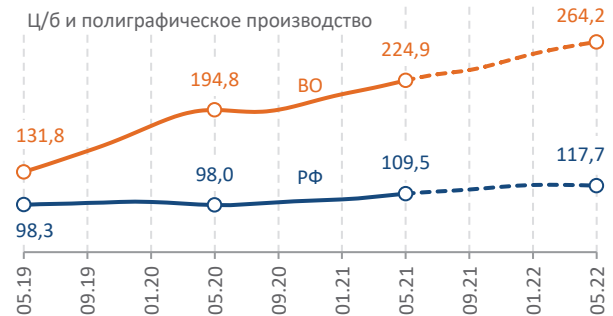
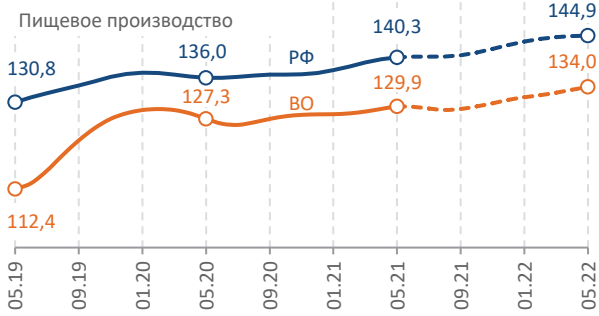
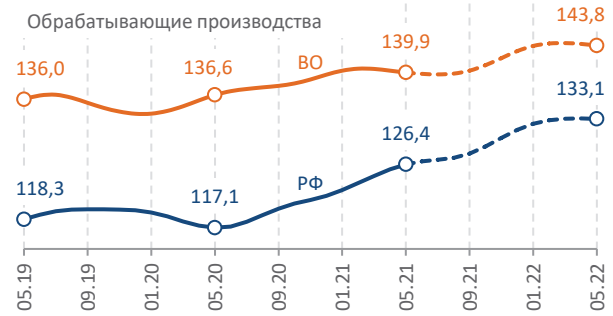
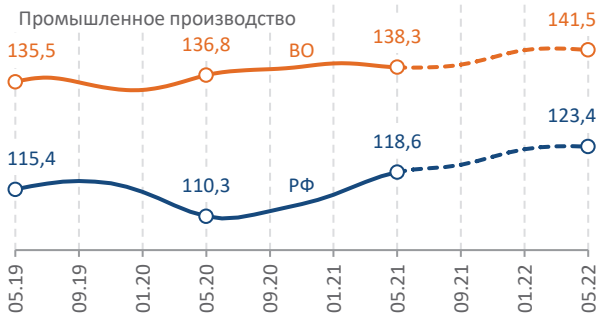
¹¹ На Ставрополье открыто новое производство строительных материалов. URL: <https://www.gubernator.stavkrai.ru/press-center/news/item/12677-na-stavropole-otkryto-novoe-proizvodstvo-stroitelnykh-materialov.html> (дата обращения 20.07.2021).

▼ **Сельское хозяйство** страны увеличило выпуск лишь на 0,4% (табл. 3). Зафиксировано снижение производства скота и птицы на убой на 0,6%, куриных яиц на 0,9%, объем полученного молока вырос на 0,6%. В Вологодской области сельскохозяйственное производство сократилось на 0,3%, при этом в натуральном выражении скота и птицы на убой было произведено больше на 8,3%, куриных яиц – на 9,7%, молока – на 6,4%.

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.
РФ	103,0	103,0	103,2	101,5	100,4
ВО	106,9	106,1	100,6	100,2	99,7
РКо	112,4	113,5	115,1	114,8	101,8
МО	98,9	97,0	105,5	104,0	96,7
АО	102,8	102,4	100,6	101,3	95,9
РКа	99,6	99,3	100,3	100,4	92,4

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

На **рынке труда** происходили позитивные изменения.

Уровень безработицы в среднем по стране снизился до 5,4% (табл. 4). В Вологодской области этот показатель остался на прежнем уровне.

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	6,1	6,2	6,4	5,6	5,4	–
ВО	5,2	7,4	7,5	5,3	5,2	40
РКо	3,4	8,1	8,0	6,9	6,6	58
АО	3,3	8,2	8,0	7,1	6,9	62
МО	2,5	8,7	8,4	7,4	6,9	60
РКа	4,5	9,4	9,2	7,9	7,5	64
Потребность работодателей в работниках						
РФ	91,9	93,3	105,3	118,4	129,5	–
ВО	85,7	85,9	95,3	97,4	111,6	–
МО	159,0	141,7	155,4	137,4	139,7	–
АО	93,5	94,1	105,0	118,6	130,6	–
РКа	94,4	94,3	104,7	116,9	124,2	–
РКо	88,6	99,0	109,8	106,9	116,1	–

Вместе с тем заявленная работодателями потребность в работниках существенно увеличилась: в целом по стране рост показателя составил 29,5%. В Вологодской области вакансий заявлено на 11,6% больше, чем годом ранее.

2. Образование доходов

В сфере образования доходов отмечены разнонаправленные тенденции.

Реальные денежные доходы россиян в I квартале снизились на 2,8% (табл. 5), при этом реальная начисленная заработная плата в среднем по стране выросла на 2,9%. В Вологодской области произошло резкое снижение доходов населения и уровня заработной платы (на 6,7 и 3,7% соответственно). Как в стране, так и в Вологодской области (на 4,1 и 8% соответственно) ухудшилось соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума.

Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций в январе – апреле 2021 года в целом по стране многократно увеличился (в 3,3 раза, что существенно больше снижения годом ранее). Схожие изменения отмечены и в Вологодской области, где рассматриваемый показатель вырос в 3,1 раза (отметим, что сальдированный финансовый результат существенно увеличился даже в сравнении с докризисным 2019 годом: в текущих ценах он составлял 66,9 млрд руб. в январе – апреле 2019 года, 29,9 млрд руб. в январе – апреле 2020 года и 130,2 млрд руб. в январе – апреле 2021 года).

Реальные доходы консолидированного бюджета (с учетом внебюджетных фондов) в целом по стране выросли на 8%, в Вологодской области – на 22,2%, что превышает спад в аналогичном периоде прошлого года. Объем полученной финансовой поддержки из федерального бюджета в бюджет области снизился на 12,1%, при этом 80% прироста собственных доходов Вологодской области обеспечено за счет увеличения поступлений по налогу на прибыль организаций¹².

¹² Ситуация с исполнением консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации характеризуется стабильностью и устойчивостью. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/situatsiya_s_ishpolnieniem_konsolidirovannykh_byudzhetrov_subektov_rossiyskoy_federatsii_kharakterizuetsya_stabilnostyu_i_ustoychivostyu (дата обращения 20.07.2021).

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	102,2	96,9	96,5	97,4	97,2
ВО	101,7	100,3	99,4	99,1	93,3
МО	102,6	100,2	99,5	99,6	99,8
РКО	100,3	97,7	98,1	97,0	95,3
АО	102,4	99,7	98,1	98,2	95,3
РКА	102,7	98,9	99,5	99,4	95,1
Реальный размер назначенных пенсий					
РФ	103,2	103,0	102,7	102,4	100,1
ВО	102,5	102,0	102,0	101,5	100,1
Отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума					
РФ	103,8	98,1	96,8	96,9	95,9
ВО	106,1	103,0	100,6	99,5	92,0
МО	101,9	99,8	98,4	98,4	97,5
РКА	104,8	100,5	100,6	100,1	96,2
РКО	102,9	99,4	99,3	98,2	95,9
АО	103,9	100,1	97,5	96,9	92,7
	4 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	4 мес. 2021 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	104,0	102,5	102,4	101,3	102,9
ВО	106,5	104,0	104,0	94,4	96,3
МО	103,3	103,4	103,4	101,5	103,3
РКА	103,4	103,8	103,2	98,0	99,2
РКО	101,3	101,9	101,0	98,2	98,5
АО	101,6	101,3	100,2	98,9	-
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	45,6	56,5	76,5	344,9	326,3
ВО	44,6	79,9	97,0	705,6	308,0
РКА	54,7	54,9	85,0	531,1	368,4
МО	268,3	165,6	292,6	218,5	257,0
РКО	-	7,1	14,3	-	-
АО	-	-	14,7	-	-
	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	98,5	102,4	105,9	103,7	108,0
ВО	91,5	103,3	104,6	114,9	122,2

3. Конечное использование

В динамике *потребительского спроса* отмечены позитивные изменения.

В сфере розничной торговли зафиксировано увеличение оборота на 10% (в т. ч. продовольственными товарами – на 1,5%, оборот непродовольственных товаров вырос на 19%); в Вологодской области – на 3,4% (при росте продаж продовольственных товаров на 0,3%, непродовольственных – на 7,2%; табл. 6). Сектор услуг также демонстрировал восстановительную динамику: в целом россиянам было оказано платных услуг на 12,5% больше, вологжанам – на 7,1%.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	94,8	96,2	96,8	98,6	110,0	-
ВО	105,2	103,4	102,5	96,1	103,4	63
РКА	101,3	102,7	102,0	100,0	105,1	52
РКО	96,8	98,2	97,8	100,4	104,8	54
АО	97,9	99,1	99,7	98,2	103,2	65
МО	96,1	97,1	96,1	93,3	96,9	82
Объем платных услуг населению						
РФ	85,2	83,6	85,2	95,0	112,5	-
ВО	92,4	91,6	93,2	96,4	107,1	65
АО	86,3	76,5	80,3	95,7	114,9	23
РКА	88,0	91,0	92,7	97,1	111,8	31
РКО	80,2	81,7	83,8	95,9	108,4	55
МО	90,9	89,0	90,0	95,8	105,6	70

Рост потребительских цен в стране в январе – июне 2021 года ускорился с 2,6 до 4,2% к декабрю предыдущего года. Наибольший скачок цен зафиксирован в продовольственной продукции (на 5,5%; рис. 2). В Вологодской области инфляция также повысилась, но на меньшую величину – с 2,8 до 3,9%. Важным фактором ее роста является повышение цен на непродовольственные товары, которое составило 4,6%. По темпу роста цен регион стал одним из лидеров (67 место в стране). Также отмечен рост цен на остальные категории товаров, при этом меньше

всего подорожали услуги ЖКХ: на 1,2% в стране и на 0,4% в Вологодской области.

Отмечая ускорение инфляции, Банк России отреагировал традиционно – подняв ключевую ставку (до 5% в апреле и до 5,5% в июне). Объяснено это решение было тем, что российская и мировая экономика восстанавливается быстрее, чем ожидалось, а инфляция складывается выше прогноза Банка России¹³.

Рис. 2. Индекс потребительских цен в июне 2021 года, % к декабрю прошлого года

Объем выполненных **строительных работ** в целом по стране увеличился на 3,5%, при этом площадь введенных за год жилых домов выросла более чем на четверть (табл. 7). В Вологодской области объем строительства и ввода жилых домов также вырос (на 12,8 и 13,8% соответственно), однако восстановления после прошлогоднего спада этих показателей пока еще не произошло.

Важный вклад в динамику строительства вносит бурный рост объемов ипотечного кредитования: в целом по стране выдано на 72,5% больше ипотечных кредитов, в Вологодской области – на 48,8%. Мощный импульс динамике показателя придало расширение направления использования льготной ипотеки для семей с детьми, заключающееся в возможности приобретения или строительства по льготной ставке не более 6% индивидуального жилого дома на земельном участке¹⁴.

¹³ «Вся интрига остается на второе полугодие»: ЦБ повысил ставку третий раз за год. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/431989-vsya-intriga-ostaetsya-na-vtoroe-polugodie-cb-povysil-stavku> (дата обращения 20.07.2021).

¹⁴ Семьи с детьми смогут взять льготную ипотеку на строительство жилья. URL: <http://government.ru/docs/42004> (дата обращения 20.07.2021).

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

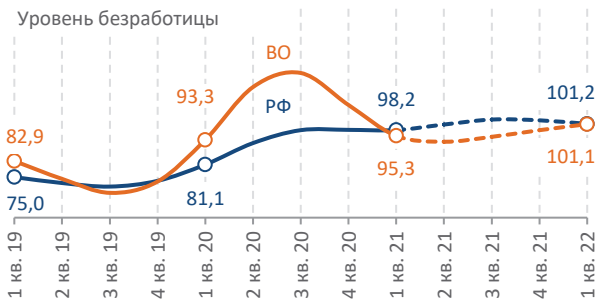
	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	99,1	99,8	100,1	100,2	103,5	–
ВО	77,6	88,2	97,6	95,2	112,8	26
РКа	117,7	105,2	98,1	113,9	142,9	11
АО	73,4	83,5	60,1	123,7	115,2	23
МО	153,8	139,6	121,0	60,9	90,3	54
РКа	82,3	62,8	74,4	67,7	61,4	79
Ввод жилых домов						
РФ	92,4	98,8	100,2	115,4	128,4	–
ВО	53,8	77,5	85,5	67,4	113,8	54
МО	29,3	65,8	79,3	348,9	286,2	1
АО	69,5	93,1	112,6	200,9	157,6	24
РКа	55,5	93,4	106,1	127,7	120,3	48
РКа	65,1	93,1	86,3	65,3	108,8	61
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	116,8	142,4	151,4	143,2	172,5	
ВО	124,6	151,0	152,9	122,2	148,8	78
МО	106,5	143,6	149,7	149,4	173,4	25
РКа	103,5	135,2	143,9	137,4	166,3	42
АО	109,9	138,1	144,1	135,7	159,4	61
РКа	117,4	145,8	154,7	129,9	152,1	75

Одним из признаков, указывающих на стабилизацию экономического развития, является рост в I квартале объема **инвестиций в основной капитал** (на 2%; табл. 8). В Вологодской области объем инвестиций также увеличился (на 16,9%), что пока еще не компенсировало спад этого показателя в прошлом году (на 24%).

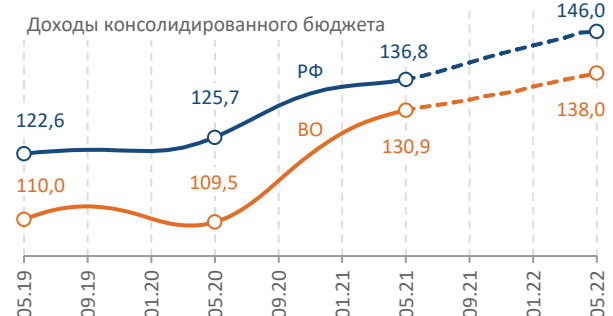
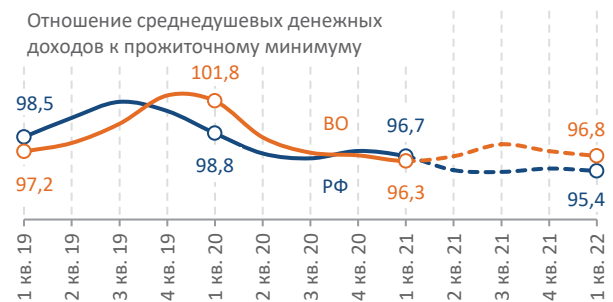
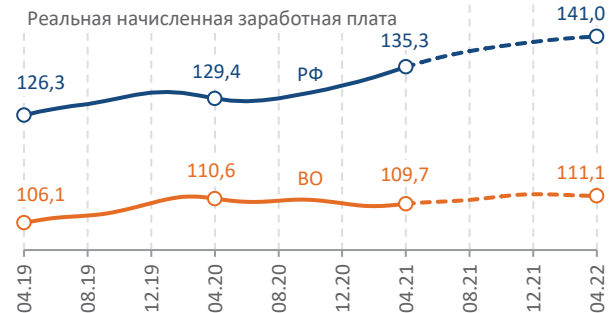
Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	Р
РФ	103,5	98,2	96,9	98,6	102,0	–
ВО	76,0	92,9	91,7	94,3	116,9	27
РКа	116,0	99,1	98,3	109,0	144,5	12
АО	115,0	102,7	105,1	95,2	100,4	44
РКа	86,4	94,8	97,6	111,5	92,1	54
МО	169,2	109,4	113,0	104,8	81,6	71

Тренды развития рынка труда в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Российская Федерация

Вологодская область

Во **внешней торговле** отмечается рост цен и объемов товарооборота.

▲ Экспорт товаров и услуг из России увеличился на 20%, что во многом связано с резким ростом цен на ключевые товары; импорт вырос на 28% (табл. 9–11). Объем экспортированных товаров и услуг Вологодской области стал больше на 29,9%, пример-

но на такую же величину (на 30,1%) сократился импорт.

▲ Мировые цены на ключевые товары российского экспорта существенно выросли: на природный газ в 2,7 раза, на нефть – на 50,4%. Экспортируемые товары Вологодской области также подорожали (металлопрокат – на 60,3%, фосфатные удобрения – на 90,6%).

**Таблица 9. Динамика внешней торговли,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

	5 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	5 мес. 2021 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	78,9	77,7	79,4	103,3	120,0
ВО	95,5	98,3	98,0	113,2	129,9
МО	114,2	104,4	116,0	108,3	147,5
РКО	81,6	81,9	82,3	117,8	138,9
РКА	45,7	66,7	71,0	106,6	113,8
АО	103,1	89,1	77,8	78,8	92,3
Импорт товаров и услуг					
РФ	93,3	93,1	94,7	116,8	128,0
ВО	135,1	111,8	97,6	59,6	69,9
АО	125,4	67,7	82,6	212,2	264,2
РКА	101,6	108,6	117,0	138,9	166,3
МО	125,9	107,3	97,7	140,8	131,5
РКО	102,6	89,5	87,2	111,4	93,9
Мировые цены на товары					
Нефть	62,7	65,5	67,2	120,9	154,7
Газ	46,8	54,5	67,5	211,2	274,8
Мет.	88,6	88,4	94,1	143,7	160,3
ФУ	79,8	88,5	99,9	180,9	190,6

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

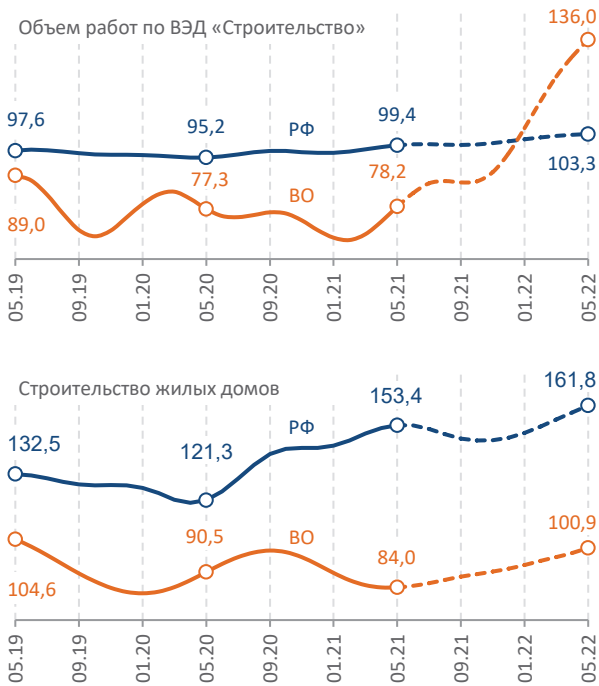
**Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2021 г., %	
					к 2020 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	1460	530	633	275,5	230,6
Лист оцинкованный	долл. США	1505	557	675	270,2	223,0
Лист горячекатаный	долл. США	1260	443	548	284,7	229,9
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	870	468	543	186,1	160,2
Конструкционные профили	долл. США	1250	625	763	200,0	163,8
Сортовой прокат	долл. США	1110	593	648	187,3	171,3

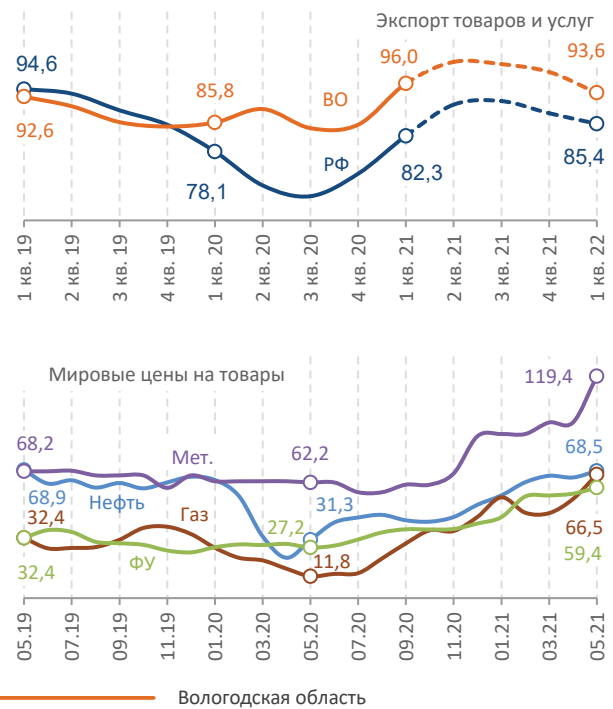
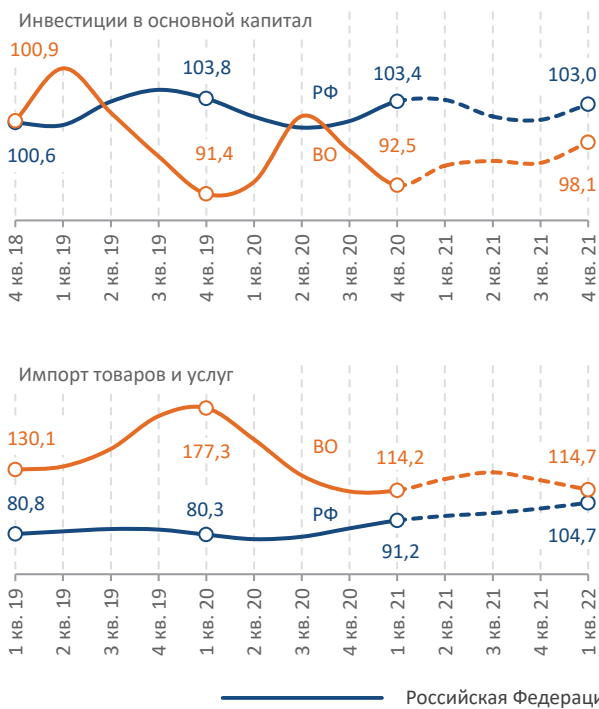
**Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2021 г., %	
					к 2020 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	107538	47195	51886	227,9	207,3
Лист оцинкованный	руб.	151795	57515	62958	263,9	241,1
Лист горячекатаный	руб.	103103	42341	45374	243,5	227,2
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	76119	36497	42879	208,6	177,5
Балка и швеллер	руб.	100220	47468	49780	211,1	201,3
Круг	руб.	78714	36913	42339	213,2	185,9
Уголок	руб.	78981	39486	41991	200,0	188,1

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Для отражения предварительной оценки делового климата в стране и курса дальнейшего развития экономики используется индекс предпринимательской уверенности (ИПУ). Этот показатель демонстрирует представления бизнеса о ближайшем буду-

щем и дает примерное представление о грядущих изменениях в национальной экономике. Его значение основывается на балансе оценок (т. е. разности долей респондентов, отметивших «увеличение» и «уменьшение» показателя по сравнению с предыдущим

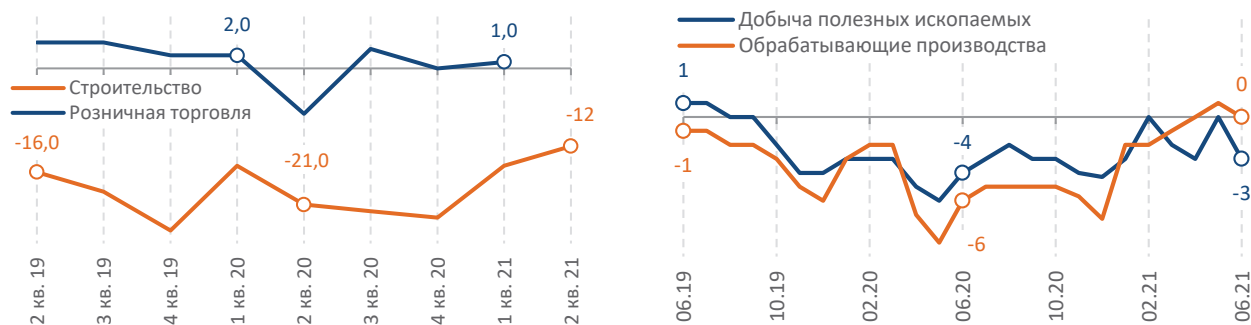

Рис. 3. Индекс предпринимательской уверенности, %

периодом) фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции, а также ожидаемого выпуска продукции.

❖ Так, в июне 2021 года ИПУ в добывающей промышленности снизился до -3%, в обрабатывающей – вернулся к нулевой отметке (рис. 3). В строительстве в II квартале оценки предпринимателей хоть и были лучшими за последние 5 лет, но остались резко негативными. Согласно оценкам руководителей организаций, спрос на продукцию (портфель заказов) в июне 2021 года снизился на 18% в добывающей промышленности и на 29% в обрабатывающей. Ожидаемые изменения в следующие полгода оценивают позитивно лишь 8% предпринимателей в сфере добычи полезных ископаемых и 19% в сфере обработки.

В целом, в январе – мае 2021 года в российской экономике зафиксировано развитие во многих сферах (впрочем, во многом связанное с восстановлением уровня производства после кризисного предыдущего года). Так, этот период стал временем роста для большинства отраслей обрабатывающей промышленности, стабилизировалась ситуация на рынке труда, выросли доходы государства и бизнеса. Позитивным фактором стало резкое подорожание ключевых экспортных товаров. Вместе с тем сопряжен-

ное с ростом цен восстановление мировой экономики лишь в краткосрочной перспективе может дать преимущества экспортеру дорожающего сырья, так как в дальнейшем готовая продукция также будет импортироваться по повышенным ценам. Остались низкими темпы развития инвестиционной активности. Тревожной тенденцией стало снижение доходов населения и стремительное нарастание его долгосрочной задолженности.

В целях ускорения восстановительного роста и преодоления кризисных явлений важными видятся поддержка доходов населения и активизация усилий для его трудоустройства, освоение и укрепление производств продукции глубокой переработки в ключевых отраслях экономики, а также конечной продукции потребительского назначения.

Источники: Росстат, Вологдастат, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru, metalinфо.ru, www.indexmundi.com

*Материалы подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 2021 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.10 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В мае – июне 2021 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

В июне 2021 года по сравнению с апрелем 2021 года оценки социального настроения жителей области улучшились: наблюдался незначительный рост доли тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное» (с 63 до 66%; табл. 1). Во всех социально-демографических категориях населения за последние два месяца отмечаются позитивные изменения: при этом наиболее существенный рост индекса социального настроения зафиксирован в возрастных группах до 30 лет (на 8 п., со 144 до 152 пунктов) и от 30 до 55 лет (на 9 п.,

со 138 до 147 п.), среди лиц, имеющих среднее образование (на 12 п., со 123 до 135 п.), представителей 20%-й группы наименее обеспеченных (на 15 п., со 108 до 123 п.), жителей районов (на 9 п., со 135 до 144 п.).

Оценки запаса терпения также стали более благоприятными: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», несколько возросла – с 74 до 77%. Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в апреле – июне 2021 года отмечается в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 9 п.,

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2021 года // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 4. С. 168–176. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.10

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in June 2021. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 168–176. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.10

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Изменение (+/-), июль 2021 к	
													апр. 2021	авг. 2020
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	56,5	60,8	59,9	59,9	63,3	66,0	+3	+10
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	32,0	31,2	31,5	31,0	30,2	26,9	-3	-5
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,7	124,5	129,6	128,4	128,9	133,1	139,1	+6	+14
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	72,6	71,7	69,8	69,7	74,1	76,5	+3	+4
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	19,6	20,2	20,9	20,4	19,0	17,7	-1	-2
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	153,0	151,5	148,9	149,3	155,1	158,8	+4	+6

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

со 155 до 164 п.), среди представителей 20%-й группы наименее обеспеченных (на 10 п., со 135 до 145 п.), жителей районов (на 6 п., со 158 до 164 п.).

▲ В июне 2021 года по сравнению с августом 2020 года показатели социального самочувствия существенно улучшились: индекс социального настроения увеличился на 14 п. (со 125 до 139 п.), индекс запаса терпения – на 6 п. (со 153 до 159 п.).

В динамике самооценок материального положения за период с апреля 2021 по июль 2021 года произошли неоднозначные изменения.

▲ С одной стороны, за последние два месяца возрос уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наименее обеспеченных (с 7988 до 8633 руб.) и 60% среднеобеспеченных (с 15346 до 16090 руб.) жителей области (табл. 2).

▼ С другой стороны, в апреле-июне отмечается снижение размера фактического дохода среди лиц, которые по самооценке доходов относятся к 20%-й группе наиболее обеспеченных (с 28003 до 27676 руб.).

○ В июне 2021 года по сравнению с апрелем 2021 года соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в

целом по области существенно не изменилось (1,4 раза).

○ В период с апреля по июль 2021 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 11 и 10% соответственно, отрицательных – на уровне 35 и 32% (табл. 3). Заметное понижение индекса оценок экономической ситуации в области наблюдалось в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 5 п., с 79 до 74 п.), в районах (на 6 п., с 78 до 72 п.), а повышение – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 9 п., с 54 до 63 п.) и жителей Череповца (на 7 п., с 80 до 87 п.).

○ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 7%, негативные суждения высказывали 32% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения заметных изменений не наблюдалось, суждения сохранились на уровне двухмесячной давности.

○ В июне 2021 года по сравнению с августом 2020 года характер суждений об экономике России и области не изменился:

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Изменение (+/-), июнь 2021 к	
												апр. 2021	авг. 2020
Доход на одного члена семьи, руб.													
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	6765	7778	7560	7422	7988	8633	+645	+1868
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	13860	14004	14298	14378	15346	16090	+744	+2230
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	27463	27381	29231	29198	28003	27676	-327	+213
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	15163	15436	15937	15952	16405	16918	+513	+1755
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	11767	11811	11767	11767	11767	0	0
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз													
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,6	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,4	+0,1	+0,2
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,3	2,3	2,5	2,5	2,4	2,4	0	+0,1
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	0	+0,1

* Источник: Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области: Постановления Правительства // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Изменение (+/-), июнь 2021 к	
												апр. 2021	авг. 2020
Экономическое положение России													
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	10,5	11,3	10,3	9,6	10,4	10,5	0	0
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	43,7	41,9	41,0	42,9	41,8	42,6	+1	-1
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,7	32,1	33,1	32,7	30,3	29,5	-1	-1
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	79,8	79,2	77,2	76,9	80,1	81,0	+1	+1
Экономическое положение области													
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,7	10,3	9,7	9,3	10,7	10,3	0	0
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	38,7	37,2	37,2	39,6	38,7	41,3	+3	+3
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	36,9	37,8	38,2	36,5	34,1	35,0	+1	-2
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	73,8	72,5	71,4	72,8	76,6	75,3	-2	+2
Материальное положение семьи													
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	9,1	9,3	8,4	9,4	7,9	7,3	-1	-2
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	44,5	45,6	47,0	44,3	47,5	49,3	+2	+5
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	33,9	33,9	33,7	34,2	31,8	31,7	0	-2
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	75,2	75,4	74,7	75,2	76,1	75,6	-1	0

соответствующие индексы установились на отметке 81 и 75 пунктов. Индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 76 п.

☉ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России и области существенно не

изменился: доля тех, кто считает обстановку «благополучной, спокойной», составляет 38 и 56% соответственно, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 46 и 31% (табл. 4).

⬆ В разрезе социально-демографических групп заметное улучшение оценок поли-

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Изменение (+/-), июнь 2021 к	
												апр. 2021	авг. 2020
В России													
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	39,3	40,7	39,7	38,2	36,4	38,3	+2	-1
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	43,9	44,5	44,9	46,0	46,6	45,5	-1	+2
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>95,4</i>	<i>96,2</i>	<i>94,8</i>	<i>92,2</i>	<i>89,8</i>	<i>92,4</i>	<i>+2</i>	<i>-3</i>
В области													
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	52,9	53,3	52,8	52,7	55,5	56,2	+1	+3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	33,4	33,1	33,9	35,2	33,2	30,7	-2	-3
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,3</i>	<i>120,2</i>	<i>118,9</i>	<i>117,4</i>	<i>124,3</i>	<i>125,5</i>	<i>+2</i>	<i>+7</i>

тической обстановки в стране и области наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 22 и 23 п., с 86 до 108 п. и со 111 до 134 п.), среди лиц со средним образованием (на 14 и 10 п., с 78 до 92 п. и со 116 до 126 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 10 и 12 п., с 87 до 97 п. и со 122 до 134 п.).

Ухудшение оценок политической ситуации в стране фиксируется в возрастной группе старше 55 лет (на 12 п., с 94 до 82 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 11 п., с 91 до 80 п.).

✔ В июне 2021 года по сравнению с августом 2020 года характер суждений о политической ситуации в стране ухудшился: соответствующий индекс снизился на 3 п. (с 95 до 92 п.).

✔ Оценки политической обстановки в регионе стали более благоприятными: соответствующий индекс возрос на 7 п. (со 119 до 126 п.).

Резюме

Как показывают результаты очередного этапа мониторинга, в динамике общественного мнения за период с апреля по июнь 2021 года произошли неоднозначные изменения:

- улучшились показатели социального настроения (соответствующий индекс возрос на 6 п., со 133 до 139 п.);

- более благоприятными стали оценки запаса социального терпения (индекс увеличился на 4 п., со 155 до 159 п.);

- существенно не изменился характер суждений об экономическом положении России и области (81 и 75 п.);

- на прежнем уровне сохранились показатели материального положения семьи (76 п.).

- стабильными остаются оценки политической ситуации в стране и регионе (92 и 126 п.).

В большинстве социально-демографических категорий за последние два месяца отмечаются позитивные тенденции. Прежде всего, обращает на себя внимание:

- улучшение оценок среди представителей возрастной группы от 30 до 55 лет. В данной категории возросли индексы социального настроения (на 9 п.), запаса терпения (на 8 п.), индексы оценок экономической ситуации в стране (на 4 п.), политической обстановки в России и регионе (на 9 и 6 п. соответственно);

- улучшение мнений жителей области, имеющих среднее образование. В данной категории возросли индексы социального настроения (на 12 п.), индексы оценок политической ситуации в стране и области (на 14 и 10 п. соответственно);

- улучшение оценок в 20%-й группе наименее обеспеченных. В данной категории улучшились оценки социального настроения и запаса терпения (на 15 и 10 п. соответственно), экономической ситуации в России и области (на 3 и 9 п.);

- улучшение мнений жителей районов. В данной категории более благоприятными стали оценки социального настроения и терпения (соответствующие индексы вырос-

ли на 9 и 6 п. соответственно), политической ситуации в области (на 5 п.).

Улучшение оценок экономической и политической обстановки во многом связано с замедлением экономического спада, вызванного пандемией коронавируса, и улучшением ситуации в промышленном производстве, сельском хозяйстве, розничной торговле, на рынке труда, которые наметились в последние месяцы. Так, по данным официальной статистики в январе – апреле 2021 года увеличивались темпы роста основных макроэкономических индикаторов: по отношению к соответствующему периоду предыдущего года индекс промышленного производства составил 102,3%, объем производства продукции сельского хозяйства – 101,2%, оборот розничной торговли – 101,4%¹. Немаловажную роль в стабилизации социальных настроений играет и наступление летних месяцев, позволяющих приспособиваться к сложностям экономической ситуации за счет увеличения опоры на личное хозяйство, а также традиционно являющихся периодом ежегодных отпусков.

Вместе с тем не теряет своей значимости решение ключевых проблем региона, которые связаны, прежде всего, с динамикой уровня и качества жизни населения.

Результаты социологического мониторинга не фиксируют положительной динамики в оценках материального благосостояния населения. Это подтверждают и данные статистики: реальная начисленная заработная плата населения в первом квартале 2021 года по отношению к предыдущему периоду составила 99,9%, а к соответствующему периоду 2020 года – 91,4%². Эффективность мероприятий властей в этом направлении приобретает все большую актуальность как объективное условие, необходимое для дальнейшего улучшения социального самочувствия и поддержания социальной стабильности.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНИЦ РАН, который пройдет в августе 2021 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

² Там же.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

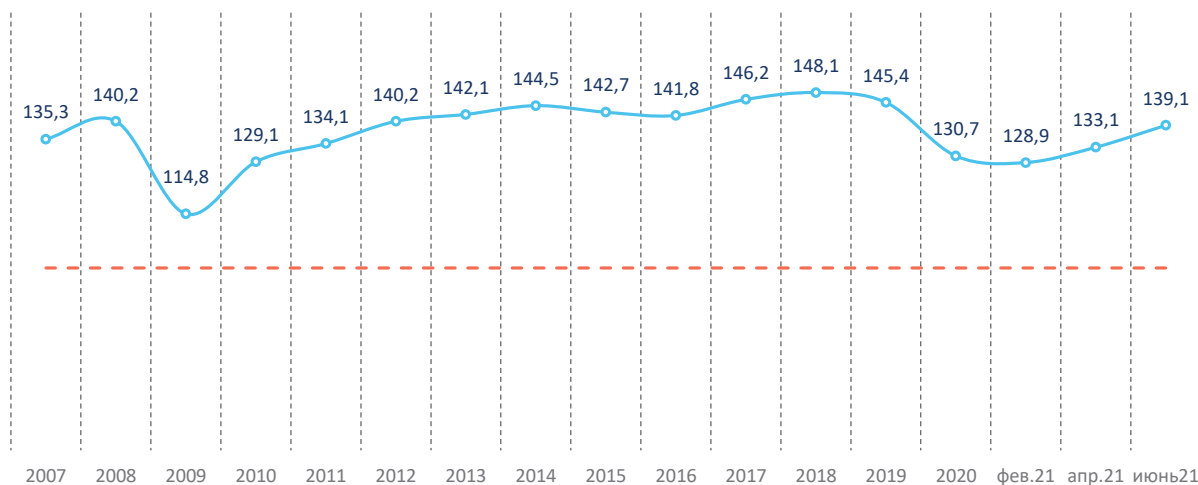

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В первый летний месяц 2021 года продолжилось улучшение социального настроения жителей Вологодской области, начавшееся в апреле т. г. За этот период индекс социального настроения вырос на 6 пунктов (со 133 до 139 п.).

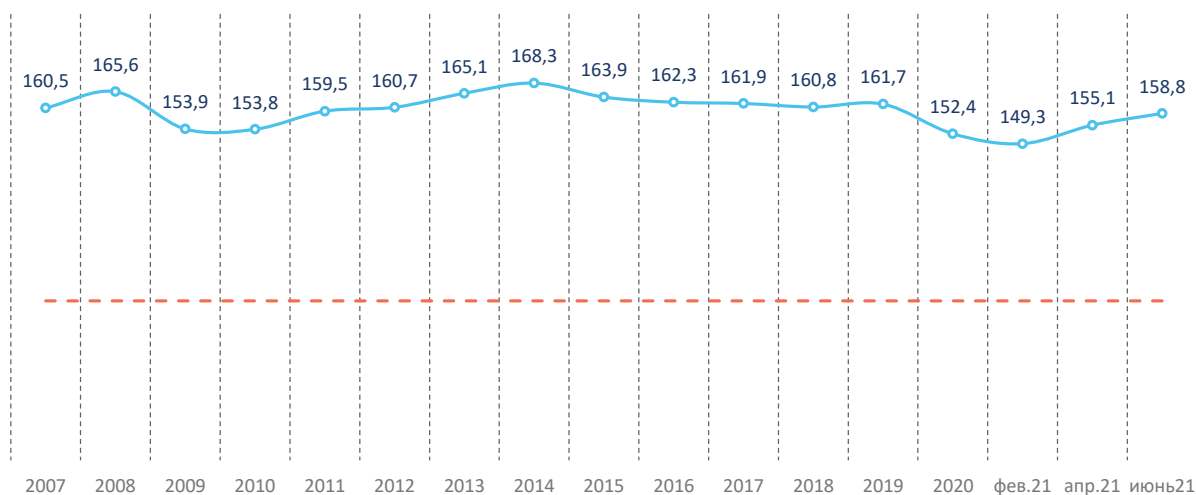

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В июне 2021 года по сравнению с апрелем отмечается рост индекса запаса терпения жителей Вологодской области на 4 пункта (со 155 до 159 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

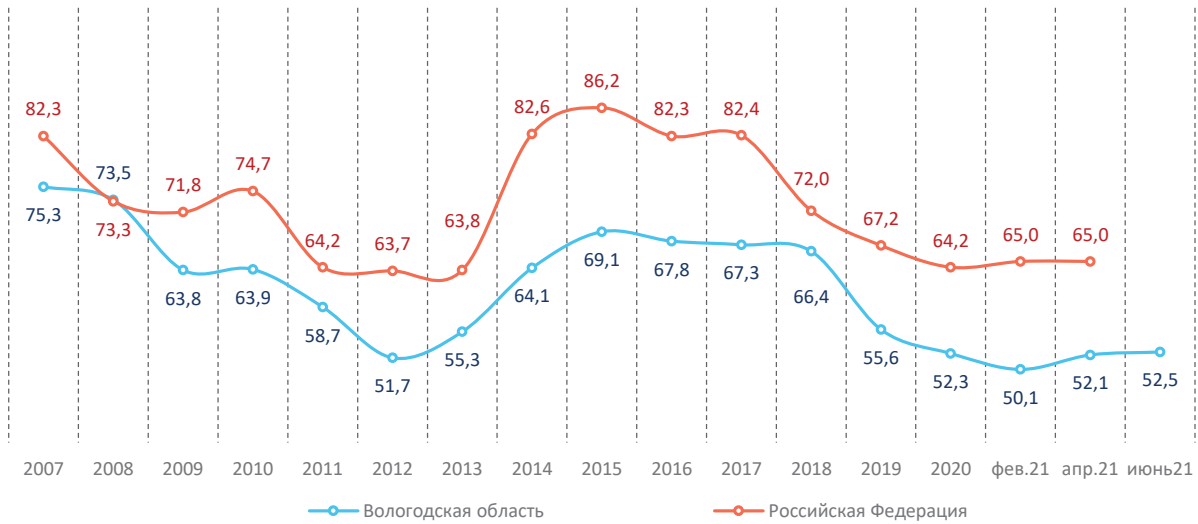

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С апреля по июнь 2021 года оценка жителями Вологодской области работы главы государства не изменилась: доля положительных суждений находится на уровне 52–53%.

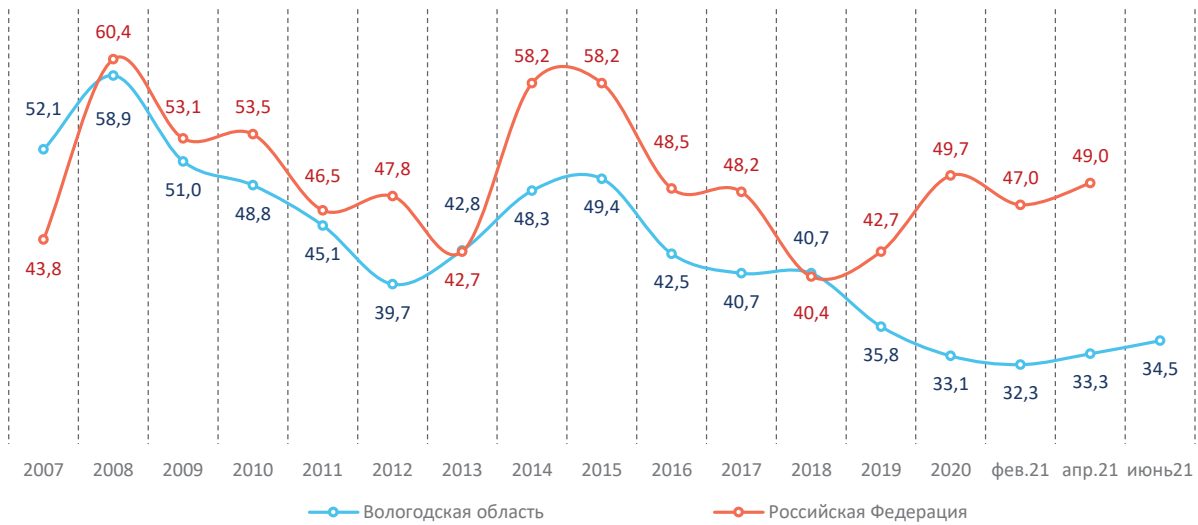

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В апреле – июне 2021 года доля жителей Вологодской области, одобряющих деятельность Правительства РФ, остается стабильной и составляет 33–35%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНИЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра (<http://www.levada.ru>).

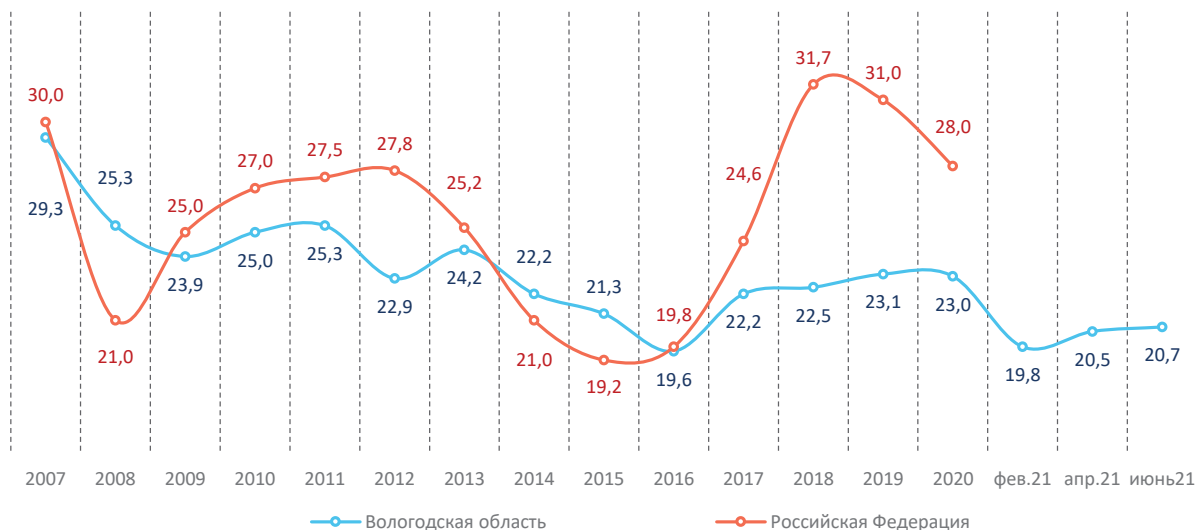

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

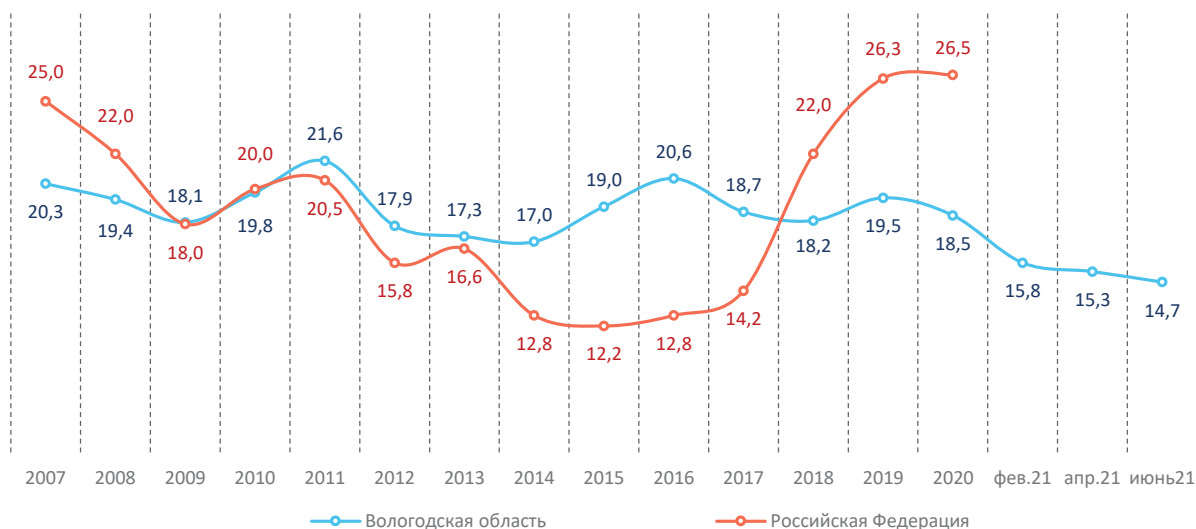

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

С начала 2021 года не наблюдается существенных изменений в уровне социальной напряженности жителей Вологодской области. Показатель вероятности протестных выступлений находится на уровне 20–21%, а доля населения региона, готового принять участие в акциях протеста, составляет 15–16%.

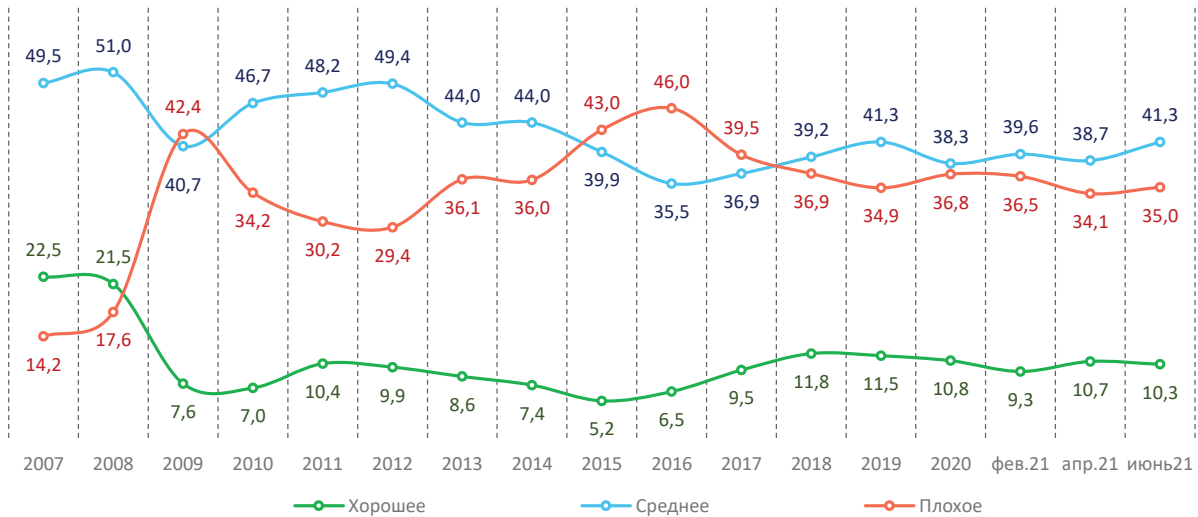

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С апреля по июнь 2021 года оценочные суждения жителей Вологодской области по отношению к экономическому положению региона не изменились. Доля положительных оценок составляет 10–11%, нейтральных – 39–41%, отрицательных – 34–35%.

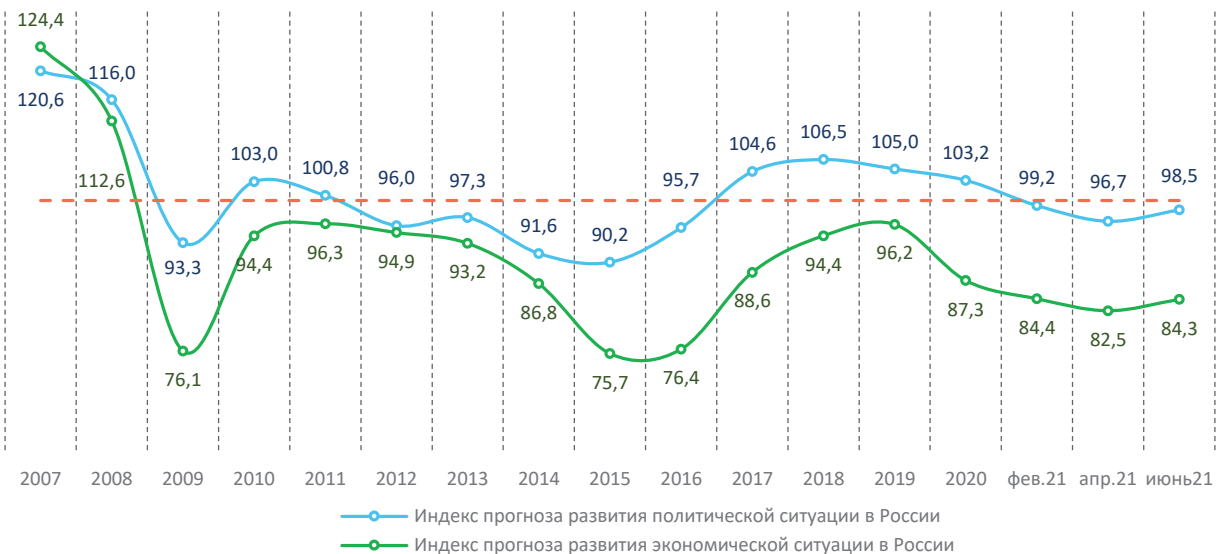

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России остаются стабильными с начала 2021 года и составляют 97–99 и 83–84 п. соответственно.

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

30 июня 2021 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором было представлено научное сообщение зам. зав. отделом, ведущего научного сотрудника канд. экон. наук С.А. Кожевникова «Эффективность механизмов управления интеграцией пространства северного региона в контексте реализации Стратегии пространственного развития РФ».

В начале своего выступления Сергей Александрович показал актуальность изучения заявленной тематики, обозначил цель и гипотезы исследования.

В основной части сообщения докладчик сосредоточил внимание на категории пространственной интеграции экономики, представив анализ важнейших теоретических концепций. Подробно были рассмотрены предпосылки и барьеры интеграции экономического пространства Европейского Севера России, дана оценка эффективности форм, методов и инструментов управления пространственной интеграцией северного региона.

Вторая часть сообщения была посвящена исследовательской деятельности ла-

боратории пространственного развития и размещения производительных сил ФГБУН ВолНЦ РАН. Сергей Александрович рассказал о результатах работы коллектива, а также наметил перспективы развития научного направления по изучению тенденций и обоснованию инструментов развития и повышения эффективности использования потенциала территориальных систем на основе формирования устойчивых социально-экономических связей по линии «крупный город – малый город – село».

В обсуждении приняли активное участие д-р экон. наук А.А. Шабунова, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор В.А. Ильин, канд. экон. наук О.Н. Калачикова, д-р экон. наук, профессор Т.В. Ускова, д-р экон. наук А.В. Маклахов, д-р экон. наук, профессор Е.С. Губанова.

Материал подготовила
Т.И. Соколова
кандидат филологических наук
ученый секретарь
ФГБУН ВолНЦ РАН

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Структурная трансформация региональной экономики: монография / Т.В. Ускова [и др.]; под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 232 с.

В работе обоснована необходимость структурного подхода к управлению региональной экономикой. Обобщены теоретико-методологические аспекты структурных исследований экономики. На основе анализа ключевых экономических показателей и данных межотраслевых балансов доказано наличие системного кризиса в экономике страны, во многом предопределенного слабым регулированием сферы общественного воспроизводства. Зафиксированы диспропорции в отраслевой структуре экономики, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения. Установлено, что преодоление системного кризиса требует активного включения государства в регулирование воспроизводственных процессов. Обоснованы приоритетные направления региональной структурной политики.

Монография адресована работникам органов государственного управления, научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы государственного регулирования экономики.

Инновационные технологии производства сельскохозяйственной продукции / Г.А. Симонов [и др.]; под ред. Г.А. Симонова. Вологда – Молочное, 2021. 165 с.

В издании представлены экологически безопасные инновационные технологии производства высококачественной сельскохозяйственной продукции, направленные на повышение эффективности развития АПК Европейского Севера РФ.

Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты: мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 10–11 декабря 2020 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 470 с.

В сборнике представлены материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты», проходившей в г. Вологде 10–11 декабря 2020 года и приуроченной к 30-летию Вологодского научного центра Российской академии наук. Ее организаторами выступили Министерство науки и высшего образования, Российская академия наук, Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Вологодский научный центр РАН.

В рамках конференции были организованы пленарное заседание и работа трех секций. На пленарном заседании обсуждались проблемы устойчивого развития регионов и современные социальные проблемы страны. Участниками секционных заседаний рассмотрены актуальные вопросы современной экономики, социально-демографического и научно-технологического развития российских регионов.

Участие в конференции приняли ведущие российские ученые, представители вузовской и академической науки, экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся вопросами экономического и социального развития.

Научные семинары 2019–2020 гг. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 133 с.

В данном издании представлена краткая информация о содержании научных семинаров ФГБУН ВолНЦ РАН, проводившихся в 2019–2020 гг. Тематика семинаров охватывает вопросы социально-экономического развития территорий и методического сопровождения учебного процесса в Научно-образовательном центре.

Материалы предназначены сотрудникам ФГБУН ВолНЦ РАН и специалистам, занимающимся проблемами экономического и социального развития региона.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (ptd@volnc.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.07.2021.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21.39. Тираж 500 экз. Заказ № 76
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru